Цена отдельного номера в Москве, в провинции и на ст. жел. дор. 5 коп.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Всесоюзная Коммунистическая Партия (больш.).

ПРАВДА

Орган Центральн. Ком. и Московск. Ком. В.К.П. (б)

РЕДАКЦИЯ: Москва, 6, Тверская, 48. [illegible]

ГЛАВНАЯ КОНТОРА: Москва, 6, Тверская, 48. [illegible]

№ 17 (4151). Воскресенье, 20 января 1929 г. ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА. № 17 (4151).

ЛЕНИН—ЗНАМЯ МИЛЛИОНОВ.

Под знаменем великого вождя.

Пять лет прошло с того незабываемого дня, когда сомкнулись навеки проникновенные глаза Владимира Ильича Ленина. Пять лет прошло с тех пор, как безжалостная материя вырвала из нашей среды величайшего революционера всех времен и народов, бессмертного мастера пролетарской борьбы, беззаветного друга и учителя миллионных масс, чье имя выжжено навсегда в гранитных скрижалях истории, кто был воспитателем нашей партии, кто основал Коминтерн, кто стал основоположником пролетарской диктатуры в огромнейшей стране.

Пять лет, вообще говоря, если мерить на старые «довоенные» меры—не такой уж большой срок. Но пять лет в нашу эпоху, в эпоху всемирных войн и пролетарских революций, в эпоху бешеных темпов и ритмов—есть поистине огромнейшая глыба исторического процесса. За эти пять лет произошли события величайшей важности, даже всемирно-исторической важности. За эти пять лет и для нашей партии, и для нашего рабочего класса, и для всего международного пролетариата образ Ленина не только не потускнел, но он еще ярче, он как живой горит среди нас. И пройдут еще годы и годы, еще резче, неизмеримо радикальнее изменится лицо этого мира, мировое развитие получит еще большее, небывалое ускорение—учение Ленина в этом неудержимом вихре событий найдет себе еще более разительное, еще более очевидное подтверждение. Уже опыт прошлых 5 лет показал, что с каждым годом все больше и все шире «раскрывается» и познается миллионными массами единственная в своем роде гениальность нашего вождя.

Как много и как много нового пережито за эти пять лет! Великая китайская революция, грандиозная стачечная борьба в такой «уравновешенной» и «респектабельной» стране, как Англия; как гром, грянувший среди «ясного неба», июльский штурм в Вене; новые и все более отвратительные «подвиги» социал-демократических вождей, лакеев и министров; [illegible] конфликты между странами, [illegible] прикрываемые «добрососедско-пацифистской» позолотой; меняющая свои формы, но становящаяся все упорнее борьба капиталистического мира против СССР и ныне открыто подготовляемая дуэль Англия—Америка. В то же время пролетарская диктатура в нашей стране становится старше на целых 5 лет, скоро уже вдвое старше! Наша славная ленинская коммунистическая партия разрешает новые задачи огромнейшего размаха и преодолевает новые величайшие трудности; в муках и напряжении переключаем мы рычаги для передвижки на высшую ступень и для разрешения нового исполинского масштаба задач.

Во всем калейдоскопе развертывающихся событий очевидно прежде всего торжество ленинского предвидения. Верные прогнозы Ленина оправдываются, *осуществляются с поражающей точностью* по всей линии. В целом ряде случаев становится только теперь ясным, до какой степени был прав Ленин, выдвигая свои лозунги и директивы. Руководящие указания Ленина попрежнему сохраняют всю свою силу для нас, для большевистской ВКП, творчески оплодотворяют нашу великую борьбу и социалистическое строительство. И для нас, и для всего международного пролетариата боевое учение Ленина было, есть и пребудет могучим прожектором, освещающим путь нашей победы.

За истекшее пятилетие ленинизм еще глубже и шире проник в массы, в пролетарские низы, в среду тружеников города и деревни. И в этом заключается его огромная динамитная, взрывающая и взрыхляющая старый мир, побеждающая сила. Ленинизм торжествует, ленинская правда побеждает,—это является одним из знаменательнейших уроков протекшего пятилетия, как бы ни чурались этого вывода слепцы или «социалистические» шарлатаны. Этот всемирный успех ленинского учения отрадно, конечно, не дался сам собой, не, так сказать, «самотеком». В суровых боях, в упорных схватках с капиталом, в непрекращающейся непримиримой борьбе со всякими явными и тайными оппортунистическими лжеучениями ленинизм пробивал и пробивает себе путь к массе. Ломая священные каноны и устои капиталистического «порядка», опрокидывая хитроумные и модные построения вождей II Интернационала, пробиваясь сквозь строй отравленной лжи и пошлости, отражая бешеные, остервенелые нападки всех врагов революционного пролетариата,—учение Владимира Ильича проникало и проникает в головы тружеников всех народов, рас и континентов.

И всюду, где кипит великая борьба, где человек придавлен стальным прессом эксплоатации и кабалы, повсюду, где стучит рабочий молот и струится пролетарский пот: в каменных чревах современных городов-спрутов и в необ'ятных равнинах цветных материков; в рудниках Южной Англии и в долинах китайских рек; в предместьях Парижа и на острове Кубе; в прирейнских шахтах и на плантациях Индии; в бездушных казармах и в пролетарских каморках; в сырых тюремных подвалах, где гноят вернейших сынов пролетариата; всюду, где поют фабричные гудки, грохочут машины и свистит бич надсмотрщиков,—повсюду становятся понятными простые и гневные ленинские слова, близкими и родными становятся великие и дерзкие замыслы Ленина, зовущие к славным битвам и победам. В этом сознании масс, в железном марше железных рядов, в мерной поступи миллионных фаланг, возглавляемых революционными партиями Коминтерна, слышится неотвратимая, всемирная победа идей Ленина.

Правда, империализм проявляет еще «волю к жизни», на 5/6 земного шара эксплоататоры еще командуют, час окончательной расплаты еще не пробил, генеральное сражение, пылающее мириадами огней, еще не началось. Но упорная подготовка к бою идет с обеих сторон, враждующие армии мобилизуют силы, современные большие стачечные бои уже выступают буревестниками грядущих революций. Капитализм «стабилизировался», но стабилизировался на чрезвычайно шаткой основе, противоречия его воспроизводятся *на все расширяющейся линии*, узел противоречий затягивается все туже. Мир летит к катастрофам, войнам и революциям. Ни один знахарь буржуазного мира, будь он семи пядей во лбу и будь он Морган или Гильфердинг—не в силах «придумать» для капитализма выход. Ибо из противоречий современного капитализма есть только один выход (если не считать гибель культуры, на грань которой может поставить человечество второй тур империалистских войн) — ленинский выход, путь всемирной пролетарской диктатуры, под знаменем которой жил и боролся до конца дней своих Владимир Ильич Ленин.

И Ленин, и до него его гениальный предшественник и учитель, гигант XIX столетия Карл Маркс предупреждали всемирный пролетариат, что победоносная революционная борьба с капиталом—дело очень трудное, что она охватит собой целую эпоху, годы и десятилетия. Путь пролетарской победы по необходимости суров и мучителен. Но по этому пути уже *движутся и наступают* штурмовые колонны бойцов. Ленинизм побеждает и ленинизм победит! Его победой будет полное свержение эксплоататорского строя.

Как организовать соревнование?

Печатаемая ниже статья написана Лениным, повидимому, в конце марта или начале апреля 1918 г. Основанием для ее датировки служит самое содержание статьи; она охватывает тот круг вопросов, которые затронуты и в имеющемся в Институте Ленина черновом наброске «Очередных задач советской власти», продиктованном Вл. Ильичем стенографу 28 марта 1918 г. Не исключена возможность и более раннего ее написания, т. к. эти же вопросы Вл. Ильич наметил себе для разработки уже в конце декабря 1917 г., что видно из [illegible] «Из дневника публициста. (Темы для разработки)».

Статья печатается по рукописи, [illegible] в Институт М. И. Ульяновой.

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА.

Буржуазные писатели исписали и исписывают горы бумаги, восхваляя конкуренцию, частную предприимчивость и прочие великолепные доблести и прелести капиталистов и капиталистического порядка. Социалистам ставили в вину нежелание понять значение этих доблестей и считаться с «натурой человека». А на самом деле капитализм давно заменил мелкое товарное самостоятельное производство, при котором конкуренция могла в сколько-нибудь широких размерах воспитывать предприимчивость, энергию, смелость почина, крупным и крупнейшим фабричным производством, акционерными предприятиями, синдикатами и другими монополиями. Конкуренция при таком капитализме означает неслыханно зверское подавление предприимчивости, энергии, смелого почина массы населения, гигантского большинства его, девяноста девяти сотых трудящихся,—означает также замену соревнования финансовым мошенничеством, деспотизмом, прислужничеством на верху социальной лестницы.

Социализм не только не угашает соревнования, а, напротив, впервые создает возможность применить его действительно широко, действительно в массовом размере, втянуть действительно большинство трудящихся на арену такой работы, где они могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе—непочатый родник и которые капитализм мял, давил, душил тысячами и миллионами.

Наша задача теперь, когда социалистическое правительство у власти,— организовать соревнование.

Прихвостни и прихлебатели буржуазии рисовали социализм как однообразную, казенную, монотонную, серую казарму. Лакеи денежного мешка, холопы эксплоататоров—господа буржуазные интеллигенты—«пугали» социализмом народ, именно при капитализме осужденный на каторгу и казарму безмерного, нудного труда, полуголодной жизни, тяжелой нищеты. Первым шагом к освобождению трудящихся от этой каторги является конфискация помещичьих земель, введение рабочего контроля, национализация банков. Следующими шагами будут национализация фабрик и заводов, принудительная организация всего населения в потребительные общества, являющиеся в то же время обществами сбыта продуктов, государственная монополия торговли хлебом и др. необходимыми предметами.

Широкое, поистине массовое создание возможности проявлять предприимчивость, соревнование, смелый почин является только теперь. Каждая фабрика, где выкинут вон капиталист или хотя бы обуздан настоящим рабочим контролем, каждая деревня, где выкурили помещика-эксплоататора и отобрали его землю, является теперь, и только теперь, поприщем, на котором может проявить себя человек труда, может разогнуть немного спину, может выпрямиться, может почувствовать себя человеком. Впервые после столетий труда на чужих, подневольной работы на эксплоататоров является возможность работы на себя, и притом работы, опирающейся на все завоевания новейшей техники и культуры.

Конечно, эта величайшая в истории человечества смена труда подневольного трудом на себя не может произойти без трений, трудностей, конфликтов, без насилия по отношению к заведомым тунеядцам и их прихвостням. На этот счет ни у кого из рабочих иллюзий нет: закаленные долгими и долгими годами каторжной работы на эксплоататоров, бесчисленными издевательствами и надругательствами с их стороны, измученные тяжелой нуждой, рабочие и беднейшие крестьяне знают, что нужно время, чтобы сломить сопротивление эксплоататоров. Рабочие и крестьяне нисколько не заражены сентиментальными иллюзиями господ интеллигентиков, всей этой новожизненской и прочей слякоти, которые «кричали» против капиталистов до хрипоты, «жестикулировали» против них, «громили» их с тем, чтобы расплакаться и вести себя подобно побитому щенку, когда доходило до дела, до реализации угрозы, до выполнения на практике дела свержения капиталистов.

Великая смена труда подневольного трудом на себя, трудом, планомерно организованным в гигантском, общегосударственном (в известной мере и в интернациональном, в мировом) масштабе, требует также—кроме «военных» мер подавления сопротивления эксплоататоров—громадных организационных, организаторских усилий со стороны пролетариата и беднейшего крестьянства. Задача организационная сплетается в одно неразрывное целое с задачей беспощадного военного подавления вчерашних рабовладельцев (капиталистов) и своры их лакеев— господ буржуазных интеллигентов. Мы были всегда организаторами и начальниками, мы командовали,—так говорят и думают вчерашние рабовладельцы и их приказчики из интеллигенции,—мы хотим остаться таковыми, мы не станем слушаться «простонародья», рабочих и крестьян, мы не подчинимся им, мы превратим знание в орудие защиты привилегий денежного мешка и господства капитала над народом.

Так говорят, думают, действуют буржуа и буржуазные интеллигенты. Со шкурной точки зрения их поведение понятно: прихлебателям и приживальщикам крепостников-помещиков, попам, подьячим, чиновникам из гоголевских типов, «интеллигентам», ненавидящим Белинского, тоже было «труднее расстаться» с крепостным правом. Но дело эксплоататоров и их интеллигентской челяди—безнадежное дело. Их сопротивление рабочие и крестьяне ломают,—к сожалению, еще недостаточно твердо, решительно и беспощадно,—и сломают.

«Они» думают, что «простой народ», «простые» рабочие и беднейшие крестьяне не сладят с великой, поистине героической во всемирно-историческом смысле слова задачей организационного характера, которую возложила на плечи трудящихся социалистическая революция. «Без нас не обойтись»,—утешают себя привыкшие служить капиталистам и капиталистическому государству интеллигенты. Их наглый расчет не оправдается: образованные люди уже теперь выделяются, переходя на сторону народа, на сторону трудящихся, помогая ломать сопротивление слуг капитала. А организационных талантов в крестьянстве и рабочем классе много, и эти таланты только-только начинают сознавать себя, просыпаться, тянуться к живой, творческой, великой работе, браться самостоятельно за строительство социалистического общества.

Одна из самых главных задач теперь, если не самая главная, развить как можно шире этот самостоятельный почин рабочих и всех вообще трудящихся и эксплоатируемых в деле творческой организационной работы. Во что бы то ни стало надо разбить старый, нелепый, дикий, гнусный и мерзкий предрассудок, будто управлять государством, будто ведать организационным строительством социалистического общества могут только так называемые «высшие классы», только богатые или прошедшие школу богатых классов.

Это—предрассудок. Поддерживается он гнилой рутиной, заскорузлостью, рабьей привычкой, а еще больше грязной корыстью капиталистов, заинтересованных в том, чтобы управлять грабя и грабить управляя. Нет. Ни на минуту не забудут рабочие, что им нужна сила знания. Необыкновенное рвение, которое проявляют рабочие в деле образования, проявляют как раз сейчас, доказывает, что на этот счет заблуждений в среде пролетариата нет и быть не может. Но организаторская работа посильна и рядовому рабочему и крестьянину, обладающему грамотностью, знанием людей, практическим опытом. Таких людей в «простонародье», о которых высокомерно и пренебрежительно говорят буржуазные интеллигенты, масса. Таких талантов в рабочем классе и в крестьянстве непочатый еще родник и богатейший родник.

Рабочие и крестьяне еще «робеют», еще не освоились с тем, что они—теперь господствующий класс, еще недостаточно решительны. Этих качеств в миллионах и миллионах людей, всю жизнь вынуждавшихся голодом и нуждой работать из-под палки, не мог создать переворот сразу. Но в том-то и сила, в том-то и жизненность, в том-то и непобедимость Октябрьской революции 1917 года, что она будит эти качества, ломает все старые препоны, рвет обветшавшие путы, выводит трудящихся на дорогу самостоятельного творчества новой жизни.

Учет и контроль—вот главная экономическая задача каждого Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, каждого потребительного общества, каждого союза или комитета снабжения, каждого фабрично-заводского комитета или органа рабочего контроля вообще.

Борьба со старой привычкой—смотреть на меру труда, на средства производства с точки зрения подневольного человека: как бы освободиться от лишней тяготы, как бы урвать хоть кусок у буржуазии,—эта борьба необходима. Эту борьбу уже начали передовые, сознательные рабочие, дающие решительный отпор тем пришельцам в фабричную среду, которых особенно много явилось во время войны и которые теперь хотели бы относиться к народной фабрике, к фабрике, перешедшей в собственность народа, попрежнему с точки зрения единственного помышления: «урвать кусок побольше и удрать». Все, что есть сознательного, честного, думающего в крестьянстве и в трудящихся массах, встанет в этой борьбе на сторону передовых рабочих.

Учет и контроль, если они производятся Советами Раб., Солд. и Крест. Деп. как верховной государственной властью или по указанию, по полномочию этой власти,—учет и контроль повсеместный, всеобщий, универсальный,—учет и контроль за количеством труда и за распределением продуктов,—в этом суть социалистического преобразования, раз политическое господство пролетариата создано и обеспечено.

Учет и контроль, которые необходимы для перехода к социализму, могут быть только массовыми. Только добровольное и добросовестное, с революционным энтузиазмом производимое сотрудничество массы рабочих и крестьян в учете и контроле за богатыми, за жуликами, за тунеядцами, за хулиганами может победить эти пережитки проклятого капиталистического общества, эти отбросы человечества, эти безнадежно гнилые и омертвевшие члены, эту заразу, чуму, язву, оставленную социализму по наследству от капитализма.

Рабочие и крестьяне, трудящиеся и эксплоатируемые! Земля, банки, фабрики, заводы перешли в собственность всего народа! Беритесь сами за учет и контроль производства и распределения продуктов,—в этом и только в этом путь к победе социализма, залог его победы, залог победы над всякой эксплоатацией, над всякой нуждой и нищетой! Ибо в России хватит хлеба, железа, леса, шерсти, хлопка и льна на всех, лишь бы правильно распределить труд и продукты, лишь бы установить всенародный **ДЕЛОВОЙ, ПРАКТИЧЕСКИЙ** контроль за этим распределением, лишь бы победить **НЕ ТОЛЬКО** в политике, но и в **ПОВСЕДНЕВНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ** жизни врагов народа: богатых, их прихлебателей, затем жуликов, тунеядцев и хулиганов.

Никакой пощады этим врагам народа, врагам социализма, врагам трудящихся. Война не на жизнь, а на смерть богатым и их прихлебателям, буржуазным интеллигентам, война жуликам, тунеядцам и хулиганам. Те и другие, первые и последние—родные братья, дети капитализма, сынки барского и буржуазного общества, общества, в котором кучка грабила народ и издевалась над народом,—общества, в котором нужда и нищета выбрасывала тысячи и тысячи на путь хулиганства, продажности, жульничества, забвения человеческого образа,—общества, в котором неизбежно воспитывалось стремление у трудящихся: уйти хоть обманом от эксплоатации, извернуться, избавиться хоть на минуту от постылой работы, урвать хоть кусок хлеба каким угодно путем, какой угодно ценой, чтобы не голодать, чтобы не чувствовать себя и своих близких недоедающими.

Богатые и жулики, это—две стороны одной медали, это—два главные разряда паразитов, вскормленных капитализмом, это — главные враги социализма, этих врагов надо взять под особый надзор всего населения, с ними надо расправляться при малейшем нарушении ими правил и законов социалистического общества беспощадно. Всякая слабость, всякие колебания, всякое сентиментальничанье в этом отношении было бы величайшим преступлением перед социализмом.

Чтобы обезвредить социалистическое общество от этих паразитов, надо организовать всенародный, миллионами и миллионами рабочих и крестьян, добровольно, энергично, с революционным энтузиазмом поддерживаемый учет и контроль за количеством труда, за производством и распределением продуктов. А чтобы организовать этот учет и контроль, вполне доступный, вполне подсильный всякому честному, толковому, распорядительному рабочему и крестьянину, надо вызвать к жизни их собственные, из их среды происходящие, организаторские таланты, надо пробудить в них—и наладить в общегосударственном масштабе—соревнование по части организаторских успехов, надо, чтобы рабочие и крестьяне ясно поняли разницу между необходимым советом образованного человека и необходимым контролем «простого» рабочего и крестьянина за разгильдяйством, столь обычным у «образованных» людей.

Это разгильдяйство, небрежность, неряшливость, неаккуратность, нервная торопливость, склонность заменять дело дискуссией, работу—разговорами, склонность за все на свете браться и ничего не доводить до конца есть одно из свойств «образованных людей», вытекающих вовсе не из их дурной природы, тем менее из злостности, а из всех привычек жизни, из обстановки их труда, из переутомления, из ненормального отделения умственного труда от физического и так далее и тому подобное.

Среди ошибок, недочетов, промахов нашей революции немалую роль играют те ошибки и проч., которые порождаются этими печальными—но неизбежными в данный момент—свойствами интеллигентов из нашей среды и отсутствием достаточного контроля за организаторской работой интеллигентов со стороны рабочих.

Рабочие и крестьяне еще «робеют», от этого они должны избавиться и они, **НЕСОМНЕННО**, от этого избавятся. Без совета, без руководящего указания людей образованных, интеллигентов, специалистов обойтись нельзя. Всякий сколько-нибудь толковый рабочий и крестьянин понимает это превосходство, и интеллигенты нашей среды не могут пожаловаться на недостаток внимания и товарищеского уважения со стороны рабочих и крестьян. Но одно дело—совет и руководящее указание, другое дело—организация **ПРАКТИЧЕСКОГО** учета и контроля. Интеллигенты сплошь да рядом дают великолепнейшие советы и руководящие указания, но оказываются до смешного, до нелепого, до позорного «безрукими», неспособными провести в жизнь эти советы и указания, провести **ПРАКТИЧЕСКИЙ** контроль за тем, чтобы слово превращалось в дело.

Вот где без помощи и без **РУКОВОДЯЩЕЙ РОЛИ** практиков-организаторов «из народа», из рабочих и трудящихся крестьян ни в коем случае не обойтись. «Не боги горшки обжигают» — эту истину *должны крепче всего зарубить у себя* рабочие и крестьяне. Они должны понять, что сейчас все дело в практике, что наступил именно тот исторический момент, когда теория превращается в практику, оживляется практикой, исправляется практикой, проверяется практикой, когда в особенности верны слова Маркса: «всякий шаг практического движения важнее дюжины программ»,[1]—всякий шаг в деле практического реального обуздания, сокращения, взятия под полный учет и надзор богатых и жуликов важнее дюжины отменных рассуждений о социализме. Ибо «теория, друг мой, сера, но зелено вечное дерево жизни».[2]

Надо организовать соревнование практиков-организаторов из рабочих и крестьян друг с другом. Надо бороться против всякого шаблонизирования и попыток установления единообразия сверху, к чему так склонны интеллигенты. С демократическим и социалистическим централизмом ни шаблонизирование ни установление единообразия сверху не имеет ничего общего. Единство в основном, в коренном, в существенном не нарушается, а обеспечивается многообразием в подробностях, в местных особенностях, в приемах подхода к делу, в способах осуществления контроля, в путях истребления и обезврежения паразитов (богатых и жуликов, разгильдяев и истеричек из интеллигенции и т. д. и т. п.).

Парижская Коммуна показала великий образчик сочетания почина, самостоятельности, свободы движения, энергии размаха снизу и добровольного, чуждого шаблонов, централизма. Наши советы идут по тому же пути. Но они еще «робеют», еще не развернулись, не «в'елись» в свою новую, великую творческую работу создания социалистических порядков. Надо, чтобы советы смелее, инициативнее брались за дело. Надо, чтобы каждая «коммуна»—любая фабрика, любая деревня, любое потребительное общество, любой комитет снабжения — выступили, соревнуя друг с другом, как практические организаторы учета и контроля за трудом и за распределением продуктов. Программа этого учета и контроля проста, ясна, понятна всякому: чтобы хлеб был у каждого, чтобы все ходили в крепкой обуви и в недраной одежде, имели теплое жилье, работали добросовестно, чтобы ни один жулик (в том числе и отлынивающий от работы) не гулял на свободе, а сидел в тюрьме или отбывал наказание на принудительных работах тягчайшего вида, чтобы ни один богатый, отступающий от правил и законов социализма, не мог увильнуть от участи жулика, по справедливости долженствующей стать участью богатого: «Кто не работает, тот пусть не ест»—вот практическая заповедь социализма. Вот что надо практически наладить. Вот какими практическими успехами должны гордиться наши «коммуны» и наши организаторы из рабочих и крестьян, тем более из интеллигентов (тем более, ибо гордиться своими общими указаниями и резолюциями они слишком привыкли, чересчур привыкли).

Тысячи форм и способов практического учета и контроля за богатыми, жуликами и тунеядцами должны быть выработаны и испытаны на практике самими коммунами, мелкими ячейками в деревне и в городе. Разнообразие здесь есть ручательство жизненности, порука успеха в достижении общей единой цели: очистки земли российской от всяких вредных насекомых, от блох-жуликов, от клопов-богатых и прочее и прочее. В одном месте посадят в тюрьму десяток богачей, дюжину жуликов, полдюжины рабочих, отлынивающих от работы (так же хулигански, как отлынивают от работы многие наборщики в Питере, особенно в партийных типографиях). В другом—поставят их чистить сортиры. В третьем—снабдят их, по отбытии карцера, желтыми билетами, чтобы весь народ, до их исправления, надзирал за ними, как за вредными людьми. В четвертом—расстреляют на месте одного из десяти, виновных в тунеядстве. В пятом—придумают комбинации разных средств и путем, например, условного освобождения добьются быстрого исправления исправимых элементов из богачей, буржуазных интеллигентов, жуликов и хулиганов. Чем разнообразнее, тем лучше, тем богаче будет общий опыт, тем вернее и быстрее будет успех социализма, тем легче практика выработает—ибо только практика может выработать—наилучшие приемы и средства борьбы.

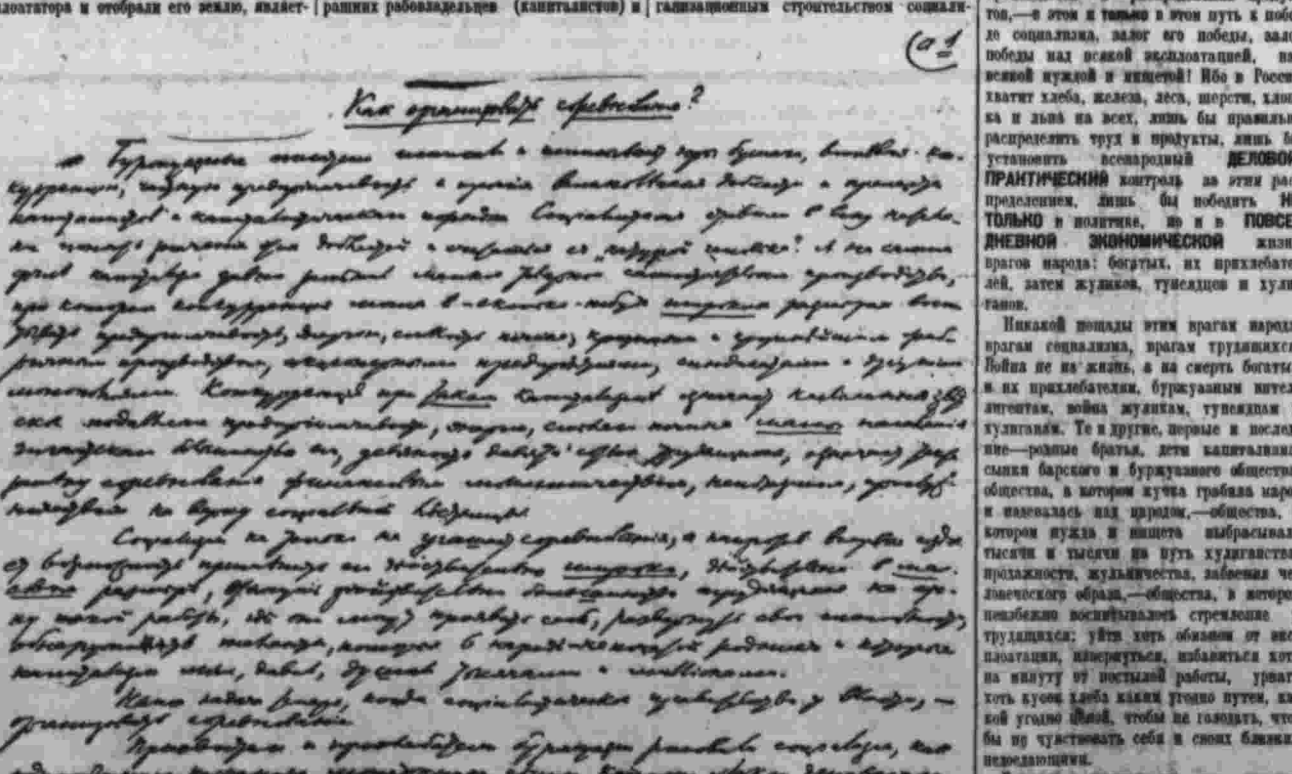
В какой коммуне, в каком квартале большого города, на какой фабрике, в какой деревне нет голодных, нет безработных, нет богатых тунеядцев, нет мерзавцев из лакеев буржуазии, саботажников, называющих себя интеллигентами? В какой больше сделано для повышения производительности труда? Для постройки новых хороших домов для бедноты, для помещения ее в домах богачей? Для правильного снабжения бутылкой молока каждого ребенка из бедных семей?—Вот на каких вопросах должно развернуться соревнование коммун, общин, потребительно-производительных обществ и товариществ, Советов Раб., С. и К. Д. Вот на какой работе должны **ПРАКТИЧЕСКИ** выделяться и выдвигаться наверх, в дело общегосударственного управления **ОРГАНИЗАТОРСКИЕ ТАЛАНТЫ**. Их много в народе. Они только придавлены. Им надо помочь развернуться. Они **И ТОЛЬКО ОНИ**, при поддержке масс, смогут спасти Россию и спасти дело социализма.

В. ЛЕНИН.

Примечания.

1. Вл. Ильич цитирует письмо Маркса к Бракке от 5 мая 1875 г. по поводу Готской программы германской с.-д. партии. (См. К. Маркс. «К критике Готской программы». Гиз, 1927 г., стр. 88).

2. «Теория, друг мой, сера, но зелено вечное дерево жизни». «Grau, teurer Freund, ist alle Theorie, und grün des Lebens goldner Baum»—слова Мефистофеля в «Фаусте» Гете.

Автограф 1-й страницы статьи В. И. Ленина.

Записка В. И. Ленина членам Политбюро.

Непосредственным поводом публикуемой ниже записки Ленина послужила следующая телеграмма, напечатанная в № 26 «Правды», от 2 февраля 1922 года: «ПРОТИВ ВОЙНЫ. Ганновер, 31 января (Радио). Международный союз металлистов внес в комиссию по созыву международного конгресса, имеющего открыться в Риме 21 апреля, предложение об'явить всеобщую забастовку организованных рабочих масс в случае войны. Союз металлистов избрал особую комиссию для энергичной пропаганды своего предложения».

Упомянутый в тексте базельский манифест был принят единогласно всеми социалистическими партиями на чрезвычайном международном социалистическом конгрессе в 1912 г. Манифест «обязывал социалистов на всякую войну, начатую буржуазией и правительствами, отвечать усиленною проповедью гражданской войны и социалистической революции» (Ленин). После об'явления войны, все официальные социал-демократические партии (за исключением большевиков-ленинцев) превратили, как известно, этот манифест в клочок бумаги и выступили на защиту своих правительств.

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА.

Тт. Бухарину, Зиновьеву и Молотову

(для членов П-бюро).

4 февраля 1922 г.

По поводу вчерашнего известия из Ганновера о том, что Международный союз металлистов ставит в порядок дня вопрос о борьбе с войной и принял резолюцию об ответе на войну забастовкой, предлагаю следующее:

1. Поместить ряд статей в «Правде» и «Известиях» с напоминанием судьбы базельского манифеста и с подробным раз'яснением всей ребяческой глупости или [illegible] социал-предательства, [illegible] металлистов.

2. Поставить вопрос на ближайшем расширенном заседании Исполкома Коминтерна о борьбе против войны и принять обстоятельные резолюции с раз'яснением, что только заранее подготовленная и испытанная революционная партия, с хорошим нелегальным аппаратом может успешно провести борьбу против войны, при чем средством борьбы является не забастовка против войны, а образование революционных ячеек в воюющих армиях, подготовка их для проведения революции.

ЛЕНИН.

Чего требовал Ленин от коммуниста.

«Только коммунистическая партия, если она действительно является авангардом революционного класса, если она включает в себя всех лучших представителей его, если она состоит из вполне сознательных и преданных коммунистов, просвещенных и закаленных опытом упорной революционной борьбы, если эта партия сумела связать себя неразрывно со всей жизнью своего класса, а через него со всей массой эксплоатируемых и внушить этому классу и этой массе полное доверие,—только такая партия способна руководить пролетариатом в самой беспощадной, решительной, последней борьбе против всех сил капитализма».

(Ленин, т. 17, стр. 232. Тезисы об основных задачах 2-го конгресса Коминтерна. 4/VII—20).

Выше приведенный отрывок из тезисов II конгресса Коминтерна, написанных тогда, когда нужно было более точно очертить рамки для коммунистических партий, требования, какие Коминтерн должен пред'явить каждой отдельной коммунистической партии и каждому отдельному члену Коминтерна, представляет собой целую программу деятельности коммуниста. В этом отрывке точно и четко формулированы требования, какие может пред'явить к члену коммунистической партии рабочий класс. Прежде всего, коммунистическая партия является **авангардом революционного класса**. Ленин неоднократно подчеркивал разницу между понятием партии и понятием класса, указывая на то, что партия не может включить весь рабочий класс в свои ряды. **«Она включает в себя всех лучших представителей его», «она состоит из вполне сознательных и преданных коммунистов».** Одной преданности рабочему делу мало, нужно, чтобы коммунист был просвещенным, он должен учиться, он должен усваивать сумму знаний, необходимых для руководства классовой борьбой. Коммунистическая партия должна включать в свои ряды «закаленных опытом упорной революционной борьбы». Значит ли это, что она не должна включать в свои ряды молодежь, еще не прошедшего определенной школы, еще не имеющего этого опыта? Конечно, нет. Но из среды этого молодняка, из среды, еще незакаленной опытом упорной революционной борьбы, она все же должна принимать в свои ряды «лучших представителей» этого молодняка, вполне сознательных и преданных коммунистов, знающих, что такое коммунизм, [illegible]

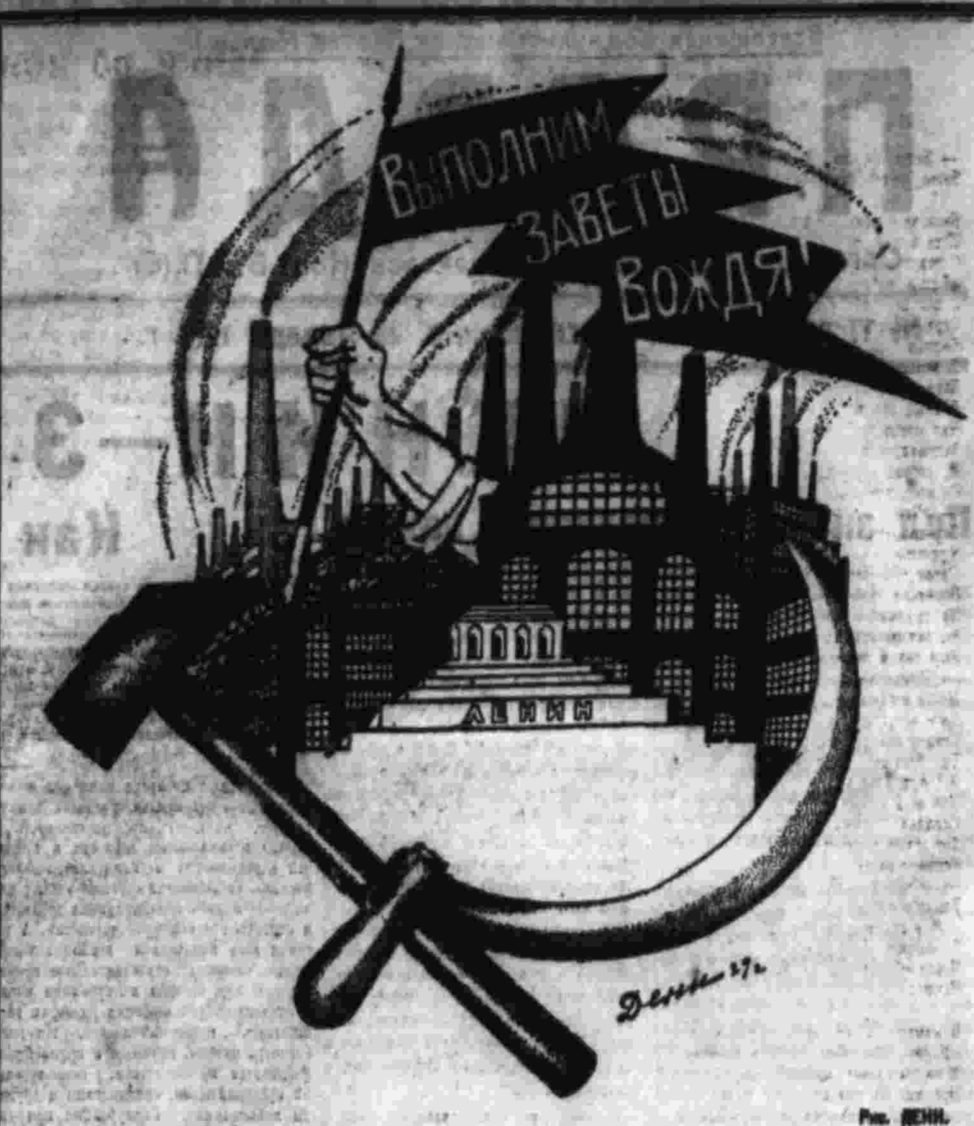

Рис. ДЕНИ.

которые нас душат, нам не вынести». (Ленин. Об улучшении госаппарата. Гиз. 28 г., стр. 66).

Ленин требовал личного опыта, личной ответственности, личной проверки всего того, что делается. Это требование он пред'являет в особенности к руководителям. Именно к руководителям он пред'являет целый ряд требований личного свойства, резко борясь против комчванства, боясь того, чтобы мы, как партия, не зазнались.

В день 50-летия своей жизни, на собрании в МК 23 апреля 1920 г., Ленин закончил пожеланием: «Чтобы мы никоим образом не поставили нашу партию в положение зазнавшейся партии».

Не ошибок боялся Ленин, а неумения сознать свои ошибки и во-время их исправить. В статье «К 4-летней годовщине Октябрьской революции» Ленин писал по адресу тех, кто видит только наши ошибки: «Пусть псы и свиньи умирающей буржуазии и плетущейся за ней мелкобуржуазной демократии осыпают нас кучами проклятий и ругательских насмешек за неудачи и ошибки в постройке нами нашего советского строя. Мы ни на минуту не забываем того, что неудач и ошибок у нас действительно было много и делается много. Еще бы обойтись без неудач и ошибок в таком новом для всей мировой истории деле, как создание не-

лись «скромности и уважению к деловой работе «специалистов науки и техники», для этого надо научиться деловому и внимательному анализу наших многочисленных практических ошибок и исправлению их постепенному, но неуклонному». (Том XVIII, часть I, стр. 88—«О едином хозяйственном плане», 22 февр. 21 г.).

Сосредоточивая величайшее внимание на мелочах повседневной будничной работы, деловой работы, не боясь этих «мелочей», Ленин вместе с тем никогда не считал добродетелью беспринципное делячество, которое,—нечего греха таить,—иногда смешивают с деловитостью в работе.

Особенно Ленин боялся проникновения оппортунизма в нашу среду. Ленин напоминал, «когда говорится о борьбе с оппортунизмом, не следует никогда забывать характерной черты всего современного оппортунизма во всех и всяческих областях: его неопределенности, расплывчатости, неуловимости. Оппортунист, по самой своей природе, уклоняется всегда от определенной и бесповоротной постановки вопроса, отыскивает равнодействующую, вьется ужом между исключающими одна другую точками зрения, стараясь «быть согласным» и с той и с другой, сводя свои разногласия к поправочкам, к сомнениям, к благим и невинным пожеланиям и проч. и проч.» («Шаг вперед, два назад», том V, стр. 473).

Эта характеристика оппортунизма, которую Ленин давал в революционном подполье, осталась верна и до сегодняшнего дня. Оппортунист вовсе не обязательно покидает партию, «оппортунист не пре-

... из нас, каждый из товарищей Ленина по партии, каждый ленинец, обязан в себе все эти черты воспитывать, стремиться к тому, чтобы усвоить возможно полнее эти черты, бороться со всем, что мешает их усвоению. Только тогда каждый из нас будет в праве назвать себя ленинцем.

ЕМ. ЯРОСЛАВСКИЙ.

---

21 января, в 6 ч. вечера, в Большом театре состоится об'единенное заседание ЦК, МК, ЦКК, МКК ВКП(б), ЦИК СССР, ВЦИК, Моссовета, ВЦСПС, МГСПС, общества старых большевиков и Института Ленина совместно с представителями рабочих организаций, посвященное

пятой годовщине со дня смерти Ленина.

Вход по билетам, выдаваемым в РК и УК.

Члены ЦК, МК, ЦКК, МКК ВКП(б), ЦК и МК ВЛКСМ, ЦИК СССР, ВЦИК, Мосгубисполкома, исполкомов Коминтерна и КИМ, общества старых большевиков и члены президиума ВЦСПС и МГСПС проходят по своим мандатам.

МК ВКП(б).

Ленин и задачи науки в социалистическом строительстве.

В тяжелейшие времена нашей революции, в марте 1918 года, т. **Ленин** писал:

«Мы—оборонцы с 25 октября 1917 года. Мы за «защиту отечества», но та отечественная война, к которой мы идем, является войной за **социалистическое** отечество, за социализм, как отечество, за Советскую Республику, как **отряд** всемирной армии социализма.

«Ненависть к немцу, бей немца»,—таков был и остался лозунг обычного, т.-е. буржуазного, патриотизма. А мы скажем: «Ненависть к империалистическим хищникам, ненависть к капитализму, смерть капитализму» и вместе с тем: «Учись у немца! Оставайся верен братскому союзу с немецкими рабочими...»

Да, учись у немца! История идет зигзагами и кружными путями. Вышло так, что именно немец воплощает теперь, на ряду с зверским империализмом, начало дисциплины, организации, стройного сотрудничества на основе новейшей машинной индустрии, строжайшего учета и контроля.

А это как раз то, чего нам недостает. Это как раз то, чему нам надо ...

... ная роль, так беспощадно освещенная прожектором мировой войны, бросается теперь в глаза даже идеологам капитализма. «Что капитализм будет продолжать свое **разрушительное дело** (sein Zerstörungswerk) на земле — по этому поводу не может быть никакого сомнения»,—пишет, напр., признанный маэстро буржуазной науки, профессор **Вернер Зомбарт** [1]). И тем не менее мы переживаем время, когда боевые силы капитализма, его техника, его наука, его экономика снова **растут**. Вот почему задача, поставленная Лениным, отнюдь не снята в ходе исторического развития. Вот почему она так настойчиво и так упорно напоминает о себе.

Распространяться о «пользе наук» **вообще** как будто бы занятие излишнее. Однако, и об этом вспомнить не мешает в наш век, когда «комчванство», столь ненавидимое Ильичом, стало повальной болезнью, когда портфель и партбилет среди бюрократической саранчи почитаются вещами, заменяющими действительные знания и действительную преданность делу. С другой стороны, мы все еще являемся, несмотря на победоносную революцию, **провинциалами** в целом ряде областей, и прежде всего в области на- ...

[1]) W. Sombart: «Die Wandlungen des Kapitalismus». Weltwirtsch. Archiv.

Счастье земли.

Современная восточная легенда о Ленине.

I.

— Беюк кардаш Лени!
Беюк, беюк адам Лени! [1])
* * *
Века за веками, века за веками
Шли и прошли
С тех пор, как писалась
«Книга земли»,
С тех пор, как в небе
Справедливый Аллах
Кончал свою книгу
О земных делах.
Давая людям
Вечный закон,
Над страницею «Счастья»
Задумался он
И, собрав мудрейших
Со всех концов,
— «Что есть счастье?» —
Спросил мудрецов.
Мудрецы, бросая
Слова вразброс,
Отвечали разно
На трудный вопрос.
Но самым мудрым
Был такой ответ:
— Познается счастье
После многих бед.
Кого от рожденья
Станет счастье ласкать,
Тот большего счастья
Всё будет искать.
Кто ж в холоде, мраке
Страдал с юных лет,
Тот детям и внукам
Оставит завет:
— «Счастье—это
Тепло и свет!»
И в своем приговоре
О земных делах
Перед «Счастьем»—«Горе»
Написал Аллах.

II.

И наметил людей он из праха и тлена.
«Цари», «богачи»—он им дал имена.
И до тысячного колена
Проклял их семена.
Он назначил им жизнь—всеблаженное море,
А за гробом казнь — всех мучений лютей.
И сказал: — «Они будут сеять горе
Среди прочих людей».
Пришли цари. И народы
Застонали под их пятой.
Богачи стали брать доходы,
Измываясь над беднотой.
Шли века за веками, века за веками,—
В кровавых войнах, в беспрерывной борьбе
Бедные люди своими руками
Рабские цепи ковали себе
И ждали спасенья от небесного чуда,
О чуде слезно Аллаха моля.
Но Аллах не внял их мольбам, покуда
В поту и крови несчастного люда
Не захлебнулась земля.
И Аллаха сердце не стерпело более.
Послал он посланцев:—«Идите скорей!
Пора прекратить на земле своеволие
Злых богачей и жестоких царей!»
Но убили цари посланцев Аллаха
И царствовать стали еще лютей:
Стали царский кнут и царская плаха
Карать матерей, жен и детей.

III.

Заплакал Аллах справедливый
При виде жизни земной:
— «Власть над земным проклятьем
Утеряна мной!»
Рыдал Аллах, и рыдала
Земля под гнетом царей.
И пришел к Аллаху мудрый,
Который был всех мудрей.
И сказал он:—«Скоро настанут
На земле счастливые дни.
По земле уже ходит, ходит
Беюк кардаш Лени!
Он юн. Еще нежно белеет
На губах его детский пух.
Но высок его ум, и бесстрашен
Его благородный дух.
Он ринется в битву смело
За всех, кто обижен и сир.
Поручи ему это дело,
И он осчастливит мир!»

IV.

Посмотрел Аллах сквозь слезы
В страну, где был мрак без зари,
Где были злые морозы
И злее морозов—цари.
И увидел он реку большую,
И такие сказал он слова:
— «Стоит над рекою, я вижу,
Не один ребенок, а два».
И ответил мудрец Аллаху:
— «Это—они, они:
Со своим Искандером-братом [2])
Беюк адам Лени!»
И было слово Аллаха:
— «Лени будет бич царей.
Я мудрость его утрою
И сделаю взор острей.
Будет мысли читать он чужие.
Сердце мира забьется в нем,
Его кровеносные жилы
Я наполню огнем!»

V.

Вырос Ленин. В ленинском взоре
Была мудрость и острота.
Но слишком в ленинском сердце
Велика была доброта.
Отвращалось оно от крови.
Но бурлила в нем грозная месть.
И решил Аллах еще жертву,
Еще жертву одну принесть:
Допустил он, чтоб злыми царями
Убит был у Ленина брат,
Не стерпевший царского гнета,
Об'явивший царям «газават» [3]).
И раскалилось у Ленина сердце,
Как пустыня в летний зной,
Забушевала в нем ярость,
Как ураган степной.
Капли жалости в ленинском сердце
Не осталося ни одной.
И покрыл свое сердце Ленин
Броней стальной.
В тишине стал он слышать часто
Народных восстаний шум,—
Гнев великий, великий и страшный,
Охватил его вещий ум.
И увидел он острым взором
Грядущих сражений огни,
Освободитель народов—
Беюк адам Лени.
— «Бедняки! — он сказал, — об'являйте
Богачам и царям войну!
Пусть к тысяче рек кровавых
Мы прибавим еще одну,
Мы в этой реке утопим
Всех царей и всех богачей.
Иначе нам к счастью людскому
Не раздобыть ключей!»

VI.

И зажгло бедняков огневое слово,
Прогремев над каждым рабом и рабой.
И настал на земле великий и страшный,
Еще небывалый бой.
Задрожали в небе хрустальные своды,
Всколыхнулись моря, затряслася земля.
Не дни бедняки сражались, а годы,
Из пушек и ружей паля.
Царей, богачей покидали их души,—
Уже корчились многие в адских котлах.
От их криков и стонов затыкал себе уши,
Чтоб не оглохнуть, справедливый Аллах.
Час победный бывал и у стана злого,
Но ленинский голос звенел трубой,
И усталых бойцов его дивное слово
Подымало на новый бой.
Победил все же Ленин земное проклятье
И робость согнал с народных очей!
Но — не всех царей уничтожил Ленин,
Не всех богачей.
Враги в неуемной к Ленину злобе
Пытались продажных убийц подкупить
И однажды преступной, наемной рукою
Попытались его убить.
Глупцы! Они того и не знали,
Что бессмертна его стезя,
Что огонь—его кровь, что отравленной пулей
Умертвить его нельзя!
Нет, солнце его не знает захода!
Его свет досель не погас!
Нет, нет, в январе 24-го года
Он не умер, а лишь отошел от нас!
Он жив! Он жив! Его смерть—только слово!
Его речи все так же врагам страшны.
Перед будущим делом, после дела былого,
Отдыхает Ленин в стране тишины.
Но смотрит он зорко-зорко на землю
И читает злые мысли врагов.
Он к нам вернется, как только услышит
Подозрительный топот вражьих шагов!
И снова он боевые колонны
Поведет на победный, решительный бой.
И снова пойдут за ним миллионы
Всех, кто борется с черной, рабской судьбой!
И увидят тогда все последние гады,
Что зажал их Ленин в последнем кругу.
Еще более гневный, не даст он пощады
Ни одному врагу!
Из «Книги жизни» выпадет горе:
Наступят счастливые, светлые дни!
И земли оснянется надписью вскоре:
«Беюк, беюк адам Лени!»

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ.

[1]) Великий, великий человек Ленин!

[2]) Искандер — Александр.
[3]) Священная война.

Ленин об инициативе масс.

Большевистская партия сильна тем, что она живет одной жизнью с рабочими массами. У нее нет интересов, отличных от интересов пролетариата. В этом ее огромная, непобедимая сила.

Если у большевистской партии действительно одна жизнь с рабочим классом, то этого партия достигает не тем, что «подлаживается» к отсталости масс, а тем, что всегда руководит ими, активизирует, пробуждает, организует массы, ведет их в бои за правильно понятые интересы пролетариата. Руководя рабочим классом, большевистская партия вместе с тем дорожит всякой революционной инициативой, всяким почином, исходящим от масс и направленным к тому, чтобы найти и испробовать что-либо новое в формах и методах борьбы за социализм, соответствующее новым условиям, новому этапу борьбы.

Никто не умел так ценить революционный почин, идущий со стороны масс, как Владимир Ильич Ленин. Никто с такой внимательностью и любовью не изучал опыта масс, как он, для того, чтобы из этого опыта почерпнуть новую директиву действия. Никто с такой настойчивостью и решительностью не призывал большевистскую партию учиться у масс.

В. И. Ленин на демонстрации 1-го мая 1919 г.

Приведем два примера из двух разных эпох.

Первый пример из эпохи войны,—лозунг братания. Этот лозунг взят был Лениным непосредственно из опыта масс, он явился продуктом их собственной революционной инициативы.

Уже в марте 1915 г., при первых промелькнувших в буржуазной печати сведениях о фактах братания, Ленин отмечает эти факты статьей «К иллюстрации лозунга гражданской войны»:

«Из Берлина от 8 января нового стиля сообщали швейцарские газеты: «В последнее время газеты неоднократно печатали известия о мирных попытках сближения между траншеями немцев и французов. Как сообщает «Tägliche Rundschau», приказ по армии от 29 декабря запрещает братание и вообще всякое сближение с неприятелем в траншеях; нарушение этого приказа будет караемо как государственная измена».

Итак, братание и попытки сближения есть факт. Военное начальство Германии обеспокоено им: следовательно, оно придает ему серьезное значение. В английской рабочей газете «Labour Leader» от 7 января 1915 года сообщается целый ряд цитат из буржуазных английских газет, свидетельствующих о случаях братания английских и немецких солдат, устраивавших «перемирие на 48 часов» (на Рождество), дружелюбно встречавшихся на полпути между траншеями, и т. д. Английское военное начальство запретило братание особым приказом. А социалистические оппортунисты и их защитники (или слуги? подобно Каутскому) уверяли рабочих с видом необычайно самодовольным и со спокойным сознанием, что военная цензура охранит их от опровержений,—уверяли, будто соглашения между социалистами воюющих стран о действиях против войны невозможны (буквальное выражение Каутского в Neue Zeit!)». (Соч., т. XIII, стр. 59—60. Курс. Ленина).

Оппортунисты «уверяли, что соглашения между социалистами воюющих стран невозможны», а опыт масс доказывает, что такие «соглашения» (не между оппортунистами, а между рабочими воюющих стран) вполне возможны и неизбежны, что идея их уже начинает стихийно осуществляться на практике. Таков первый вывод Ленина из этих фактов.

Лозунг братания стал одним из важнейших большевистских антивоенных и антиимпериалистических лозунгов. В апреле 1917 г. Ленин пишет в «Правде» о братании:

«Ясно, что братание есть революционная инициатива масс, есть пробуждение совести, ума, смелости угнетенных классов, есть, другими словами, одно из звеньев в цепи шагов к социалистической, пролетарской революции.

Да здравствует братание! Да здравствует начинающаяся всемирная социалистическая революция пролетариата!»

И дальше:

«Чтобы братание возможно легче, вернее, быстрее шло к нашей цели, мы обязаны заботиться о наибольшей организованности и о ясной политической программе его...

Мы добиваемся, чтобы братание не ограничивалось разговорами о мире вообще, а переходило к обсуждению ясной политической программы, к обсуждению вопроса, как кончить войну, как свергнуть иго капиталистов, начавших войну и затягивающих ее и ныне». (Статья «Значение братания», 28 апр. 1917 г., соч. т. XIV, ч. 1.).

Уметь пробудить, уметь «открыть» (и изучить) проявленную массами революционную инициативу, своевременно обобщить опыт этой инициативы, организовать и развивать ее, всячески поднимая сознательность и активность масс на высшую ступень,—таковы задачи большевистской партии.

* * *

Другой пример, который мы имеем в виду, это—коммунистические субботники. Всем известна брошюра Ленина «Великий почин» («О героизме рабочих в тылу. По поводу «коммунистических субботников»), написанная 28 июня 1919 года. Ленин начал эту брошюру с того, что полностью привел из газет подробное описание организации первых субботников московскими железнодорожниками-коммунистами (М.-К. ж. д., а по их примеру и б. Александровской дороги). Примеру коммунистов последовали беспартийные рабочие.

«Я привел,—писал Ленин,—с наибольшей полнотой и подробностью сведения о коммунистических субботниках, ибо здесь, несомненно, мы наблюдаем одну из важнейших сторон коммунистического строительства, на которую наша печать обращает недостаточно внимания и которую мы все недостаточно еще оценили.

Поменьше политической трескотни, побольше внимания самым простым, но живым, из жизни взятым, жизнью проверенным фактам коммунистического строительства — этот лозунг надо неустанно повторять всем нам, нашим писателям, агитаторам, пропагандистам, организаторам и т. д.». (Соч. т. XVII, стр. 247; курсив мой. В. А.).

Почему Ильич обратил такое исключительное внимание на субботники, что именно в них он оценил прежде всего и больше всего? Вот его ответ:

«Коммунистические субботники именно потому имеют громадное значение, что они показывают нам сознательный и добровольный почин рабочих в развитии производительности труда, в переходе к новой трудовой дисциплине, в творчестве социалистических условий хозяйственной жизни». (Стр. 252; курсив мой. В. А.).

И дальше, приводя сравнение германского буржуазного демократа И. Якоби, сказавшего, что основание одного рабочего союза имеет большее историческое значение, чем битва под Садовой, Ленин пишет:

«...Так и мы можем сказать, что первый коммунистический субботник, устроенный 10 мая 1919 года железнодорожными рабочими М.-К. ж. д., в Москве, имеет большее историческое значение, чем любая победа Гинденбурга и Фоша и англичан в империалистической войне 1914—1918 годов».

Значение субботников 1919 года в том, что в необычайно трудный для советской власти момент:

«вот эти голодные рабочие, окруженные злостной контрреволюционной агитацией буржуазии, меньшевиков и эсеров, устраивают коммунистические субботники, работают сверхурочно без всякой платы и достигают громадного повышения производительности труда, несмотря на то, что они устали, измучены, истощены недоеданием. Разве это не величайший героизм? Разве это не начало поворота, имеющего всемирно-историческое значение?» (Стр. 254, курсив Ленина).

«Коммунизм начинается там, где появляется самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд, забота рядовых рабочих об увеличении производительности труда, об охране каждого пуда хлеба, угля, железа и других продуктов, достающихся не работающим лично и не их «ближним», а «дальним», т.-е. всему обществу в целом, десяткам и сотням миллионов людей, об'единенных сначала в одно социалистическое государство, потом в союзы советских республик». (Стр. 255, курсив Ленина).

«Забота рядовых рабочих» о социалистической индустрии, о «каждом пуде хлеба, угля и железа», достающемся «не работающим лично и их «ближним», а «дальним», т.-е. всему обществу»,—вот где «начинается коммунизм». И потому пробуждение всесторонней инициативы и активности рабочих масс в деле организации победы революции, в деле социалистического строительства является первейшей задачей нашей большевистской партии.

В апреле 1917 г. в статье «С'езд крестьянских депутатов» Ленин решительно и четко поставил задачу перехода от мелкого хозяйства к [illegible] крупному, общественному. Он писал:

«Мы не можем скрывать ни от крестьян, ни тем более от пролетариев и полупролетариев деревни, что мелкое хозяйство при сохранении товарного хозяйства и капитализма не в состоянии избавить человечество от нищеты масс, — что надо думать о переходе к крупному хозяйству на общественный счет и браться за него тотчас, уча массы и учась у масс практически целесообразным мерам такого перехода». (Соч., т. XIV, ч. 1, стр. 90. Курсив Ленина).

И здесь мы видим, как крупнейшая историческая задача пролетариата — построение социализма в земледелии — поставлена Лениным в теснейшую связь с опытом масс, с их инициативой. Проводя решительный сдвиг в деле обобществления сельского хозяйства, партия проводит его именно «уча массы и учась у масс», стремясь выдвигать те формы и методы кооперирования и коллективизации, которые, на основе предшествующего развития, стали жизненными и приемлемыми для крестьянских, бедняцких и середняцких масс.

* * *

В период Октября Ленин кратко и метко сформулировал задачу строительства нового государственного аппарата пролетарской диктатуры, как задачу научить каждую кухарку управлять государством. Ленин взял пример кухарки, женщины-работницы, несомненно, с целью подчеркнуть необходимость привлечения к делу управления советским государством не только всего пролетарского авангарда, но и самых отсталых слоев пролетариата, которые должны быть обучены и воспитаны под руководством авангарда, чтобы диктатура пролетариата наиболее прочно закрепилась своими корнями во всей массе. Эта установка теснейшим образом связана у Ленина с его глубокой верой в заложенные в массах рабочего класса революционные силы. В той же брошюре «Великий почин» Ленин пишет:

«Нет сомнения, что среди работниц и крестьянок имеется во много раз больше, чем нам известно, организаторских талантов, людей, обладающих уменьем наладить практическое дело, с участием большого числа работников и еще большего числа потребителей, без того обилия фраз, суетни, свары, болтовни о планах, системах и т. п., чем «болеет» постоянно мнящая о себе непомерно много «интеллигенция» или скороспелые «коммунисты». (Стр. 257. Курс. Ленина).

И Ленин призывает к тому, чтобы развивать «эти ростки нового», выдвигать новые силы из масс.

В начале 1918 года при закладке государственного советского аппарата Ленин призывает рабочих и крестьян к почину, к смелой инициативе, не ждущей «указки сверху». Он пишет:

«Рабочие и крестьяне еще недостаточно верят в свои силы, они слишком привыкли, в силу вековой традиции, ждать указки сверху. Они еще не вполне освоились с тем, что пролетариат есть класс господствующий... Этот буржуазный предрассудок еще держится, но скоро он должен погибнуть и погибнет до конца. Мы убеждены в том, что с каждым шагом советской власти будет выделяться все большее и большее количество людей, освободившихся до конца от старого буржуазного предрассудка, будто не может управлять государством простой рабочий и крестьянин.

Организационной задачей и будет задача выдвижения из народных масс руководителей и организаторов. Эта громадная, гигантская задача стоит теперь на очереди дня. Ее нельзя было бы и думать выполнить, если бы не было советской власти,—того аппарата, который может выдвигать людей». (Соч., т. XV, стр. 85—86. Доклад на III Всерос. С'езде Советов. Курсив мой. В. А.).

Когда в начале 1920 года встает вопрос о создании Рабоче-Крестьянской Инспекции, то Ленин пишет:

«Цель: всю трудящуюся массу, и мужчин и женщин особенно, провести через участие в Рабоче-Крестьянской Инспекции...

Для сего на местах составлять списки (по конституции), исключать служащих и т. д.—остальных по очереди всех проводить через участие в Рабоче-Крестьянской Инспекции» [1]).

Наша партия при Ленине и за те годы, когда она осталась без Ленина, проделала огромную работу по вовлечению рабочих и бедняцко-середняцких масс в государственный аппарат и в социалистическое хозяйственное строительство.

Но, конечно, было бы недостойным бахвальством и самоуверенностью заявлять, что та цель, которую Ленин поставил в 1920 г. перед Рабоче-Крестьянской Инспекцией —провести через нее «всю массу»,—достигнута. Это—огромная историческая задача, полное решение которой еще впереди. И смысл и значение развертывания самокритики в массах состоит также в том, чтобы решительно подвинуть нас к осуществлению цели, поставленной Лениным при создании РКИ.

* * *

Большевики — партия, не боящаяся (как боятся оппортунисты) инициативы масс, а опирающаяся на их революционную инициативу. Большевики завоевали себе такой авторитет в массах, который обеспечивает ему позиции руководства точно так же, как рабочий класс в целом в нашей стране, в итоге долгой исторической борьбы с эксплоататорами, завоевал себе тот «морально-политический авторитет» (Ленин) в глазах непролетарских масс трудящихся, который необходим, чтобы руководить ими. Но задача поднятия и укрепления авторитета партии в рабочем классе, партии и рабочего класса—в крестьянских массах не перестает быть постоянной задачей большевистской политики. Естественно, что партия, «правящая», руководящая диктатурой пролетариата, укрепляет в [illegible] этот авторитет в первую голову при помощи государственной власти и ее политики.

Уменье управлять государством, страной, хозяйством играет в таких условиях гигантскую, решающую роль, и Ленин обращал исключительное внимание на это «уменье». В том же «Ленинском Сборнике» (VIII), который мы только что цитировали, Ленин пишет в плане доклада на XI с'езде партии:

«Главное, чего нам [illegible], — культурности, уменья управлять. Иллюстрация этого небольшими примерами. Экономически и политически нэп [illegible] обеспечивает [illegible] постройки фундамента социалистической экономики. Дело «только» в культурных силах пролетариата и его авангарда» [2]).

Но «уменье управлять»—это, в частности, уменье на деле привлекать массы к «управлению». Развивать «культурные силы пролетариата»—это отнюдь не значит заниматься одним «книжным воспитанием» [3]). Это значит, в первую очередь, поднимать массы к управлению и воспитывать их на практике управления государством, вырабатывая культурные общественные навыки в массах.

«Понятие «массы»,—говорил Ленин,—изменчиво, соответственно изменению характера борьбы. В начале войны достаточно было несколько тысяч настоящих революционных рабочих, чтобы можно было говорить о массе... Когда революция уже достаточно подготовлена, понятие «масса» становится другим: несколько тысяч рабочих более не составляют массы. Это слово начинает означать нечто другое. Понятие массы изменяется в том смысле, что под ним разумеется большинство, и притом не просто лишь большинство рабочих, а большинство всех эксплоатируемых; другого рода понимание недопустимо для революционера, всякий другой смысл этого слова становится непонятных». (Речь на III конгрессе КИ, 1921 г., т. XVIII, ч. I, стр. 309. Курсив Ленина).

В эпоху социалистического строительства мы имеем дело с активностью многомиллионных масс, с их творчеством, с инициативой, исходящей из их среды. Тем сложнее и грандиознее, но тем почетнее и благодарнее задача большевистской партии—пробуждать «заботу рядовых рабочих» и трудящихся крестьян об интересах нашего социалистического хозяйства и диктатуры пролетариата в целом,—о всемерном развитии индустрии, о всемерном развитии коллективизации земледелия и т. д.—задача руководить массами, пробуждая и организуя их инициативу во всех областях строительства социализма.

В. АСТРОВ.

[1]) Курсив Ленина. См. «Письмо И. В. Сталину о разработке положения о Рабоче-Крестьянской Инспекции», «Ленинский Сборник», VIII, стр. 25. Материалы, опубликованные в этом сборнике по вопросу об улучшении госаппарата и борьбе с бюрократизмом и волокитой, исключительно интересны, в частности, широкой постановкой в них вопроса о привлечении рабочих и крестьянских масс.

[2]) «Л. Сб.», VIII, «Письмо В. М. Молотову о плане политдоклада на XI с'езде партии». Стр. 68. (Курсив мой. В. А.).

[3]) Не кто иной, как Троцкий, пытался свести дело подготовки новых администраторов и руководителей к «школам и курсам», когда в 1923 году возражал Ленину против идеи об РКИ. («Совершенно не верю»... и т. д.—см. «Ленинск. Сб.», VIII, стр. 86).

Горняки Шопвелла (Англия) назвали новую улицу своего поселка именем Ленина.

ками изучают различные сорта хлопковых растений; физики исследуют физические свойства волокна; химики изучают основные свойства химических элементов; инженеры-механики применяют научные принципы к производственному процессу, и, наконец, «промышленники» (industrialists) являются ответственными за применение результатов исследований ко всему процессу производства в целом (to full-scale production» [18]). Одна «Американская компания телефона и телеграфа» тратит ежегодно 13.000.000 долларов на свои исследовательские лаборатории. Промышленно-исследовательские лаборатории являются «колыбелью электро-химической индустрии». Автомобиль и аэроплан непосредственно связаны с лабораториями стальной промышленности, радио родилось в таких же лабораториях. И т. д. и т. д.

«Национальный Исследовательский Совет», работающий «под началом» «Национальной Академии Наук», об'единяет многочисленные исследовательские лаборатории и бюро; он не является официальным правительственным учреждением, но работает в контакте с правительством.

В Германии точно так же мы наблюдаем расцвет научно-промышленной деятельности: блестящие достижения в области химической, электро-технической и т. д. промышленности следует в значительной степени приписать громадному влиянию научной мысли на процесс производства. «Достаточно напомнить, — пишет проф. Д. Прянишников, — что по английскому плану 1914 года Германия путем блокады должна была быть принуждена к сдаче к весне 1915 года, притом не путем хлебного, но «азотного голода», т.-е. по расчету англичан, Германия, отрезанная от Чили, должна была дальше остаться без взрывчатых веществ; но создание усилиями немецких химиков и инженеров новой отрасли азотной промышленности (синтез аммиака) нарушило все расчеты Англии, а по окончании войны Германия оказалась независимой от Чили в деле снабжения сельского хозяйства азотистыми удобрениями» [19]). С тех пор дело двинулось вперед большими шагами.

Многочисленные бюро и лаборатории об'единены особым органом («Reichskuratorium für Wirtschaftlichkeit»), куда стекаются различные проекты и предложения, главным образом, в связи с вопросами нормирования, типизации, стандартного массового производства и т. д. [20]).

Итак: не подлежит никакому сомнению, что «передовые» капиталистические государства сильно шагнули вперед по пути развития производительных сил; не подлежит никакому сомнению, что в области техники, в области «организации труда», в области организационно-экономических форм, в области использования реформизма капитал добился значительных успехов. (Эти успехи имеют и свою «обратную» сторону: обострение классовой борьбы, рост противоречий капитализма вообще, назревание новой волны революционных потрясений и т. д.; но анализ этих явлений не входит в нашу задачу). Не подлежит точно так же никакому сомнению, что в процессе роста производительных сил капиталистического хозяйства наука играет теперь такую роль, какой она не играла никогда ранее. Перегнать капиталистическую технику—это значит поэтому догнать и перегнать капиталистическую науку.

Вышеупомянутый профессор Бонн «мимоходом» упоминает и о нас грешных, т.-е. о СССР. И здесь он ставит проблему весьма трезво (ведь речь идет не о популярной брошюре «для народа» с неизбежным низкопробным враньем, а о «солидном» издании берлинской торгово-промышленной палаты!):

«Основная задача хозяйства состоит в равномерно хорошем —а не в равномерно плохом—снабжении населения хозяйственными благами. По этой причине в Советской России особенно велик интерес к вопросам рационализации. Ее (Советской России. Н. Б.) существование зависит до известной степени от того, удастся ли ей построить такой технический аппарат, который был бы более эффективен (leistungsfähiger), чем созданный в руководимый частными капиталистами механизм западно-капиталистического мира» [21]).

В основном эта постановка вопроса совершенно правильна. Но если она правильна, то совершенно очевидно, какие добавочные задачи она на нас возлагает.

Нужно, прежде всего, понять раз навсегда, что мы победим при научном хозяйственном руководстве или же мы не победим вовсе. Это покажется, быть может, преувеличением или — боже, упаси! — «академическим уклоном». Тем не менее это — историческая истина реконструктивного периода.

II.

Никогда не следует забывать, что в октябре 1917 г. пролетариат мог победить не только потому, что поднялся могучий океан разбушевавшихся народных страстей, не только потому, что сам он, пролетариат, маршировал, как один человек, в бою против буржуазно-помещичьего блока, но и потому, что он имел прекрасное руководство, гениального полководца пролетарских армий, марксистское руководство, позволявшее правильно, научно, учитывать обстановку, и поэтому правильно, научно действовать. Возьмите такие статьи Ильича, как, например, его знаменитую статью «Кризис назрел» (перед восстанием в Октябре), или его «брестские» речи, или брошюру о продналоге, или его предсмертные статьи, — все это блестящие образцы научного анализа, научного предвидения, научной политики. На это наша буржуазия была неспособна. Полностью на это не окажется способной и международная буржуазия. Но мы далеко, далеко еще не научились действовать научно в других областях, куда необходимо должна все более переключаться классовая энергия пролетариата и его партии.

В октябре 1917 г. речь шла о том, чтобы двинуть массы в вооруженную борьбу и в этой борьбе победить. Теперь задача состоит в том, чтобы двинуть массы на напряженную строительную работу, и хозяйствовать умело, с наименьшими простоями, в масштабе огромной страны и в условиях грандиозной технической реконструкции.

К хозяйственному руководству и к руководству вообще пред'являются теперь требования совершенно исключительные. В капиталистическом мире стихия рынка решала многие основные вопросы. «Барометрические колебания цен» распределяли производительные силы. Дух строгого расчета, всепроникающей калькуляции, тщательного высчитывания рентабельности, точной научной бухгалтерии касался, прежде всего, индивидуального «предприятия», синдиката, треста, концерна. Ошибки и просчеты имели свои масштабы именно эти масштабы. У нас неслыханная концентрация средств производства, транспорта, финансов и т. д. в руках государства дает, с одной стороны, гигантские преимущества, с другой—любой просчет и любую ошибку обнаруживает в ее общественных размерах. В капиталистическом обществе отдельные акты закупщиков, продавцов и покупателей, фабрикантов и банкиров взаимно более или менее уравновешиваются, а накопление противоречий выравнивается в кризисах.

У нас, в переходный период, в основных производственных отраслях хозяйственное руководство ворочает сразу огромными хозяйственными глыбами, и здесь не может быть таких молекулярных взаимных уравновешиваний. Поэтому при неправильной политике напрасные издержки всего процесса в целом могут быть не меньше, чем издержки от анархичности капитализма. И, наоборот, при правильной политике возможность ворочать огромными массами, считать миллионами, дает пролетариату великолепные козыри по сравнению с капиталистическими возможностями, имеющимися у капиталистов. А это и значит: победить можно лишь при научном руководстве; наша плановая политика должна вырастить (она уже начинает вырастать) в особую прикладную науку, опирающуюся на свою теорию и на целый ряд научных дисциплин. Для этого должна быть научно поставлена бухгалтерия и статистика. Только по крайнему невежеству можно полагать, что у нас должно быть меньше калькуляции и расчета, чем в капиталистическом хозяйстве. Принципы, направление этого расчета, отношение к массам, к работающим людям и [illegible] иное. Но точность и об'ем счета, его значение у нас должны быть несоизмеримо больше. Об'ективность статистики, ее приспособление к действительности, а не к суб'ективным желаниям, как выражался Ильич, «самомнению», есть элементарная предпосылка правильной политики. Если принять во внимание, что при построении плана приходится иметь дело и с учетом элементов стихийности, и с особыми формами борьбы классов, и с необходимостью по-новому районировать хозяйство, и с новой техникой, и с новыми формами экономических организаций, и с крайне сложными и изменчивыми отношениями к капиталистическому окружению, то нетрудно будет понять огромную научную, теоретическую и практическую одновременно, трудность составления народно-хозяйственного плана. Эта работа требует и общих теоретических знаний, и точного знания действительности, и довольно сложных математическо-статистических знаний. Отсюда—огромная роль Госплана и связанных с ним научных институтов.

Но государственный аппарат—весь аппарат в его целом—представляет такую громадную машину, что он сам должен стать предметом изучения, а управление им—в значительной мере основываться на данных этого изучения.

«И тут нельзя забывать,—писал по этому поводу Владимир Ильич,—что эти знания мы слишком еще склонны возмещать (или мнить, что их можно возместить) усердием, скоропалительностью и т. д.

Нам надо во что бы то ни стало поставить себе задачей для обновления нашего госаппарата: во-первых, учиться, во-вторых, учиться и в-третьих, учиться и затем проверить то, чтобы наука у нас не оставалась мертвой буквой или модной фразой (а это, нечего греха таить, у нас особенно часто бывает), чтобы наука действительно превращалась в плоть и кровь, превращалась в составной элемент быта вполне и настоящим образом. Одним словом, нам надо пред'являть не те требования, что пред'являет буржуазия Западной Европы, а те, которые достойно и прилично пред'являть стране, ставящей своей задачей развиться в социалистическую страну» [22]).

Владимир Ильич заранее считался с тем, что «большинство «практиков» в Рабкрине об'явит эти требования неисполнимыми, или будут презрительно посмеиваться над ними» [23]). Но он считал, что без выполнения этого требования РКИ не имеет права на существование. Владимир Ильич, ни капли не боясь слов, сравнивал реорганизованную по его плану РКИ с «учреждениями академического типа» [24]), требовал увязки работ членов ЦКК в Политбюро с занятиями теорией, т.-е. «теорией организации той работы, которой они намереваются себя посвятить», и с занятиями «под руководством либо старых товарищей, либо преподавателей высших институтов организации труда» [25]).

Если,—как выражался Ленин,—«теория организации» необходима в общественном масштабе (вопросы плана, вопросы совокупного государственного аппарата, наконец, вопросы организации масс), то, с другой стороны, необходима и действующая теория организации труда в отдельных производственных ячейках, отдельных трестах, отраслях производства и т. д. Отсюда величайший интерес к тэйлоризму.

«Советская республика,—писал в этой связи тов. Ленин,—во что бы то ни стало должна перенять все ценное из завоеваний науки и техники в этой области. Осуществимость социализма определяется именно нашими успехами в сочетании советской власти и советской организации управления с новейшим прогрессом капитализма. Надо создать в России изучение и преподавание системы Тэйлора, систематическое испытание и приспособление ее» [26]).

Экономические расчеты, однако, связаны своей другой стороной с учетом технического эффекта новых машин, аппаратов, приемов работы и т. д. и т. п. Суть дела не только в составлении планов, управлении и научной организации труда. Реконструктивный период предполагает и техническую реорганизацию. Эта техническая реорганизация (введение новых машин, постройка нового типа заводов, создание целых новых производственных отраслей, введение новых технических производственных приемов и т. д.) предполагает возрастающее применение естественных наук, и в первую очередь наук технических. Мы можем похвастать целым рядом первоклассных научно-исследовательских институтов, но по сравнению с нашими капиталистическими противниками мы крайне отстали. В технической области мы должны подняться на плечах достижений Запада, взяв у врага все, что можно взять.

Россия была страна отсталая. Но она дала пролетариату целую плеяду первоклассных марксистов. Это было возможно, ибо более культурные народы, в первую очередь немцы, создали массу идей, до которых не нужно было доходить обязательно «своим умом». В этом смысле марксизм был «импортирован» с Запада. С другой стороны, сам марксизм вырос на плечах немецкой (буржуазной) идеалистической философии, английской (буржуазной) политической экономии и французского социализма. Таким образом, «русский» марксизм вырос на основе продуктов западного производства, в свою очередь являющихся результатом критически-революционной проработки и переработки буржуазной науки. Социалистическая страна, технически отсталая, должна точно так же—на этот раз в области технических наук прежде всего—«догнать и перегнать» капиталистические страны, не начиная всего процесса с его «азов», а, наоборот, используя последние достижения науки и техники. Экономически это для нас абсолютно необходимо. При огромной скудости «капиталов», при крайней, совершенно исключительной напряженности нашего бюджета, при чрезвычайной нашей заинтересованности в экономии, в максимальной быстроте строительства, в максимальной эффективности новых производственных единиц—мы, разумеется, должны приложить все усилия в использовании технического опыта «заграницы». Серьезное и ответственное изучение этого опыта, практика серьезных и ответственных командировок—при искоренении нравов попрыгунчиков, не уважающих ни науки, ни человеческой личности, ни пролетариата,—должны быть использованы с наибольшей интенсивностью. Наши ученые должны знать научную литературу Запада лучше, чем ученые Запада, как это ни трудно и как это ни тяжело. Наши ученые должны создать, при полной поддержке хозяйственных органов, сеть опытных исследовательских лабораторий и проверять на практике западные достижения. Наши ученые должны быть освобождены от бюрократической канцелярской переписки, которая душит всякое живое дело и на которую убивается огромное количество времени. Наша молодежь должна пройти серьезную школу и должна доказывать свои знания, а не апеллировать к своей коммунистической стопроцентности. Зарекомендовавшим себя ученым должна предоставляться необходимая инициатива и самостоятельность в работе, в особенности там, где речь идет о новых опытах, новых научных течениях и т. д.

Наука—это огромная добавочная производительная сила общества. Она, однако, является тем более могущественным рычагом, чем большими массами она овладевает. Вот почему дело массового просвещения, дело внедрения науки «в плоть и кровь» (Ленин) есть одно из основных условий культурной революции и следовательно одно из основных условий победы социализма.

Ленин был гением революции пролетариата. Он был гениальным стратегом, ибо он научно учитывал соотношение классовых сил. Он был гениальным руководителем пролетарского государства, ибо он шел не от словесных шаблонов, схем, пустых формул, мертвого плана, а от научного анализа действительности. Он был гениальным строителем, потому что он знал цену культуры, ее факторам, их взаимозависимости. Он был гениальным теоретиком, ибо впитал сам и критически переработал все основное, что давал буржуазный мир. Зная все европейские языки, следя за огромной литературой, откликаясь на все живое, Ленин отнюдь не был «москвитом»; он был и практиком и теоретиком, революционером дела и мысли, интернациональным коммунистом и интернациональным революционным ученым. Оттого он мог дать так гигантски много делу нашей революции и делу революции международной. И теперь, в пятую годовщину его страдальческой смерти, нужно вспомнить один из его заветов:

«во-первых — учиться, во-вторых — учиться и в-третьих—учиться».

Н. БУХАРИН.

[18]) Там же, стр. 318.
[19]) Д. Прянишников, l. c.

[20]) «Die Bedeutung der Rationalisierung» и т. д., ст. 8.
[21]) Prof. Bonn, l. c., s. 16.

[22]) Ленин: «Лучше меньше, да лучше».

[23]) Ленин, там же.
[24]) Ленин, там же.
[25]) Ленин, там же.
[26]) Ленин: «Очередные задачи советской власти».

Ильич о колхозном строительстве.

Бурными темпами идет у нас развитие колхозного строительства. Растут коммуны, и в них зарождается новый быт. И часто приходится говорить с коммунарами о том, что писал о коммунах Ильич, как он высказывался по этому вопросу.

Вопрос об об'единении мелких крестьян в крупные общественные хозяйства ставился еще в 90-х годах, тогда, когда шли горячие споры между народниками и марксистами. Народники упрекали марксистов в том, что они хотят обезземелить крестьян, превратить их в пролетариев.

Лучшим ответом могла бы служить напечатанная в 1894 г. в «Neue Zeit» статья Энгельса «Крестьянский вопрос во Франции и Германии». В ней Энгельс пишет о том, что когда коммунисты будут обладать государственной властью, они не будут конфисковать хозяйства мелких крестьян, а путем примера государственной помощи будут содействовать их об'единению, кооперированию их в крупные хозяйства, будут помогать им постепенно переходить в высшую форму об'единения хозяйства, в коммуны.

Я не знаю, знал ли эту статью Владимир Ильич во время своих споров с народниками. Эта статья на русском языке впервые вышла лишь в 1905 году. Владимир Ильич нигде не ссылается на эту статью, хотя позже много раз перечитывал ее. Во всяком случае он тогда знал, что писал по этому поводу Маркс. Вся полемика с народниками того времени, с «друзьями народа», вертелась около вопроса: возможно ли в русских условиях, при самодержавии, при полном политическом бесправии масс, в условиях развивающегося капитализма, путем артелей, товариществ, кооперирования мелких производителей полегоньку да потихоньку, без всякой политической борьбы врасти в социализм? Владимир Ильич доказывал, что это—наивная и вредная утопия. Не против артелей и товариществ, не против кооперирования мелких производителей говорил он, а о необходимой предпосылке для того, чтобы это кооперирование получило смысл, о необходимости политической борьбы, борьбы за власть. После завоевания власти будет другой разговор. Характерно, что писал по этому поводу Ильич в своем «Развитии капитализма», окончательно добившем легальных народников. Там он приводит цитату из III тома «Капитала» Маркса: «Мелкая земельная собственность, по самой своей природе, исключает развитие общественных производительных сил труда, общественные формы труда, общественную концентрацию капитала, скотоводство в крупных размерах, прогрессивное применение науки» (т. III соч. Ленина, стр. 261—старое издание).

И созвучно этому Ильич пишет: «Систематическое употребление машин в сельском хозяйстве с такой же неумолимостью вытесняет патриархального «среднего» крестьянина, с какой паровой ткацкий станок вытесняет ручного ткача-кустаря» (т. III соч. Ленина, стр. 176). И дальше: «Крупная машинная индустрия в земледелии, как и в промышленности, с [illegible] силой выдвигает требование общественного контроля и регулирования производства» (там же, стр. 181). «Развитие капитализма» писалось для легальной печати. Поэтому там нельзя было сказать открыто: при капитализме индустриализация земледелия ведет к разорению крестьянства, к пролетаризации; тогда, когда власть будет в руках пролетариата, индустриализация поведет неизбежно к коллективизации сельского хозяйства. Все это надо было говорить намеками, между строк. И к тому, что сказано было им выше, Ильич прибавляет: «У нас» повышать технику в состоянии только сельские предприниматели. «У нас» этот прогресс сельских предпринимателей, мелких и крупных, неразрывно связан с разорением крестьянства и образованием сельского пролетариата» (стр. 181, там же). «У нас», взятое в кавычки, означало «при капитализме».

Все это писало 30 лет назад. «Развитие капитализма», как известно, писалось в тюрьме и дорабатывалось в ссылке. Прошло лет 20 напряженнейшей политической борьбы. О кооперировании, о коллективизации не говорил и не писал Ильич. Но вот произошла Февральская революция, в корне изменились условия политической жизни, и вот, вернувшись из-за границы, выступая 14-го апреля на петроградской общегородской партийной конференции, Ильич уже говорит: «Национализация земли, это—мера, не выходящая из рамок буржуазного строя, но с национализацией можно помириться, если крестьяне возьмут землю. Мы, как пролетарская партия, должны сказать, что одна земля не накормит. Для обработки ее нужно будет, следовательно, устроить коммуну». В «Открытом письме к делегатам первого всероссийского с'езда крестьянских депутатов в мае 1917 года» он пишет подробно об организации крупных образцовых хозяйств с общей обработкой земли под руководством советов сельскохозяйственных рабочих. «Без этой общей обработки под руководством советов сельскохозяйственных рабочих не выйдет так, чтобы вся земля была у трудящихся. Конечно, общая обработка — вещь трудная, конечно, если бы кто-нибудь вообразил, что такую общую обработку можно сверху постановить и навязать, это было бы сумасшествием, потому что вековая привычка к отдельным хозяйствам сразу исчезнуть не может, потому что тут требуются деньги, требуются приспособления к новым условиям жизни. Если бы эти советы, это мнение относительно общей обработки, общего инвентаря, общего скота с наилучшим применением орудий, совместно с агрономами, если бы эти советы были выдумкой отдельных партий, было бы плохо, потому что по совету партий десятки миллионов людей не идут на революцию, а такая перемена будет гораздо большей революцией, чем свержение слабоумного Николая Романова,—повторяю, что десятки миллионов людей не идут на революцию по заказу, а идут тогда, когда настает безысходная нужда, когда народ попал в положение невозможное, когда общий напор, решимость десятков миллионов людей ломает все старые перегородки и действительно в состоянии творить новую жизнь. (Т. XIV, часть I, стр. 167—168).

И далее Ильич пишет о том, что переход земли в руки трудящихся еще не выход: «Мы знаем, что в Америке в 1865 г. были побеждены рабовладельцы и затем сотни миллионов десятин были розданы крестьянам даром, или почти даром, и тем не менее там господствует капитализм, как нигде, и давит трудящиеся массы так же, если не сильнее, чем в других странах. Вот то социалистическое учение, вот то наблюдение над другими народами, которое нас привело к твердому убеждению, что без общей обработки земли сельскохозяйственными рабочими с применением наилучших машин и под руководством научно-образованных агрономов нет выхода из-под ига капитализма». (Там же).

25 октября победила пролетарская революция, власть перешла в руки советов. 26 октября на втором С'езде Советов был принят так долго жданный крестьянами декрет о земле. Само собой, декрет не устранил классовой борьбы в деревне. Она шла во-всю. Советов, в настоящем смысле этого слова, в деревне еще не было. Весной 1918 года постановлением ВЦИК были организованы «комитеты бедноты». 13 ноября 1918 г. VI С'езд Советов постановил распустить комбеды, организовав сельсоветы и волсоветы и подлинные органы советской власти в деревне, избираемые всем населением, не эксплоатирующим чужого труда. В декабре был созван 1-й всероссийский с'езд земельных отделов, комитетов бедноты и коммун. На этом с'езде Ильич страстно призывал к перестройке всех основ хозяйства, говорил о необходимости борьбы за общественную обработку земли. «Жить по-старому, как жили до войны,—нельзя, и такое расхищение человеческих сил и труда, какое связано с мелким отдельным крестьянским хозяйством, дальше продолжаться не может. Вдвое и втрое поднялась бы производительность труда; вдвое и втрое был бы сбережен человеческий труд для земледелия и человеческого хозяйства, если бы от этого раздробленного мелкого хозяйства совершился бы переход к хозяйству общественному». (Т. XV, стр. 589—599).

Стали в 1919 году довольно усиленно строиться коммуны. Но делу мешали отсталость культурная, отсталость способа производства, неумение взяться за дело. В марте 1919 года на VIII с'езде РКП Ильич, говоря о работе в деревне, вскрыл все трудности этой работы. «Вы знаете,—говорил он,—что деревня была осуждена даже в передовых странах на темноту. Конечно, культурность деревни будет нами повышена, но это дело годов и годов. Вот что у нас забывают товарищи, а вот что особенно наглядно рисует перед нами каждое слово людей с мест». И о другой трудности говорил он: «До сих пор осталось у

Снимок Владимира Ильича 1919 года.

них (у крестьян. Н. К.) предубеждение против крупного хозяйства. Крестьянин думает: «если крупное хозяйство, значит я опять батрак». Конечно, это ошибочно. Но у крестьянина с представлением о крупном хозяйстве связаны ненависть, воспоминание о том, как угнетали народ помещики. Это чувство остается, оно еще не умерло». Ильич указывал, как затрудняет нашу работу в деревне наша общая бедность. «Если бы мы могли дать завтра 100.000 первоклассных тракторов, снабдить их бензином, снабдить их машинистами (вы прекрасно знаете, что пока это—фантазия), то средний крестьянин сказал бы: «я за коммунию» (т.-е. за коммунизм). Но для того, чтобы это сделать, надо сначала победить международную буржуазию, надо заставить ее дать нам эти тракторы, или же надо поднять нашу производительность настолько, чтобы мы сами могли их доставить». Дело перестройки всех основ земледелия—дело длительное. Провести переворот в сельском хозяйстве «сверху» нельзя. «Нет ничего глупее, как самая мысль о насилии в области хозяйственных отношений среднего крестьянина». И Ильич вспоминает статью Энгельса от 1894 г., говорит о том, что надо не командовать, а убеждать, пропагандировать показом. Ильич говорит о громадной роли в этом деле городских рабочих. В ноябре 1919 г. на всероссийском совещании по работе в деревне он опять повторяет: «Только при помощи общего, артельного, товарищеского труда можно выйти из того тупика, в который загнала нас империалистическая война». (Т. XVI, стр. 374).

В декабре 1919 г. был созван 1-й с'езд земельных коммун и сельскохозяйственных артелей. Владимир Ильич свою речь на этом с'езде посвятил вопросу о том, что коммуны, артели и вообще всякие организации, направленные к превращению, постепенному содействию этому превращению, мелкого единоличного крестьянского хозяйства в общественное, не должны обособляться, а должны помогать окрестному крестьянскому населению. Он говорил о громадном значении коммун, о том, что они должны завоевать доверие окружающего крестьянства. «Мы должны опасаться того, чтобы крестьяне не сказали про коммунаров и членов артелей и товариществ, что они—казенные нахлебники, и отличаются от крестьян только тем, что им дают льготу». (Там же).

При переходе к новой экономической политике, в статье «О продовольственном налоге» Владимир Ильич останавливается на вопросе о кооперации (он употребляет тут термин Энгельса, употреблявшего термин «кооперирование», а не коллективизация). «Переход от кооперации мелких хозяйчиков к социализму есть переход от мелкого производства к крупному, т.-е. переход более сложный, но зато способный охватить, в случае успеха, более широкие массы населения, способный вырвать более глубокие и более живучие корни старых, даже до-капиталистических отношений, наиболее упорных в смысле сопротивления всякой «новине». Политика кооперативная, в случае успеха, даст нам под'ем мелкого хозяйства и облегчение его перехода в неопределенный срок к крупному производству на началах добровольного об'единения». (Т. XVIII, ч. 1, стр. 220).

В 1922 г., рассматривая тезисы о работе в деревне к XI с'езду партии, Ильич в письме к членам Политбюро отмечает, что теперь о «кооперировании» нельзя уже говорить голо и абстрактно. «Надо изложить совершенно иначе,—пишет он,—не повторяя голого лозунга «кооперируйтесь», а указывая конкретно, в чем ПРАКТИЧЕСКИЙ ОПЫТ кооперирования и КАК ему помочь». Он говорит о необходимости собирать материал по этому вопросу и разрабатывать его практически. Общие места повторять вредно,—пишет он. Вместо этого лучше хоть один уезд взять и показать деловым анализом, как надо помогать «кооперированию». Он предупреждает против «игры в кооперацию», против переоценки сознательности совхозрабочих. (Ленинский сборник, IV, стр. 390). На XI с'езде Ильич особенно подчеркивал необходимость во всей работе теснее сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством, вести его за собой. И в своей последней статье «О кооперации» он говорит еще раз о всей важности кооперирования, о том, как вести за собой крестьянство по пути кооперирования к перестройке всех основ сельского хозяйства, как вести его к социализму.

Я позволила себе привести так много цитат из Ильича потому, что мне пришлось наблюдать, что статья Ильича «О кооперации» толкуется весьма по-разному, что часто не устанавливается связь между тем, что говорит в ней Ильич, и тем, что он писал и говорил раньше по этому вопросу. А сейчас, шесть лет спустя после написания этой статьи, в условиях, когда колхозное строительство охватывает все более широкие массы, эта статья имеет громадное и именно практическое значение.

Н. КРУПСКАЯ.

По поводу заметок Ленина о бюрократизме.

Читаешь и перечитываешь сказанное и написанное Владимиром Ильичем, читаешь как будто бы до конца знакомые слова и мысли—и все же открываешь в этих старых словах и старых мыслях бесконечно много нового, будто только-что написанного, будто к сегодняшнему дню относящегося, будто в первый раз прочитанного.

Странная сила в том, что Ильичем писалось: написано многое о вопросах, давно отошедших в область прошлого, о людях или умерших или ушедших с арены государственной работы, о событиях, потерявших какое бы то ни было значение, и в то же время каждое слово живет полноценной жизнью, каждая мысль невероятно свежа, невероятно современна. То ли здесь дело в том, что те препятствия, с которыми боролся Ильич, остаются и по сию пору препятствиями еще не преодоленными, еще не преодоленными. То ли дело здесь в исключительной силе ленинского гения, умевшего мелкое дело о порядке покупки за границей [illegible] или о результатах неудачной ревизии РКИ работы Главлескома поднять до уровня вопросов исключительного принципиального и теоретического значения. Пожалуй, дело и в том и в другом.

Невероятно живучи, невероятно жизненны мысли Ильича по вопросам, казалось бы, не имеющим уже никакого значения в 1928—29 г. В самом деле, что за значение для 1929 г. может иметь тот факт, что в конце 1921 года РКИ неудачно, по мнению Владимира Ильича, прорецензировала работу Главлескома. Сколько после этого было неудачных работ РКИ. Сколько их еще будет впереди. Сколько за это время было сказано по этому поводу ядовитых слов. Сколько еще будет сказано таких слов. Но каждый, кто прочтет несколько ильичевских страничек, посвященных этой ревизии, сразу поймет, почему так живуче, так современно, такой сегодняшней страстностью напитано каждое «старое» ленинское слово.

Какое значение, казалось бы, для сегодняшнего дня имеет тот факт, что больше чем семь лет назад неверно были сравнены итоги какого-то, очевидно, топливного трехнедельника 1921 года с итогами трехнедельника 1920 г.? Какое значение, казалось бы, для сегодняшнего дня имеет тот факт, что тогда, семь лет назад, не была Рабкрином исправлена отчетность Главлескома?

А вот когда Владимир Ильич по этому поводу пишет, что главной задачей Рабоче-Крестьянской инспекции является не столько изобличать, сколько уметь поправить, притом поправить во-время, это звучит более чем современно. Это говорит, хотя и по частному случаю, о задаче, еще не решенной.

Когда по этому же поводу Ленин говорит о необходимости создания групп опытных работников, умеющих формулировать вопросы, поскольку от правильной постановки вопроса зависит не только успех ревизии, но и возможность исправления,—это звучит так, как будто он обращается к нам не семь лет назад, а вчера, сегодня.

Когда он пишет о необходимости научиться проверять постановку отчетности путем посылки человека на полчаса, на час в соответствующую канцелярию, это, напоминая о мелких месяцами длящихся ревизиях, говорит о задаче, до сих пор еще не решенной. Когда он по поводу той же отчетности, по тому же частному случаю формулирует задачу постановки отчетности как задачу важнейшую, чуть ли не основную, невольно думаешь о том, как мало еще сделано и в этой очень малой области, где произведенное сокращение отчетности, несколько освободив нас от излишней бумаги, еще ни в какой мере не решило задачи постановки такой отчетности, которая давала бы действительную возможность во-время исправлять недостатки нашей работы.

Право же будет большим праздником тот день, когда можно будет без самохвальства признать осуществленным то, о чем Владимир Ильич писал в небольшой заметке о результатах ревизии Главлескома.

Какое, казалось бы, значение представляет для сегодняшнего дня имевшая место 7 лет назад волокита с производством плугов Фаулера. Ведь недавно были случаи волокиты гораздо более нестерпимой; ведь после этого мы имели факт преступно плохого использования импортного оборудования, где волокита нанесла народному хозяйству вред бесконечно больший, чем тот, который имел место при изготовлении плугов Фаулера.

Тогда произошла обычная история. Владимир Ильич потребовал привлечения к ответственности людей, виновных в том, что в течение полутора лет было изготовлено только 5 пробных плугов вместо 2.000 предположенных. Ряд лиц выступил в защиту бюрократической волокиты, аргументируя ее тем, что волокита является об'ективным следствием невероятной бюрократической сложности аппарата.

Да, больше наверно дело с плугами Фаулера, а эти доводы повторяются неизбежно при разборе любого случая волокиты, при разборе любого случая бюрократической нераспорядительности, безрукости, неумения справляться с делом, нежелания признавать те или иные ошибки.

Владимир Ильич писал:

«Надо не бояться суда (суд у нас пролетарский) и гласности, а тащить волокиту на суд гласности: только так мы эту болезнь всерьез вылечим». (Ленин. сбор. № VIII. Об улучшении госаппарата и борьбе с бюрократизмом и волокитой, стр. 55).

Даже скромнейшая попытка [illegible] вытащить несколько случаев позорной волокиты, несколько случаев позорного разложения коммунистов на гласный суд самой рабочей массы встречает самую широкую оценку в бюрократических верхах нашего советского аппарата как «демагогия», как пример «несерьезного отношения РКИ к возложенному на нее делу».

Разве к горьким и злым словам Ленина, обращенным к противникам такого гласного суда, можно что-либо прибавить и теперь в том довольно повседневном случае, когда попытка предания того или иного бюрократа суду встречает бешеный отпор ряда весьма почтенных товарищей. Разве предложение Ленина тащить волокиту на суд гласности не является таким, в котором не только нечего изменить, но которое надо, наконец, осуществить со сто крат большей силою, чем это мы делаем.

Какое, казалось бы, значение для нынешнего времени имеет такой документ, как проект Владимира Ильича о распределении работы между его заместителями. Из всех людей, о которых шла речь в проекте Ильича, жив только тов. Рыков. У него другие заместители. Совершенно иная работа ведется ныне по сравнению с той, которая была очередной, важнейшей, основной семь лет назад.

Стоит только вдуматься в написанное тогда Владимиром Ильичем, чтобы понять, что выдвинутая им тогда с особой остротой задача проверки фактического исполнения декретов, законов, постановлений не только не стала задачей устаревшей, но стала задачей, в силу обострения классовой борьбы еще более неотложной, еще более важной.

Пусть любой человек скажет, устарела ли хотя в какой-нибудь мере выдвинутая Лениным так же задача создания немногих образцовых учреждений. Владимир Ильич писал:

«Приемы работы, способы повышения ее производительности, методы контроля, вырабатываемые в этих немногих, но действительно образцовых учреждениях, должны быть затем постепенно вводимы во всех совучреждениях.

В виду исключительной важности этого вопроса, в виду упорнейшего сопротивления совбюрократии, отстаивающей бюрократическую старину, неизбежна упорная борьба за создание немногих образцовых учреждений как средства подтягивать и проверять остальные». (Сбор. Ленин. Об улучшении госаппарата и о борьбе с бюрократизмом и волокитой, стр. 79).

К бюрократам сегодняшнего дня обращена реплика против Троцкого, указывавшего на невозможность добиться какого бы то ни было исправления аппарата через Рабкрин.

Ленин писал в ответ Троцкому:

«Насчет Рабкрина тов. Троцкий в корне неправ. При нашей отчаянной «ведомственности» даже среди лучших коммунистов, при низком уровне служащих, при интриганстве внутриведомственном (хуже всякого рабкриновского) нельзя обойтись без Рабкрина сейчас». (Там же, стр. 85).

Каждый день работы РКИ показывает все значение для партии этого органа, позволяющего партии разобраться во многих ведомственных тайнах без ведомственных шор, без ведомственной самовлюбленности.

Повседневная работа показывает, как даже лучшие коммунисты, имеющие великолепный стаж революционной коммунистической работы, вышедшие из рабочих низов,—во имя ведомственной гордости превращаются в защитников предложений заведомо гнилых, заведомо неправильных, очень часто могущих погубить ту или иную часть советского дела, как без нагайки РКИ невозможно исправить упущения, как будто бы совершенно явные.

Чтобы понять, насколько был прав Владимир Ильич, защищавший идею реорганизации РКИ, надо вдуматься только в то, какое бешеное сопротивление—иногда настоящий взрыв бюрократической ненависти—вызывают часто попытки Рабкрина исправить те или иные недостатки нашей работы в области ли капитального строительства, в области ли земельной работы, каким величайшим оскорблением люди, казалось бы, неплохие, считают малейшее указание на те или иные недостатки их работы, хотя эти указания порой не охватывают и десятой доли действительных пороков и недостатков.

Не стоит умножать этих примеров. Мы взяли только три из вновь опубликованных. Их можно было бы привести сотни.

Сила Ильича в годы возглавления им советской власти была не только в том, что он давал теоретический анализ особенности того или иного момента в развитии Советской Страны (за время революции он написал очень немного работ, обобщающих то новое, что он внес в марксизм), а в том, что выдвигаемое им в эти годы любое теоретическое положение было всегда насквозь «практично».

Любое теоретическое положение он сопровождает всегда таким рядом практических выводов, которые представляют собой важнейшее звено практической работы партии и правительства. И, наоборот, любое практическое предложение, даже в области очередной совнаркомовской вермишели он поднимает на высоту марксистской теории на такую высоту, которая делает мысли, высказанные им по поводу неудачи с плугами Фаулера, разительно живучими, поразительно жизненными.

Вот эта особенность всех работ Ильича заслуживает особо большого внимания, в особенности нашей молодежи. Говорят (я не знаю, насколько это верно), будто бы в наших вузах не приучают студентов к чтению ленинских произведений, ограничиваясь изучением Ильича по учебникам. Конечно, любой учебник по ленинизму, даже самый удачный, вынужден абстрагировать Ленина от тех конкретных вопросов, в связи с которыми он выдвигал то или иное теоретическое положение.

Изучать ленинизм только по учебнику, неизбежно дающему формулу в том случае, где у Ленина было освещенное его гением глубокое теоретическое решение практического вопроса, значит не изучать ленинизма совсем.

Отвлечься от того, как любой теоретический вопрос Лениным ставился в тот или иной момент, по тому или иному конкретному случаю, значит отказаться от попытки вдуматься в то, чем был Ильич, в чем была его сила, которая будет жить веками.

Говорят: когда одна из беспартийных преподавательниц истории в одном из университетов выдвинула вопрос о необходимости чтения Ленина, изучения Ленина по тому, что он написал сам, а не только по тому, что о нем было написано, на нее невероятно дружно накинулся целый ряд коммунистов, обвиняя ее в попытке дискредитировать «одобренную» систему ленинского воспитания молодежи.

Несомненно, можно было бы немало найти у Владимира Ильича замечаний (не очень добрых), которые удивительно подошли бы к такого рода коммунистам.

Только научив молодежь читать Ленина с тем напряжением, с тем огромным интересом, с тем волнением, которое будит живое ленинское слово, мы научимся самому главному у Ленина — тому, как из теоретического анализа конкретной ситуации сегодняшнего дня сделать выводы для практической работы партии, как любой практический вопрос поднимать на высоту марксистской теории.

Я. ЯКОВЛЕВ.

Светлой памяти Владимира Ильича.

От темных забитых веками крестьянок
Прими наши чувства, Владимир Ильич.
От чистого сердца тебе заявляем:
Мы тебя не забудем во всю нашу жизнь!
Ты горькую долю крестьянки улучшил,
Дал право свободно работать и жить,
И рабство, позорное дикое рабство,
Навеки бесследно избыть.
Отсталую, темную бабу-крестьянку
Ты старался из тьмы [illegible],
Себя не щадил ты для блага народа,
И рано пришлось тебе слечь.
Ильич, не заботься — мы грамотны стали,
О царстве небесном мечтать перестали,—
О царстве, что [illegible],—
Мы царство устроим своими руками.
А ты отдыхай, наш учитель родимый,
Ты путь указал нам, мы двинемся смело,—
Вечная память и вечная слава
Борцу за великое дело!

А. БОГДАНОВА.

В шесть пятьдесят.

В шесть пятьдесят
Уверенно,
Мерно,
[illegible] борозди
Волной Коминтерна,
Грянул набат:
«Эй, пролетарии.
В шесть пятьдесят
Другие могучей силы в плечах:
Нет Ильича,
Нет Ильича!».
В сердце вонзился
Колючий меча.
Воля придавлена,
Боль беспощадна.
С минуту молчанья
Лишь глухие стенанья
Мир [illegible].
И вдруг [illegible] громы
Грянул ответ:
«Нет,
Слышите, нет!»,
Весь мир всколыхнулся.
— «Герои труда,
Нет,
Никогда,
Никогда!».
Но станции снова и снова трубят:
«В ШЕСТЬ ПЯТЬДЕСЯТ,
В шесть пятьдесят!»
Суровые волны
Эфира не лгут.
Эй, не забудь,
В шесть пятьдесят
Не стало вождя.
Стальною колонной иди,
Смело гляди вперед!
Ленин живет
В массе людской,
На ниве,
В заводе,
В любой мастерской!
Знай навсегда!
Не знает провал!
Ленин—борьба,
Ленин—школа.

С. ХОЛОПОВ.

Ленин о борьбе на два фронта и о примиренчестве.

Как можно трезвее и точнее противопоставить учет фактических классовых сил и бесспорные факты нытью и панике филистеров от реформизма и филистеров от революционизма—такова задача марксистов.

Ленин.

Гениальный теоретик и вождь мировой пролетарской революции, Ленин на протяжении всей истории нашей большевистской партии выступает в качестве величайшего организатора, стратега и тактика.

Ленин оставил нам громадное наследство, в том числе целый арсенал великих идей, гениальных мыслей, наконец, отдельных, вскользь брошенных соображений и замечаний, касающихся как раз стратегии и тактики нашей партии. Этот арсенал до сих пор служит верную службу партии и еще долго будет служить величайшую службу в деле дальнейшего строительства, в деле коллективного продвижения вперед по ленинскому пути.

Мы остановимся лишь на отдельных местах Ленина из этой громадной сокровищницы идей—именно: на взглядах Ленина на задачи партии в деле борьбы с уклонами внутри рабочего движения, в деле борьбы против уклонов и шатаний в ее собственных рядах.

«В борьбе с какими врагами внутри рабочего движения вырос, окреп и закалился большевизм?» —так ставит Ленин этот вопрос в своей брошюре: «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», касаясь вопроса правильной партийной стратегии и тактики.—И отвечает: «Во-первых и главным образом, в борьбе против оппортунизма (подчеркнуто нами. М. С.), который в 1914 году окончательно перерос в социал-шовинизм, окончательно перешел на сторону буржуазии против пролетариата. Это был естественно главный враг большевизма внутри рабочего движения. Этот враг и остается главным в международном масштабе...»

«...Надо сказать о другом враге большевизма внутри рабочего движения,—говорит Ленин.—За границей еще слишком недостаточно знают, что большевизм вырос, сложился и закалился в долголетней борьбе против мелкобуржуазной революционности, которая смахивает на анархизм, или кое-что от него заимствует, которая отступает в чем бы то ни было существенном от условий и потребностей выдержанной пролетарской классовой борьбы».

Итак, большевизм вырос, окреп и закалился в борьбе на «два фронта», которые по существу являются лишь разновидностями напора мелкобуржуазной стихии и давления капиталистических элементов. При чем в зависимости от обстоятельств приходилось усиливать огонь борьбы то «направо», то «налево».

Борясь за чистоту революционной классовой линии, очищая свои ряды как от откровенного оппортунизма, так и левой революционной фразы, партия вынуждена на протяжении всей своей истории вести решительнейшую борьбу против всякого рода оппортунизма, отсекая свои зараженные части. Так, на пражской конференции в 1912 г. Ленин провел исключение из партийных рядов меньшевиков-ликвидаторов, дошедших в своем оппортунистическом перерождении до геркулесовых столбов. В этот же самый период партия окончательно рвет и с об'явлениями «впередовства». Фракции и течения, периодически складывающиеся в партии и отражающие собой «буржуазное влияние на пролетариат», вынуждены рано или поздно или порвать свою связь с партией, или—в лице отдельных своих членов и групп—ликвидировать свои собственные уклоны, подчиняясь на основе жесткой партийной дисциплины постановлениям партии.

Особенно много поучительного для уяснения борьбы Ленина на «два фронта» дает период реакции, начавшийся после поражения 1905—07 гг. «Это был критический период в жизни нашей партии,—говорит тов. Сталин.—Это был тот период, когда целый ряд большевиков из старой гвардии покинули Ленина и его партию. Меньшевики кричали тогда о гибели большевиков. Однако большевизм не погиб, и практика борьбы за какие-нибудь полтора года показала, что Ленин и его партия были правы, ведя борьбу за преодоление противоречий внутри рядов большевиков». (И. Сталин. «Об оппозиции», стр. 441).

Своеобразие обстановки в этот период партийной истории заключается прежде всего в том, что в это время впервые, на ряду с открыто оппортунистическим течением меньшевизма, ведущего свое начало еще от экономизма и получившего в период реакции свое законченное выражение в ликвидаторстве—оформляется в партии так называемое «левое течение», захватившее часть большевиков, выросшее скоро в самостоятельную группу—«впередовцев», «отзовистов», «ультиматистов» и т. д. Резко отличаясь на первый взгляд по основным вопросам текущего момента, оба эти крайние течения не только дают в корне неверную оценку текущего момента, но и оба в конечном счете покоятся на мелкобуржуазном неверии в силы революции. Вот почему, между прочим, оба эти направления в течение ряда лет борются единым фронтом против большевизма и Ленина. Особенно решительные формы эта борьба принимает в период январского пленума ЦК партии 1910 г.

«Ничто не возбуждало на пленуме,—по словам Ленина,—такого яростного—зачастую комического—негодования, как мысль «о борьбе на два фронта». Одно упоминание об этом выводило из себя и впередовцев и меньшевиков. Это негодование исторически вполне об'яснимо, ибо большевики проводили на деле с августа 1908 г. до января 1910 г. борьбу на два фронта, т.-е. борьбу с ликвидаторами и отзовистами». (Соч. Ленина, т. XI, ч. II, стр. 55).

Какие же коренные причины обусловили собой не только значительное нарастание этих антипартийных течений, но и их напор на партию? Может быть часто случайные причины?—Ничего подобного. Ленин следующим образом мастерски обрисовывает обстановку, приведшую к их возникновению и дающую вместе с тем возможность установить правильные методы борьбы и преодоления как ликвидаторства, так и отзовизма. Он пишет:

«Эти об'ективные условия коренятся в особенностях переживаемой нами эпохи буржуазного развития России, эпохи буржуазной контрреволюции и попыток самодержавия реорганизоваться по типу буржуазной монархии. Эти об'ективные условия создают в одно и то же время и в неразрывной связи одно с другим изменения в характере рабочего движения, в составе, типе, облике рабочих соц.-дем. авангарда и изменения в идейно-политических задачах социал-демократического движения. Поэтому не случайностью, не какой-нибудь индивидуальной злонамеренностью, глупостью или ошибкой, а неизбежным результатом действия этих об'ективных причин—и неотделимой от «базиса» надстройкой над всем рабочим движением современной России—является то буржуазное влияние на пролетариат, которое создает ликвидаторство (полулиберализм, желающий причислять себя к соц.-дем.) и отзовизм (полуанархизм, желающий причислять себя к соц.-дем.)». (Собр. сочин. Ленина т. XI, ч. II).

Беря развитие фракционной борьбы в ее динамике, анализируя тенденции классовой борьбы, как основу для уразумения борьбы фракций, и зарождение оппортунистических течений и групп, Ленин со всей решительностью подчеркивает необходимость разоблачения фракционной политики и чуждой, непролетарской идеологии, оказывающей влияние на пролетариат через ликвидаторство «и справа и слева».

Этой четкой позиции Ленина—борьбе на «два фронта»—пытается противопоставить свою насквозь путаную позицию выступающий в роли «миротворца» Троцкий и плетущееся у него в хвосте примиренческое течение. Разоблачая позицию Троцкого как насквозь двуличную, стремящуюся путем громких фраз прикрыть ликвидаторскую наготу, он констатирует, что позиция Троцкого «только по внешности отличается от «кающихся» Аксельрода и Алексинского».

«Ведь в этом вся бездна различия,—говорит Ленин, — между «примиренчеством Троцкого и К°», которое на деле служит самую верную службу ликвидаторам и отзовистам, а потому является тем более опасным злом партии, чем хитрее, изысканнее, фразистее оно прикрывается якобы партийными и якобы антифракционными декламациями, - и между партийностью действительной, которая состоит в очищении партии от ликвидаторства и отзовизма».

Не менее зло и сурово квалифицирует Ленин и примиренчество среди самих большевиков. Как известно, нити примиренчества, оставшиеся еще от эпохи после II с'езда и периода с'езда III, не рвутся окончательно на протяжении всей нашей дореволюционной партийной истории, а в период политического безвременья 1908—11 гг. примиренчество среди большевиков пытается даже играть значительную политическую роль. На январском пленуме 1910 г. Троцкому при поддержке примиренчества удается протащить свои поправки против Ленина по вопросу о преодолении внутрипартийных разногласий, вставив расплывчатую формулировку в резолюцию пленума о преодолении отзовизма и ликвидаторства путем «углубления с.-д. работы».

Издеваясь над путаной позицией примиренчества, пытающегося выступить в роли новой фракции «добродетельных», Ленин констатирует полнейший крах в политике примиренчества, являющейся результатом в корне фальшивых исходных пунктов его политического направления.

«Фальшива,—говорит он,—в примиренчестве основа и стремление построить единство партии пролетариата на союзе всех, в том числе антисоциал-демократических, непролетарских фракций, фальшива беспринципность его об'единительного прожектерства, приводящего к нулю, фальшивы фразы против фракций (и образований на деле новой фракции) и т. д.».

В архиве Института Ленина сохранился проект резолюции, составленный Лениным и относящийся к периоду пленума 1910 г., где он с чрезвычайной ясностью в немногих словах дает формулировку борьбы партии «на два фронта», так, как она стояла в тогдашний период. Подчеркивая усиливающуюся тягу к сближению действительно партийных элементов, он отмечает, что работу по сплочению партии нужно вести «на базе революционной социал-демократической тактики и организационной политики, неуклонной и решительной борьбы с ликвидаторством «слева» и «справа», особенно «справа» в виду большей опасности развития уже «левого ликвидаторства».

Читатель, возможно, будет удивлен совпадением в формулировках в отношении Ленина к «правым» и «левым» уклонам и в борьбе «на два фронта» и теперешними формулировками на этот счет нашей партии в условиях столь резко отличных от периода 1910—12 гг.!

Мы гигантски далеко ушли не только от периода реакции, но и вообще от дореволюционного прошлого,—все же нужно отметить, что стратегия и тактика большевизма так, как она была выработана Лениным еще до революции, их формы и методы остаются полными значимости и для текущего момента, хотя и переведенные на язык новой эпохи и совершенно иной обстановки.

Вот почему, останавливаясь на ленинской тактике в борьбе за чистоту и монолитность нашей партии уже в советский период, мы можем констатировать, какое громадное значение имеет в этом отношении накопленный опыт прошлого, перешедший от периода подпольного существования партии. А лозунг борьбы «на два фронта» так же, как и борьбы с беспринципным примиренчеством, остается правильным в теперешних условиях существования нашей партии.

В условиях монопольного существования партии в стране диктатуры пролетариата напор буржуазных и мелкобуржуазных элементов на партию пролетариата после захвата пролетариатом политической власти в стране не только не исчезает, но приводит в определенные исторические моменты к обострению классовых противоречий на фоне роста социалистических элементов, приводит к необходимости еще более решительной борьбы со всеми уклонами как внутри партии и примиренческим к ним отношением, так и в отношении всякого рода попыток давления со стороны капиталистических и мелкобуржуазных элементов извне.

Превосходно выражена мысль о росте трудностей в связи с усложнением обстановки в советских условиях у Ленина в его брошюре: «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», где он пишет, разбирая тактику «левых» в Коминтерне:

«Вы кажетесь себе самим «ужасно революционными», милые бойкотисты и антипарламентаристы, но на самом деле вы испугались сравнительно небольших трудностей борьбы против буржуазных влияний внутри рабочего движения, тогда как ваша победа, т.-е. свержение буржуазии и завоевание политической власти пролетариатом, создаст эти самые трудности в еще большем, в неизмеримо большем размере». (Собр. соч. Ленина, т. XVII, стр. 196).

Итак, по мнению Ленина, «завоевание политической власти пролетариатом» должно не уменьшить, а увеличить трудности борьбы на определенных исторических отрезках времени против буржуазных влияний на пролетарскую партию и рабочий класс.

Останавливаясь на тактике Ленина периода после Октября, мы должны точно так же констатировать решительную политику его в отношении борьбы «на два фронта» при усилении «акцента» этой борьбы то «направо», то «налево».

Имеются попытки об'явить эту идею борьбы Ленина «на два фронта» в современных условиях центризмом—что, конечно, является не более как гнусной меньшевистской клеветой на ленинизм.

Мы не останавливаемся специально на позиции Ленина в борьбе «направо», против линии поведения ряда членов ЦК в Октябрьские дни (с тт. Зиновьевым и Каменевым во главе), как на моменте достаточно известном. Партия знает также, с какой решительностью Ленин повел борьбу с так наз. «левыми коммунистами» в период Бреста, с какой глубиной и мастерством им были вскрыты тогда элементы мелкобуржуазного фразерства в позиции Троцкого и других героев «левой фразы». Мы знаем, как резко поставил вопрос Ленин в отношении к «рабочей оппозиции» и какой верный диагноз ее уходящих в меньшевизм и синдикализм корней дал он в оценке перспектив дальнейшего развития последней. Нужно, наконец, вспомнить также позицию Ленина во время профсоюзной дискуссии 21 года.

Остановимся несколько на начальном периоде нэпа, приведем также цитату из статьи Ленина, написанной в свое время для «Правды» («Новые времена, старые ошибки в новом виде» 1921 г.), где Ленин останавливается на борьбе на «два фронта» в советских условиях.

Вот что читаем мы в этой в высшей степени интересной статье:

«Мелкобуржуазный реформизм, т.-е. прикрытое добренькими демократическими и «социал»-демократическими фразами и бессильными пожеланиями лакейство перед буржуазией, и мелкобуржуазный революционизм, грозный, надутый, чванливый на словах, пустышка раздробленности, распыленности, безголовости на деле — таковы два «потока» этих шатаний. Они неизбежны, пока не устранены самые глубокие корни капитализма. Форма их видоизменяется теперь в связи с известным поворотом экономической политики советской власти».

Интересна и другая мысль статьи, где он преодоление уклонов тесно связывает с ростом экономического базиса, с ростом социалистической индустриализации страны.

Сложность обстановки особенно в начальный период не могла не вызывать, по его словам, колебаний в рядах партии и рабочего класса. Особенно это должно было сказаться тогда, когда на Советский Союз после ликвидации фронтов устремился, по выражению Ленина, новый враг—«[illegible] экономики в мелкокрестьянской стране с разоренной крупной промышленностью» (там же).

Несомненно этот враг в условиях начального периода нэпа не мог не угрожать большими расстройствами в партийных и пролетарских рядах. Констатируя этот факт, Ленин предлагает учесть его возможно более серьезно, подчеркивая необходимость известной передышки для нового наступления и организации для этого основной предпосылки — социалистической крупной индустрии.

«Без известной «передышки»,—говорит он,—этих новых сил нет: иначе, как медленно они не растут, иначе, как на базе восстановленной крупной индустрии (т.-е., говоря точнее и конкретнее, на базе электрификации), им взяться неоткуда».

Так ставил вопрос Владимир Ильич, предлагая возможно «трезвее и точнее противопоставить учет фактических классовых сил и бесспорные факты нытью и панике филистеров от реформизма и филистеров от революционизма!»

В эпоху развернутого социалистического строительства и при наличии напряженного темпа индустриализации, продвижения во всех областях вперед, неизбежно возникновение новых трудностей (и паники перед ними некоторых элементов), но это строительство несет и новые силы для преодоления этих трудностей, что в свою очередь немыслимо без решительнейшего преодоления всякого рода шатаний.

И вот сейчас, когда восстановление крупной индустрии за последние пять лет со смерти Ильича у нас развернулось гигантски, когда нам действительно есть «откуда» черпать новые колоссальные силы, когда рабочий класс Союза представляет собой растущего гиганта,—наша партия должна — как это сформулировал ее ленинский ЦК—повести особенно решительную борьбу «на два фронта» как против правого, откровенно оппортунистического уклона, так и против социал-демократического, троцкистского «левого», т.-е. по существу тоже правого, но прикрывающегося левой фразой уклона от ленинской линии.

М. САВЕЛЬЕВ.

Ленин против комчванства, верхоглядства и обломовщины.

Коммунизм и чванство—вещи как будто несовместимые: коммунизм исключает чванство и коммунистического чванства быть не может. Да, так казалось! А вот действительность со всеми ее противоречиями и изломами ухитрилась соединить эти полярные понятия. И Ленин с присущей ему проницательностью и чувством конкретной действительности сумел подметить и заклеймить это уродство, назвав его «комчванством», т.-е. «коммунистическим чванством». Конечно, коммунизма в «комчванстве» нет и следа, но «коммунистов», в большей или меньшей степени болеющих комчванством, предостаточно.

Комчванство—одна из злокачественнейших и злокачественнейших язв, раз'едающих тело нашей партии, а вместе с тем и Советское государство. Бороться с этой язвой нужно упорно, систематически и беспощадно. Ленин обнаружил эту язву, показал ее и настойчиво, постоянно требовал от партии применения самых суровых мер лечения ее. Ленин не боялся при этом злорадства врагов. Обнажая язвы, он знал хорошо, что здоровая партия, обнаруживая свои язвы, тем самым делает уже очень много для того, чтобы их вылечить, а излечение их стоит злорадства врагов...

В своей речи на II с'езде политпросветов (17 октября 1921 г.), произнесенной вскоре после перехода к нэпу и примерно за полгода до XI парт'с'езда, Ленин говорил:

«Три главных врага: первый враг—коммунистическое чванство, второй—безграмотность и третий—взятка.

Коммунистическое чванство значит то, что человек, состоя в коммунистической партии и не будучи еще оттуда вычищен, воображает, что все задачи свои он может решить коммунистическим декретированием».

Заметим: «и не будучи еще оттуда вычищен», т.-е. человек, зараженный коммунистическим чванством, лишь по недоразумению может быть членом коммунистической партии и подлежит удалению из нее.

В более развернутой форме и еще более резко Ленин говорил об этом на XI с'езде партии:

«Сумеют ли ответственные коммунисты... понять, что они не умеют управлять? Вот если сумеют понять, то, конечно, научатся, потому что научиться можно, но для этого надо учиться. У нас направо и налево махают приказами и декретами, и выходит совсем не то, чего хотят... А если коммунист воображает, что я, мол, все знаю, потому что я ответственный коммунист, я не таких людей побеждал, как какого-нибудь приказчика, а мы были на фронтах и разве таких били,—вот такое преобладающее настроение нас и режет».

Не случайно Ленин особенно подчеркнул злокачественность комчванства как «преобладающего настроения» именно в 1921—1922 гг. Это были годы, непосредственно следовавшие за блестящими военными победами пролетариата, и в то же самое время годы перехода к новой борьбе, более сложной и более тяжелой, борьбе на хозяйственном фронте в условиях нэпа, к борьбе, требующей гораздо больших знаний, гораздо большего умения, гораздо большей изворотливости. К этой борьбе, борьбе хозяйственной, подавляющее большинство из нас было мало и плохо подготовлено, а то и совсем не подготовлено. Не махать приказами и декретами, а изучать и понимать живую, конкретную действительность и вести борьбу на основе тщательнейшего и внимательнейшего изучения этой действительности звал нас Ленин. Мы все, работавшие вместе с Лениным, очень хорошо помним, как беспощадно трепал он и высмеивал верхоглядство и поверхностное отношение к делу, всезнайство, источность и обломовщину. «Россия проделала три революции, а все же Обломовы остались, так как Обломов был не только помещик, но и крестьянин, и не только крестьянин, а и интеллигент, и не только интеллигент, а и рабочий и коммунист. Достаточно посмотреть на нас, как мы заседаем, как мы работаем в комиссиях, чтобы сказать, что старый Обломов остался и надо его долго мыть, чистить, трепать и драть, чтобы какой-нибудь толк вышел». (Речь на конференции металлистов 6 марта 1922 г.).

Вот эти слова ныне в 1929 году не потеряли своей злободневности. Выгравить старого Обломова, оказывается, не так-то легко. Тем больше внимания должны мы уделить этой важнейшей культурной работе по совлечению с себя «старого Адама». Обломовщина, с одной стороны, и недостаток знания и культуры, с другой,—являлись и являются сильнейшими тормозами делу нашего развития. А знания Ленин требовал настоящего, не только книжного, не начетнического. Мы знаем, какое громадное значение придавал Ленин изучению именно конкретной действительности: «Если бы только изучение коммунизма заключалось в усвоении того, что изложено в коммунистических трудах, книжках и брошюрах, то тогда слишком легко мы могли бы получить коммунистических начетчиков, или хвастунов, а это сплошь и рядом приносило бы нам вред и ущерб, так как эти люди, научившись и начитавшись того, что изложено в коммунистических книгах и брошюрах, оказались бы неумеющими соединить все эти знания и не умели бы действовать так, как того коммунизм действительно требует». (Речь на с'езде комсомола 4 октября 1920 г.).

И дальше, в той же речи Ленин говорит знаменательно:

«Если бы коммунист вздумал хвастаться коммунизмом на основании полученных им готовых выводов[1]), не произведя серьезнейшей, труднейшей и большой работы, не разобравшись в фактах, к которым он обязан критически отнестись, то такой коммунист был бы очень печален. Такое верхоглядство было бы решительным образом губительно.

И ЕСЛИ Я ЗНАЮ, ЧТО ЗНАЮ МАЛО, Я ДОБЬЮСЬ ТОГО, ЧТОБЫ ЗНАТЬ БОЛЬШЕ, но если человек будет говорить, что он коммунист и что ему и знать ничего не надо прочного, ТО НИЧЕГО ПОХОЖЕГО НА КОММУНИСТА ИЗ НЕГО НЕ ВЫЙДЕТ».

Все эти коммунисты и «коммунисты», начиная от «очень печальных» и кончая «подлежащими исключению», зараженные в большей или меньшей степени чванством, т.-е. отсутствием сознания недостаточности своего знания, умения, выучки, с одной стороны, и бюрократической верой во всесилие приказа, с другой, представляли собой величайшую опасность именно в 1920—22 гг., когда надо было браться за новое дело, в котором большинство из нас ничего или почти ничего не понимало, при чем браться в момент, когда все мы были возбуждены только что завершенной блестящей победой на фронтах гражданской войны.

Ленин особенно возмущался и трепал таких «коммунистов» в 1920—22 гг., но было бы именно проявлением комчванства, если бы кто-либо сказал: «Все это относится к 1920—22 гг., а теперь мы научились...» Комчванство распространено и сейчас; даже более того, за последнее время оно стало снова как-то усиливаться: начетничество, с одной стороны, и комчванство—с другой. И если бы учитель снова появился среди нас, можно не сомневаться, что мы услышали бы вновь его сердитый окрик, ибо если многому мы, несомненно, с 1920 года научились (да иначе и быть не может, поскольку в основном мы—партия здоровая и крепкая и поскольку партия в основном работает и учится), то еще большему мы должны научиться и перед лицом все усложняющихся задач, мы должны остро чувствовать свои недостатки, а этим чувством обладают далеко не все из нас. И именно поэтому осужденные и заклейменные Лениным комчванство, верхоглядство, начетничество, хвастовство, обломовщина и т. д. имеют гораздо более длительное значение, чем это кажется на первый взгляд: опасность комчванства не ограничивается временными рамками специфического периода 1920—22 гг.

Да это и понятно.

Мы живем в величайшую эпоху, эпоху низвержения власти эксплоататоров и утверждения власти пролетариата—в эпоху социалистической революции. Исторически сложилось так, что начало социалистической революции положено в России, в стране отсталой, отсталой не только экономически, но и культурно. Мы вошли в эпоху диктатуры пролетариата в стране, не избавившейся еще от пошехонья, азиатчины, некультурности, и это накладывает свой отпечаток на действительность сегодняшнего дня и еще долго будет коверкать наш быт и нашу общественную жизнь. Пошехонье это раз'едает и наш государственный аппарат, и наши профсоюзы, и кооперацию, и нашу партию. Пошехонью партия наша об'явила как внутри себя, так и вовне священную войну. Ленин ненавидел нашу некультурщину и преследовал ее проявления, всюду, где только мог, как в большом, так и в малом. Будучи сам одним из самых культурных людей своей эпохи, он считал, что исторической задачей пролетариата является такое повышение общей культуры после завоевания власти, которое далеко оставит позади достижения буржуазной культуры. Но над этим надо работать, это само собой не дается, и предпосылкой этого является сознание своей некультурности. Не отказываться ни от чего действительно общественно полезного, что есть в буржуазной культуре и в сумме знаний буржуазной науки, отбрасывая все то, что служит прямо или косвенно делу эксплоатации и угнетения человека человеком, и во много раз увеличивая принятую часть наследства, создавая в конце концов новую культуру и новую, более богатую систему знаний, стоящую неизмеримо выше буржуазной, — такова задача класса. И Ленин постоянно учил нас этому. Не страшно незнание, а страшно отсутствие сознания своего незнания и вытекающее отсюда нежелание учиться и притом учиться как следует быть. Знание может и должно быть приобретено, нежелание учиться, непонимание того, что мы мало знаем и мы некультурны, что мы пошехонцы и Обломовы,—вот это убивает и это клеймил Ленин с присущей ему силой и настойчивостью.

До свержения власти буржуазии пролетариат как класс в целом находился в отношении культуры и знаний в худшем положении, чем буржуазия. Одиночки и тонкие прослойки в рабочем классе и пришедшие к нему на службу интеллигентные выходцы из других классов могли овладевать знаниями, называвшимися наукой, находящейся на службе господствующих классов, и эти тонкие прослойки приносили этим огромную пользу всему классу в целом. Но приход к власти пролетариата поставил уже перед всей толщей класса задачу поднятия культурности и овладения наукой. Прежде всего надо выделить кадры во все органы общественного управления и самоуправления. А ведь мы взялись за решение этой задачи, не обладая надлежащими кадрами. Интеллигенция ответила на свержение буржуазии саботажем и тем самым еще более затруднила нашу работу. И вот перед классом и его партией встала труднейшая задача выделения и создания необходимых квалифицированных кадров организаторов, руководителей и людей, умеющих делать такие работы, которые требуют большей умственной и культурной квалификации. Для этого нужно не бояться своего незнания, но сознавать его, учиться, привлекать к общей работе людей, знающих, хотя бы и не находившихся в процессе борьбы на стороне рабочего класса, создавать кадры новых специалистов и сведущих лиц, а против тех специалистов, которые не желают работать вместе с рабочим классом и тем более ему вредящих, вести жесточайшую, беспощадную борьбу. К этому нужно добавить, что нашу работу мы ведем в союзе с крестьянством, стоящим культурно на еще более низкой ступени. А ведь сельский кооперативный и государственный аппарат —это есть кадр людей, насчитывающий уже сейчас около трех миллионов! Попробуем всознать грандиозность хотя бы одной этой задачи, задачи создания толкового сельского аппарата, и мы поймем, как глубоко прав был Ленин, когда писал: «И тут нужно ясно поставить вопрос—в чем наша сила и чего нам нехватает? Политической власти совершенно достаточно... экономической силы в руках пролетарского государства России совершенно достаточно для того, чтобы обеспечить переход к коммунизму. Чего же нехватает? Ясное дело, чего нехватает. Нехватает культурности тому слою коммунистов, который управляет». (Речь на XI с'езде партии).

И вот на путях борьбы за повышение этой культурности, за преодоление нашей некультурности основных препятствием являются комчванство и обломовщина. Комчванство убивает энергию класса, направленную на преодоление своей некультурности, своего пошехонья, темноты и обломовщины, а значит, оно является злейшим врагом рабочего класса и коммунизма. Как в гражданскую войну ничтожная вошь стала страшным врагом диктатуры пролетариата, так в период хозяйственного и культурного строительства комчванство есть сильнейший и опаснейший враг, каким оно является и по сегодняшний день. Ленин, гениальность которого сказывалась и в поразительном сочетании необычайной силы абстрактного мышления с знанием, пониманием и ощущением живой, конкретной действительности со всеми ее противоречиями, уродствами и мелкими пакостями, —знал этого нашего врага, показывал его нам и требовал от нас решительной с ним борьбы.

А сегодня разве призыв Ленина к борьбе с комчванством потерял свое значение?

Разве шахтинское дело и тому подобные явления не ставят еще острее эту проблему? А разве сегодня мало коммунистов, претендующих на «места» только потому, что они имеют партбилет, не облекая себя труда добросовестно готовиться к исполнению возлагаемых на них обязанностей, добросовестно изучать дело и воспитывать в себе соответствующее умение работать? Разве нет у нас случаев, когда комчванливые бездельники из нашей собственной среды стремятся вышибать честных беспартийных специалистов, не будучи подготовлены к тому, чтобы выполнять своею справиться с работой, выполненной этими специалистами, руководствуясь не общими интересами дела, а своими частными интересами? Разве не видим мы некоторого оживления спецеедства, явления весьма и весьма сродного комчванству? Разве не бывает у нас так, что труднейшее дело коммунизации аппарата, требующее серьезнейшей подготовки, напряженнейшей работы коммунистов над собой и добросовестного изучения дела, проводится формально-бездушно, можно сказать «статистически»? А все это разве не есть проявление комчванства? Безусловно да! И это делает борьбу с комчванством и верхоглядством, без уничтожения коих трудно вести борьбу с расейским пошехоньем и обломовщиной, насущнейшей необходимостью и теперь, через пять лет после смерти Ленина, и еще долго эта задача не будет сходить с порядка дня, ибо культурная революция только-только начинается. Знаменательно, что последние писанные слова нашего вождя были словами об этой революции:

«У нас политический и социальный переворот оказался предшественником тому культурному перевороту, той культурной революции, пред лицом которой мы все ТОЛЬКО ТЕПЕРЬ СТОИМ... Для нас эта культурная революция представляет неимоверные трудности и чисто культурного свойства (ибо мы безграмотны) и свойства материального (ибо для того, чтобы быть культурным, нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база)».

Такими словами кончается статья «О кооперации»...

Г. ПЯТАКОВ.

---

[1]) Любопытно сравнить эту формулировку с учением Гегеля о том, что вывод без пути, ведущего к нему, не имеет никакого значения. (См. «Феноменология духа»).

Ленин и вопросы хозяйственной политики.

(Заметки).

Практика социалистического хозяйственного строительства после победы пролетарской революции—несмотря на отдельные гениальные предвидения Маркса и Энгельса—оставалась наименее разработанной частью марксизма вплоть до того момента, когда Октябрьская революция впервые в мире передала власть в громадной стране в руки коммунистической партии во главе с Лениным. Высказывания Ленина являются поэтому главным материалом для суждения об общих руководящих предпосылках социалистического хозяйственного строительства. Мы имеем здесь глубочайшее взаимопроникновение практики и теории. Ленин обобщал свою государственно-хозяйственную практику, а практика жадно впитывала в себя теоретические указания Ленина.

Я хочу в самых кратких словах остановиться не на конкретных решениях Ленина по тем или другим практическим вопросам текущей хозяйственной политики и не на общих теоретических обобщениях Ленина, а на тех методах постановки хозяйственных вопросов в эпоху диктатуры пролетариата, которые раскрываются из практики Ленина. Речь будет итти не о конкретных проблемах социалистического строительства в эпоху диктатуры пролетариата и не об общих теоретических предпосылках, а о том, что можно было бы назвать методологией хозяйственной политики в эпоху диктатуры пролетариата.

1.

В 1922 году в одной из последних своих работ Ленин писал: «Российский пролетариат поднялся в своей революции на гигантскую высоту не только по сравнению с 1789 и 1793 гг., но и по сравнению с 1871 годом. Надо как можно трезвее, яснее, нагляднее дать себе отчет в том, что именно мы «доделали» и чего не доделали... Мы «доделали» буржуазно-демократическую революцию так «чисто», как никогда еще в мире... Мы доделали выход из реакционнейшей империалистской войны революционным путем... Мы создали советский тип государства, начали этим новую всемирно-историческую эпоху... Но мы не доделали даже фундамента социалистической экономики. Это еще могут отнять назад враждебные нам силы умирающего капитализма». Почему?

Потому, неоднократно об'яснял Ленин, что революционная перестройка государственной власти, переход политической власти в руки пролетариата, несмотря на гигантские трудности этого перехода,—все же много легче, проще, чем переделка на социалистических началах всего хозяйственного уклада. Потому, во-первых, что, овладев рычагами государственной власти, устранив от них и уничтожив господствующие классы, победоносный пролетариат старой России оказался перед лицом сложнейшей, исторически сложившейся хозяйственной системы, сломать, переделать, переплавить которую в социалистическую систему невозможно в короткий срок.

Величайшее внимание к тем классовым процессам, которые происходят на почве переплетения различных хозяйственных укладов, к технико-производственным отношениям, в которых живут и работают миллионы людей, к своеобразию положения различных областей и районов характеризует революционный реализм Ленина. Достаточно припомнить, как осторожно относился Ленин к попыткам необдуманного вмешательства в низовые хозяйственные процессы, как тщательно вынашивал он формулы и параграфы «Земельного кодекса», как решительно отклонял в свое время попытки навязать сверху миллионному крестьянству ту или иную (общинную или индивидуальную) форму землепользования.

Но, проявляя величайшую тревожность в оценке сложности хозяйственной обстановки и соотношения классов, не отказываясь от «уступок» «в определении способов проведения социалистических преобразований» по отношению к основной массе крестьянства, Ленин ни на минуту не отступал от основной задачи: «доделывать», закреплять и расширять «фундамент социалистической экономики». «Это еще у нас могут отнять»,—писал Ленин, будучи в то же время твердо уверен, что этого «у нас» не отнимут, ЕСЛИ мы будем за это настойчиво бороться, систематически, упорно, неустанно расширяя площадь социалистической экономики, умело сочетая работу над расширением социализма с интересами и работой миллионов трудящихся. Чем грандиознее представлялась задача, чем сложнее обстановка, в которой надо эту задачу решить, тем резче и настойчивее предостерегал Ленин от обеих возможных ошибок: от переоценки достигнутых результатов, от идеализирования действительности, от соблазна затушевывания острой классовой борьбы и смягчения наличных сопротивлений и трудностей и от административного усердия, от соблазна «переадминистрирования» в хозяйственной области.

«Самая большая опасность, это—забюрократизировать дело с планом государственного хозяйства»... «Целый, цельный, настоящий план для нас теперь—бюрократическая утопия».

«Главной ошибкой всех нас было до сих пор, что мы рассчитывали на лучшее; и от этого впадали в бюрократические утопии. Реализовалась из наших планов ничтожная доля. Над планами смеялась жизнь, смеялись все. Надо это в корне переделать. Рассчитывать на худшее».

Отсюда — постоянные указания Ленина на то, что для диктатуры пролетариата нет единого, заранее придуманного рецепта переделки сложной хозяйственной системы, доставшейся в наследство пролетариату. Об этом ни в каких книжках не написано, писал Ленин. Этому научиться можно только на опыте, проверяя его, отказываясь от одних методов и переходя к другим, проверяя опыты применения тех или других способов по несколько раз. «Погибелью наверняка надо бы признать тех коммунистов, которые бы воображали, что можно без ошибок, без отступлений, без многократных переделываний недоделанного и неправильно сделанного закончить такое всемирно-историческое «предприятие», как завершение фундамента социалистической экономики (особенно в стране мелкого крестьянства). Не погибли (и, вероятнее всего, не погибнут) те коммунисты, которые не дадут себе впасть ни в иллюзии, ни в уныние, сохраняя силу и гибкость организма для повторного «начинания сначала» в подходе к труднейшей задаче».

Отсюда—и второй важнейший принцип ленинского подхода к хозяйственным вопросам: трезво смотреть в глаза действительности. Во что бы то ни стало добиваться голой, неприкрашенной правды о реальном положении вещей. Не поддаваться соблазну недооценки противодействующих сил и переоценки своих. Не допускать «сладенького комчванья». Проверять каждую цифру, пытающуюся охарактеризовать хозяйственно-экономическое положение отдельных классов и групп населения, отраслей производства и хозяйства. Эту голую правду нести подлинному строителю социализма—рабочему классу. Предвидеть трудности и предупреждать о них рабочий класс, ибо именно ему придется их преодолевать. Не допускать ни на минуту в рабочем классе сомнений относительно того, что он вполне осведомлен во всей сложности и трудности обстановки.

2.

Теория марксизма и опыт долголетней политической борьбы обострили у Ленина до последнего предела сознание того, что голая цифра, отдельный факт, хотя бы самый разительный, далеко еще не вся правда, а часто могут быть просто ложью. Необходимая политике правда может получиться только тогда, когда за цифрой, за фактом вскрыты движущие силы классовых отношений. О методах определения тактики пролетариата Ленин писал следующее: «Лишь об'ективный учет всей совокупности взаимоотношений всех без исключения классов данного общества, а следовательно и учет об'ективной ступени развития этого общества и учет взаимоотношений между ним и другими обществами может служить опорой правильной тактики передового класса. При этом все классы и все страны рассматриваются не в статическом, а в динамическом виде, т.-е. не в неподвижном состоянии, а в движении, законы которого вытекают из экономических условий существования каждого класса. Движение в свою очередь рассматривается не только с точки зрения прошлого, но и с точки зрения будущего и при этом не в пошлом понимании эволюционистов, видящих лишь медленные изменения, а диалектически».

Можно смело сказать, что Ленин не принимал ни одного решения, не проделав предварительно этой работы «об'ективного учета всей совокупности взаимоотношений всех без исключения классов данного общества», не вскрывая за цифрой и фактом тех реальных классовых сил, которые эту цифру или этот факт создали в борьбе или в сочетании с другими классами. Этим обеспечивалось не только то, что в громадном большинстве случаев мероприятие Ленина попадало именно в ту точку, в которую он целил, но и то, что каждое отдельное его мероприятие по тому или другому конкретному вопросу сохраняло на себе отблеск принципиально установленной общей линии.

3.

Все воспоминания о Ленине говорят о громадной жадности и внимательности, с которой он впитывал в себя всякую конкретную черту, характеризующую настроения, поведение, тенденции, изменения психологии не только рабочего класса или крестьянства в целом, но и отдельных групп рабочих или крестьян.

Эта жажда конкретного материала при оценке классовых настроений и классовых перемещений, создающихся на каждом этапе исторического развития, несомненно связана с недоверием Ленина к шаблонным методам оценки классов. Ленин посвятил немало блестящих страниц разоблачению той демократической лжи, которая заключается в том, что оценка силы классов производится выборами, парламентскими голосованиями и т. д. Он превосходно учитывал, что стальной плуг революции, особенно такой мощной и коренной, как революция Октябрьская, взрывает и ломает все установившиеся методы оценки, что этот плуг непосредственно, самым конкретным, личным образом задевает каждого трудящегося. «Политика—есть концентрированная экономика», повторял Ленин. «Политика начинается с миллионов» —говорил он. И поэтому, чтобы строить уверенно, не на песке, надо точно знать и правильно оценивать малейшие изменения в экономическом положении этих миллионов, изменения их психологии, складывающейся под влиянием экономики.

Для Ленина психология замеченной им в вагоне Финляндской дороги при его возвращении в Россию в 1917 году старушки, которая «перестала бояться человека с ружьем», значила больше в определении подготовленности трудящихся масс к рабочей революции, чем факт преобладания меньшевиков и эсеров в советах или шумные овации болтливым адвокатам временного правительства.

Умению взвесить реальную оценку тех или других мероприятий со стороны миллионов учил Ленин партию. С этой точки зрения как нельзя более характерно указание Ленина на то, как совершается на деле, в массе, в жизни проверка тех или других мероприятий:

«Мы должны проверку нашей работы установить уже серьезную. Не ту, которая пойдет через контрольные учреждения, теми же коммунистами создаваемые, хотя бы эти контрольные учреждения и в системе советских учреждений и в системе партийных учреждений были почти что идеальными контрольными учреждениями. Не эта проверка нам нужна, а та, которая является проверкой с точки зрения массовой экономики...

... Нужна проверка настоящая, проверка не такая, что ЦКК исследует и вынесет порицание, а ВЦИК назначит взыскание,—нет, а проверка настоящая с точки зрения народной экономики».

Этого критерия—проверки с точки зрения народной экономики, с точки зрения миллионных масс—никогда не упускал из виду Владимир Ильич.

4.

Основная хозяйственная задача, стоявшая перед Лениным, и решение которой есть решение борьбы между капитализмом и коммунизмом, это—создание крупной промышленности и переделка при ее помощи мелкого крестьянского хозяйства на социалистических началах. О том, что Ленин считал крупную промышленность основой социализма, что индустриализация страны являлась для него неоспоримой предпосылкой всего дальнейшего социалистического под'ема страны, что «единственной материальной базой социализма может быть крупная машинная промышленность», что «если не перевести Россию на более высокую технику, чем прежде, то не может быть и речи о восстановлении народного хозяйства и коммунизме», что «коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны»,—об этом не стоит тратить много слов.

Но если развитие промышленности представляет—в новых, социалистических формах—лишь дальнейшее развертывание тенденции, которая стихийно заложена уже в капитализме, то переделка мелкого крестьянского хозяйства на социалистических началах представляет принципиально новую и грандиозную задачу, которая могла быть и поставлена-то только после захвата власти пролетариатом. Эту переделку крестьянского хозяйства на социалистических началах, уничтожение противоположности между городом и деревней, соединение промышленности и земледелия, Ленин никогда не упускал из виду. Подходы к решению этой задачи менялись в зависимости от исторической обстановки, но самая задача всегда оставалась и подчеркивалась как коренная задача социалистической революции, без решения которой невозможно завершение строительства социализма. Еще не написана подлинная история политики Ленина по отношению к крестьянству в связи с меняющейся исторической обстановкой. Но нет никакого сомнения в том, что при изменении конкретных подходов к проблеме крестьянского хозяйства в социалистической революции основная генеральная линия Ленина была линией на коллективизацию сельского хозяйства.

Это часто забывают, но этого забывать нельзя, ибо недодуманность в этом отношении означала бы недодуманность всего плана социалистического строительства. В этом никак нельзя упрекнуть Ленина. Он ясно видел и неоднократно повторял, что реорганизация крестьянского хозяйства на социалистических началах, создание общественного хозяйства на земле, есть необходимое завершение и необходимое условие действительного закрепления диктатуры пролетариата. Власть пролетариата, не поставившая себе этой задачи и систематически, планомерно не продвигающаяся в ее решении, сама обрекла бы себя на крушение.

Уже в 1919 году Ленин говорил:

«Значение всех предприятий такого рода (предприятия общественной обработки земли) громадно, потому что, если бы прежнее бедное, нищенское крестьянское хозяйство осталось по-старому, тогда ни о какой прочной постройке социалистического общества не могло быть и речи».

«Дело переработки мелкого земледельца,—говорил в другой раз Ленин, —переработки всей его психологии, навыков есть дело, требующее поколений. Решить этот вопрос по отношению к мелкому земледельцу, оздоровить, так сказать, всю его психологию, может только материальная база, техника, применение тракторов и машин в земледелии в массовом масштабе, электрификация в массовом масштабе. Вот что в корне и с громадной быстротой переделало бы мелкого земледельца».

Но реорганизация крестьянского хозяйства на социалистических началах может совершаться только под руководством пролетариата. Диктатура пролетариата для своего упрочения и завершения требует «переделки» (конечно, планомерно подготовленной и систематически проводимой, рассчитанной на пример, а не только на голые административные мероприятия) мелкого хозяйства в земледелии. Реорганизация мелкого земледелия не может быть проведена без диктатуры пролетариата. Только пролетарская власть способна помочь крестьянину спастись от гибели, которую несет ему индивидуальное хозяйство при капитализме. «Главное дело тут в том, чтобы вдолбить крестьянину, что спасти или удержать его усадьбу или земельную собственность мы можем, только превратив ее в товарищескую собственность, в товарищеское производство. Именно единоличное хозяйство, обусловленное единоличной собственностью, и ведет крестьянина к гибели». Так ставил вопрос Энгельс, и эти слова Энгельса неоднократно как одно из важнейших положений марксизма и глубочайшее прозрение в практическую политику пролетариата, завоевавшего власть, цитировал Ленин, начиная с первой своей работы в 1894 году.

Слова Ленина о том, что нам необходимы «10—20 лет правильных взаимоотношений с крестьянством, и победа во всемирном масштабе обеспечена» надо толковать, конечно, не только в смысле того, что пролетариат должен «строить свою экономику в связи с крестьянством», устроить так, чтобы была обеспечена «смычка между нашей социалистической работой по крупной промышленности и сельскому хозяйству и той работой, которой занят каждый крестьянин», но также и в том смысле, что за эти 10—20 лет мы должны далеко продвинуться вперед в деле перехода основной массы крестьянства от разорительного индивидуального хозяйничания на раздробленных участках земли к общественному коллективному хозяйству на базе современной машинной техники.

Необходимо в этой связи всячески подчеркнуть, что план электрификации, выдвинутый Владимиром Ильичем как первый набросок общего плана народного хозяйства, охватывал отнюдь не только промышленность, но и земледелие, имел в виду электрификацию не только индустрии, но и сельского хозяйства.

5.

Ленинский план электрификации был генеральным планом продвижения к социализму и социалистическому хозяйству и в городе и в деревне. Самое замечательное в этом плане с точки зрения подхода Ленина к вопросам хозяйственной политики, однако, не в самом техническом расчете постройки системы электростанций. Эта сторона плана электрификации несомненно условна и уже подвергалась и будет подвергаться в дальнейшем ряду изменений. Замечательна самая постановка вопроса Лениным о плане. Получив первый набросок плана, Ленин писал: «Нельзя ли добавить в плане не технический (это, конечно, дело многих и не скоропалительное), а политический, государственный план, т.-е. дать задание пролетариату... Я думаю, подобный план—повторяю не технический, а государственный,—проект плана... надо дать сейчас, чтобы наглядно, популярно, для массы увлечь ясной и яркой (вполне научной в основе) перспективой: за работу-де, и в 10—20 лет мы Россию всю—и промышленную и земледельческую—сделаем электрической. Доработаемся до стольких-то машинных рабов и проч... Повторяю, надо увлечь массы рабочих и сознательных крестьян великой программой на 10—20 лет».

«Электричество надо пропагандировать,—писал Ильич, предлагая обсуждение плана электрификации. Как? Не только словами, но и примером. Что это значит? Самое важное—популяризировать его. Для этого надо теперь же выработать план освещения электричеством каждого дома в РСФСР».

Дав эту общую установку на создание ясной и яркой, на массы рассчитанной перспективы, способной увлечь рабочих и крестьян, подчеркнув одновременно необходимость не только книжной, но и практической пропаганды этого плана («электричество в каждом доме в РСФСР!»), Ленин, однако, избегая утопий и самообольщений, тут же требует: «Выработать тотчас сокращенный план», более реальный, более приспособленный к наличным ресурсам, а «в-третьих,—продолжает Ленин и подчеркивает,—и это самое главное,—надо уметь вызвать и соревнование и самодеятельность масс для того, чтобы они тотчас принялись за дело».

Вот следовательно метод Ленина. Создать на научных основах, на основах последних достижений науки и техники перспективу, способную встряхнуть массу, увлечь ее, вызвать ее энтузиазм; выделить в этом плане очередное звено, за которое можно схватиться сейчас, при наличных ресурсах и силах; осуществлять этот план на базе самодеятельности масс, их заинтересованности наглядных улучшений, которые этот план вносит в жизнь; развивать самодеятельность мест, районов, областей, вызывать их соревнование; не шаблонизировать, а регулировать общую работу, направляя ее в общих, планом предусмотренных рамках.

6.

Ленин мало доверял советскому аппарату. Одной из характернейших черт буржуазного строя Ленин считал создание и функционирование фактически независимой от народа и стоящей над народом «машины управления», систематическое отделение управляющих от управляемых. Тенденции подобного разделения, малейшие признаки воссоздания в советских условиях подобной «машины» управления Ленин преследовал беспощадно. Он ни на минуту не скрывал ни от себя, ни от партии, что эти элементы старого, казалось бы, уничтоженного порядка возрождаются в советской действительности. Нет тех худых слов, которыми бы Ильич не ругал наш аппарат и бюрократизм. И потому не на аппарат возлагал Ленин надежды в проведении тех или других крупных хозяйственных мероприятий, а на подлинные силы революции, на всколыхнутые революционные массы, на их увлеченность, на их заинтересованность в проведении тех или иных крупнейших хозяйственных мероприятий. Противоядие бюрократизма Ленин видел только в самодеятельности самих трудящихся, в обеспечении для них возможности взять дело в свои собственные руки, учиться на опыте, хотя бы с ошибками. Трудно найти такое мероприятие или такое предложение Ленина в области государственно-хозяйственной политики, которое бы не сопровождалось указанием на необходимость привлечения для его проведения в жизнь масс, апелляцией к массам, указанием на необходимость заинтересовать в данном деле массы, практическим советом, как осуществить это заинтересование подлинных рабочих и лучших крестьян проведением того или другого мероприятия.

Своими декретами государственная власть должна помогать самодеятельности масс, вводить ее в определенное русло, давать ей направление, давать массам в руки оружие против саботажа и вредительства, но не заменять самодеятельность, не подменять государственным аппаратом работы масс, увлеченных ясно поставленной и четко формулированной перспективой.

«Диктатура пролетариата есть классовая борьба пролетариата при помощи такого орудия, как государственная власть, классовая борьба, одной из задач которой является демонстрирование на долголетнем опыте, на длинном ряде практических примеров, демонстрирование непролетарским трудящимся слоям, что им выгоднее быть за диктатуру пролетариата, чем за диктатуру буржуазии, и что ничего третьего быть не может».

Эти слова Ленина о наглядном демонстрировании помощью государственной власти перед самыми широкими слоями трудящихся преимущества для них диктатуры пролетариата и заостренная постановка вопроса о диктатуре (или диктатура пролетариата или диктатура буржуазии, ничего третьего быть не может!) ближе всего подводят нас к пониманию того, как ставил Ленин основные хозяйственные вопросы социалистического строительства.

Л. КАМЕНЕВ.

Умер Ленин.

(Страничка дневника).

Я шел по красным коврам Дома Союзов: тихо, в очереди, затаив дыхание, думал:

— Сейчас увижу лицо твое, учитель—и прощай. Навеки. Больше ни этого знакомого лба, ни сощуренных глаз, голой, крутой головы, ничего не увижу.

Мы все ближе, ближе... Все ярче огни—электричеством залит зал, заставленный цветами. Посреди зала, на красном, в красном — лежит Ленин: лицо бело, как бумага, спокойно, на нем ни морщин, ни страданья,—оно далеко от тревог, оно напоминает спокойствием своим лицо спящего младенца. Он, говорят, перед смертью не страдал—умер тихо, без корч, без судорог, без мук. Эта тихая смерть положила печать спокойствия и на дорогое лицо. Как оно прекрасно, это лицо! Я знаю, что еще прекрасно оно потому, что—любимое, самое любимое, самое дорогое.

Я видел Ильича последний раз года два—три назад. Теперь, в гробу, он бледней, худей,—осунулся вдвое. Только череп—крутой и гладкий,—как тогда, одинаков.

Вот вижу со ступенек все лицо с закрытыми глазами, потом ближе и ближе, вот впалая щека и ниже ее чуточная бородка. Брови, словно приклеенные, четко отделяются на бледном лице—так при жизни они не выступали,—теперь кажутся они и гуще и черней... Движется, движется человеческая цепочка слева направо, вокруг изголовья, за гроб.

Виден только череп... Блестит голой, широкой покатостью...

И дальше идем—снова щека—другая, левая... Идем и оглядываемся—каждому еще и еще, хоть один раз надо взглянуть на лицо, запечатлеть его в памяти, до конца дней запомнить...

И снова по красным коврам идем проходами, коридорами Дома Союзов, выходим на Дмитровку. А у крыльца толпа: тысячная, стотысячная ли она, не рассмотреть: кругом толпа, до Дома Советов, до Тверской, по Дмитровке, везде она волнуется, ждет очереди отдать последний поклон покойному вождю, любимому Ильичу.

Только в дикой Московии возможно это. За белыми каменными стенами стоит гроб. В гробу—Ленин. Кто он—Ленин?

Спросите песчинки пустыни Сахары, спросите снежинки с вершин заоблачной Хантенгри—скажут и жгучие пустыни и ледяные горы, кто он, Ленин. Точно, без ошибки. Быстро. Охотно.

В гробу лежит—за белокаменными стенами. А на воле, здесь, на площадях—народы. Толпятся ночи и дни, дни и ночи, увидеть бы на миг, в последний раз перед могилой лицо того, кто взглядом указывал путь, кто словом подымал на восстания, кто единым движением руки вел миллионы на бой.

Не было такого мудреца, не было мятежника, не было в веках такого полководца. Только Ленин.

И потому пришли народы к его праху, потому они день и ночь толпятся на площадях дикой Московии.

Темные, студеные, крепко-морозные январские ночи. Горят изумрудами в электрических отблесках снежные ковры площадей. Застыли в холоду, об'индевели, смерзли, скачут с ноги на другую, оттирают оледенелые уши—и все в мягком, гробовом молчании.

Это стоят на очереди—пять, восемь, десять, двенадцать часов,—пока не пропустят, пока не дождутся. Зловещие красные языки лохматых факелов, огненными брызгами мчатся во тьму от полуночных костров миллионы золотых искр.

Ночь живет суровой жизнью кочевого табора. Этот табор пролетарский—на кочевье. Он остановился здесь заночевать—в красной, дикой Московии; он собирается в дальний путь,—далек ему путь, по целому миру. Злобный мир оскалил хищные зубы на факелы и костры грозного табора. Злобный мир почуял, как тяжела этому кочующему табору утрата лучшего из лучших, самого нужного, старого кормчего, вождя—Ленина.

Во кочевье таборное ощетинилось миллионами колких штыков; уже приучились от вождя размахивать в глухую ночь себе верную дорогу по звездному куполу; по дыханию, по шороху, что бередит и тревожит ежесекундно мир. Остались ученики—давние, опытные, неутомимые, несокрушимые,—их такими быть научил Ленин.

И сами кочевники—миллионы—и они за эти годы, когда был жив и вел их сам он, вождь, Ленин—миллионы выросли на голову, чуют вздохи земли, слышат ее шорохи.

В клокочущем враждебном море затаился островок, остров-факел, остров-маяк, остров-острый луч, пронизавший всемирный мрак.

Этот остров спешили захлестнуть враждебные волны, залить, затопить, похоронить, угасить на нем неугасимое, убить бессмертное. Ударялись о скалы холодные волны враждебного моря и катились вспять. И снова наскакивали, и снова откатывались, разбившись о гранитные скалы. Их грани, эти скалы, вылепил мастер—Ленин.

Он умер!

В Доме Союзов, за белокаменными стенами, лежит бездыханный, холодный прах.

Он бессилен, не может дальше гранить, заострять и чеканить, чтоб больней и безнадежней разбивались они в холодные волны злобного моря.

И потому бешеней атака волн, и потому выросла опасность, потому мы и день и ночь на ногах перед кострами... Движенными факелами. Мы ждем все новых и новых ударов. Но уж ограняны до высокого мастерства гранитные скалы нашего священного острова—над ними всю жизнь работал Учитель.

Нам осталось многое сделать, труден будет наш путь, но в руках у нас зажженный учителем светильник—он вырезает мрак; в руках у нас резец—он рассекает скалы, он прокладывает путь; в мозгу нашем—опыт великого учителя, в сердцах наших—его неутолимый гнев ко злобствующему, враждебному миру и высокая, безмерная любовь к человечеству, к труду, к тому, во имя чего он жил, ради чего ушел преждевременно от жизни.

Прощай, Ильич,—самый любимый, самый нужный человечеству!

ДМ. ФУРМАНОВ.

27 января 1924 г.

„Чрезвычайно развитой слесарь".

(Страничка воспоминаний).

Это относится ко времени первой нашей революции 1905 года. Вероятно в ноябре (теперь трудно установить точно) была назначена явка на Литейном в квартире прис. пов. Чеберуль-Куша.

Мы с товарищем С., к моему удивлению, пришли первыми, так как ошиблись на полчаса. На бессnежной улице было сухо и холодно, приятно было с ветра попасть в просторный, темно-зеленый, высокий кабинет. Окна и двери его были плотно закрыты темно-зелеными же бархатными драпировками. Горничная, проводив нас в эту красивую, с ярким светом комнату, ушла.

Товарищ мой был знаком с хозяевами и, убедившись, что до собрания осталось еще минут 20, пошел в гостиную или столовую, из которой за портьерами даже и голосов не было слышно.

— Вы недолго, а то мне одной будет тут скучно?—сказала я ему.

Но скучать не пришлось: едва тов. С. вышел за дверь, как из передней вошел, провожаемый все той же горничной, крепкий, широкоплечий человек в пальто и кепке.

— Может быть, тут, товарищ, раздеваться надо?—обратился он ко мне.

— Вероятно,—ответила я.—Тут тепло.

Действительно от радиаторов парового отопления у окон несло приятным теплом. Товарищ вышел и быстро снова вернулся. Судя по костюму и скромной, простой манере держаться, а также и потому, что пришел он рано, не первым (обычно чем важнее был работник, тем позже он приходил), я заключила, что это был рабочий, мастеровой.

— Вы, может быть, с завода Айваз, товарищ?—спрашиваю я.

— Да. Не в том, однако, дело. А как в вашем районе?..

Было мне тогда года 22—23. С новым жаром влезала я в работу и готова была, ни минуты не пропуская, пропагандировать и учить... И теперь удобного случая, конечно, я пропустить не хотела. Я стала говорить с товарищем про свой район, про свои кружки. Стала, по привычке, толковать ему про тогдашние лозунги дня, развивать и доказывать их. Он понимает все быстро, схватывает на - лету...

Я его расспрашиваю про завод, про рабочих; он меня—про районы, про мои кружки.

Быстро перескочили на газеты, на общую политику.

— Вот интересный рабочий... должно быть слесарь,—думаю я.

По близорукости подвигаюсь ближе. Вижу—глаза очень своеобразные, живые и веселые.

— Никогда еще таких интересных слесарей не встречала; бывают развитые, да не такие сильные.

А этот все с насмешкой, остро и с добродушием обо всем рассказывает и—главное: все понимает. Сама с жадностью обо всем говорю—весело, интересно и оживленно так говорили. Рабочих я тогда уже порядочно видала. Был у меня в то время кружок, наполовину из поляков, наполовину из латышей. Но этот сразу видно, что русский и не столько по лицу, как по манере говорить, подсмеиваться весело и на лету подхватывать мысли собеседника. Весело летит время.

Вдруг тов. С. возвращается, здоровается с моим собеседником и шепчет мне, отведя в сторонку:

— Ну, как Ленин вам понравился?

— Какой Ленин?

— Вот тебе и на! Сама с ним говорит и не замечает!

Тут народ стал постепенно набираться, а во мне боролись два чувства: досады, что помешали интересному разговору со «слесарем», и изумления, что Ленин—эмигрант, интеллигент, книжный и ученый вождь партии—нисколько не похож ни на книжника, ни на сухого доктринера, а что он—настоящий самородный, с веселым, народным умом мастеровой-слесарь.

Так это меня сбило с толку, что все бывшие на собрании у меня из головы вылетело и уже какие там дела обсуждались—хоть убейте—не вспомню [1]).

М. КРАЦИН.

---

[1]) Надежда Константиновна по поводу этого рассказа вспомнила, что В. И. говорил ей, смеясь, как на явке какая-то девица «пропагандировала» его. (М. К.).

Первая страница фабрично-заводской газеты железнодорожников в Перте (Англия).

„Концепист".

Это было в августе 1919 года, после [падения] венгерского советского правительства, в здании будапештского полицейского управления. Воздух был насыщен [запахом] крови, слышны были вопли, стоны, [детский] плач. Мы лежали в маленьких [камерах], в страшной тесноте, избитые, [окровавленные], и к нам прибывали все новые и новые люди. Румынские солдаты и венгерские белогвардейцы совместно [совершали] свою кровавую работу в Будапеште. 20 или 21, точно я не помню, к нам в камеру втолкнули низкого роста старого крестьянина. Он был бос, без [шапки], все его имущество состояло из [сумки], которую он держал на спине. Крестьяне были редкими гостями в нашей [камере], и мы начали осаждать старика вопросами:

— Откуда вы? Почему вас арестовали? Вы были комиссаром или председателем [совета]?

— Нет,—ответил смеясь старик,—я ничем подобным не был и, по моему мнению (по моей «концепции», как он постоянно говорил), я ничего преступного не сделал. Меня случайно арестовали...

— Случайно?

— Да. По моему мнению, это—чистая случайность. Я только исправил плакат.

— Какой плакат?

— Да знаете, социал-демократический плакат. Ваши дружки, господа социал-демократы, когда пришли после вас к власти, поспешили напечатать плакат...

(После падения советского правительства в Венгрии было в течение нескольких дней «чисто социал-демократическое» правительство, так называемое профсоюзное правительство. Белогвардейцы его свергли).

— Что же было сказано в этом плакате?—спросили мы старика.

— Да видите, по моему мнению, плакаты должны содержать только правду, а там было сказано, что социал-демократы снимают с себя ответственность за бывшее советское правительство. Ответственность за это правительство должны нести исключительно коммунисты. Что это значит? Господа социал-демократы ведь все делали вместе с коммунистами и заняли с коммунистами высокие посты. А теперь они не хотят брать на себя ответственность за это. По моему мнению, эта ложь должна была быть исправлена. Я вынул карандаш и зачеркнул соответствующие места в плакате. Это заметил румынский солдат, который дал мне пару пощечин, ударил меня прикладом по спине и арестовал. По моему мнению, я ничего не сделал, и меня должны отпустить...

Так как старик ежеминутно говорил «по моей концепции» (по моему мнению), я его назвал «концепистом», и это имя за ним осталось. Кем он, собственно, был, чем он занимался, какое он имел к нам отношение,—я не мог тогда вполне выяснить. Это был старый, повидимому, хитрый крестьянин, который делал вид, что все то, что он знает (а знал он многое), он знает случайно. Если к нему обращались с вопросом, на который он считал неудобным ответить, он притворялся, будто он вопроса этого не понимает. Так как у него не было ни денег, ни с'естных припасов, то мы его кормили. Я просил своих родных дать ему пару сапог и шапку. За это старик мыл нам посуду (у нас было всего 4—5 жестяных тарелок и несколько горшков на 40—50 чел.). Когда в комнате становилось чересчур грязно, «концепист» приносил ведро воды из коридора и, не обращая внимания на пинки солдат, мыл грязный пол. Он был нам благодарен, а мы ему. По вечерам, когда мы поочередно рассказывали свои истории, рассказывал подчас и старик о себе. Он рассказывал все просто и скромно, но очень ясно:

— По моему мнению, — рассказывал он,—все произошло потому, что мы допустили крупные ошибки. Я говорю вам, крестьянин это не то, это совсем другое. По моему мнению, если кто хочет у крестьянина что-либо получить, он должен ему что-нибудь и дать. Только один это хорошо знал,—как бишь его звали? да... Ленин.

Имя Ленина очень часто повторялось в его «концепциях». Всегда он долго вспоминал, пока он называл это имя. Казалось, что он упоминает это имя лишь случайно или после долгого размышления. В другой раз он заявил:

— Коллективная работа крупных советских хозяйств... Да, чудесно... По моему мнению, однако, не следовало начинать с этого сразу и везде. Нужно было раздавать землю среди крестьян. Тогда он имел бы нечто такое, что он защищал бы от посягательств помещиков. Может быть, нужно быть самому крестьянином для того, чтобы это понять... Я думаю, что и он был крестьянин.

— Кто?

— Ну, да он... который все так отлично понимал. Как он только назывался? Да... Ленин.

В конце концов это стало подозрительным. Так как старик со мной особенно подружился, я его раз отвел в сторону и спросил:

— Слушайте, товарищ «концепист», вы его, собственно, знавали?

— Кого?

— Ленина.

Он сверкнул глазами и ответил:

— Да кто-ж его не знает?

Больше я ничего не мог у него узнать. А на вопрос: кто вы такой?—он мне ответил:

— Так... бродячий проповедник... Я хожу среди крестьян и говорю им истину. Ту истину, которую, по моему мнению, мы должны говорить крестьянам. Так говорил, как он бы хотел...

— Он? Кто?

— Ну, он... да который так хорошо понимал. Как только он назывался? Да, Ленин.

На четвертый или пятый день в камеру пришли белогвардейские офицеры и, избивая всех нагайками, всматривались пристально в лицо каждого. При этом они обратили внимание на старика. Его имя не было внесено ни в один список.

— Что тебе здесь нужно, мужик?—спросил его один офицер.

— По моему мнению, ничего,—ответил смиренно старик.

— Ты хочешь здесь кормиться за государственный счет? Ты, наверно, лежал где-нибудь в болоте, напившись, как свинья, и тебя по недоразумению поместили среди политических. Убирайся вон!

— Охотно, господин капитан,—ответил старик.—Я так и знал, что меня сюда случайно поместили. Румыны не понимают нашего языка...

Он снял сапоги и вложил их в свою котомку, которая ночью служила ему подушкой и которую он днем носил всегда с собой, как будто там были спрятаны какие-то особые ценности. А между тем там была лишь грязная рубаха и книжечка в роде молитвенника или чего-то другого. Так как старик начал с ним препираться слишком обстоятельно, офицер ему дал пинка ногой, и он вылетел из камеры.

Так мы больше и не видали «концеписта».

Один товарищ из Румынии, который должен был фигурировать в качестве главного обвиняемого на последнем крупном процессе коммунистов, устроенном демократическим правительством Маниу, и который избежал пожизненной каторги только потому, что ему удалось бежать из тюрьмы, посетил меня на этих днях в Берлине. При этом он мне рассказал следующее:

— Я должен вам передать весьма своеобразный привет. В нашей деревне скончался старый крестьянин, о котором мы не подозревали, что он принадлежит к революционному движению. Мы всегда считали его неисправимым бродягой, так как с наступлением весны он всегда брал свою котомку и переходил венгерскую границу. Лишь зимой он возвращался и жил у своей дочери. Он ухаживал за скотом, спал на сеновале, при чем рассказывали, что он много читал. Никто не видел, что он читал, да и никто этим не интересовался, так как старик имел репутацию чудака. В начале нынешней зимы, когда старик вновь появился в нашей деревне, ко мне пришла его дочь, угрюмая крестьянка, и сказала:

— Господин, пойдите к нам, старик кончается. Он хочет с вами поговорить перед смертью.

— Разве он меня знает?—спросил я с удивлением.

— Он говорит, что знает.

Я пошел с этой женщиной. Старик уже не лежал в конюшне. Он лежал в комнате, в кровати, поздоровался со мной и, выслав дочь из комнаты, начал со мной говорить. Он говорил очень своеобразно... Он часто повторял одну и ту же фразу: «по моей концепции»... Это было так необычно в устах крестьянина. Вообще же он говорил просто и разумно. Он мне сказал:

— Садитесь, товарищ. У нас есть, может быть, полчаса для разговора. По моему мнению, мне приходит конец, и этой весной я уже не перейду через венгерскую границу. Я вам назову ряд венгерских деревень, но вы их не записывайте. Я вам укажу в каждой деревне товарища из крестьянской бедноты или из челяди графа. Я вам эти имена буду повторять до тех пор, пока вы не сможете их за мной повторить. Это деревни,—при этом старик хитро подмигнул глазами,—которые я обрабатывал. Не удивляйтесь. Я работал самостоятельно. В противном случае я бы давно попался. Я не попадался в самые худшие времена, и, по моему мнению, я, таким образом, работал неплохо. В конце концов, я хотел связаться с кем следует для того, чтобы передать мои деревни в ведение партии. Но для этого мне пришлось бы пройти почти сто километров пешком до Чегедина, а на это у меня нехватало сил. Теперь я хочу это сделать через вас, так как я знаю, что вы член румынской партии. Так как вы, кроме того, венгерец, то вы, наверно, встретитесь с теми товарищами, которых интересует мое дело.

Он начал мне рассказывать. Откровенно говоря, я не всему верил, так как все это звучало слишком романтически. Впоследствии однако оказалось, что старик поведал сущую правду. В крупном помещичьем имении, находящемся у самой границы, он создал крепкую организацию крестьянской бедноты и графских батраков. В последние два года он руководил двумя «тихими» движениями—за повышение зарплаты и забастовкой жнецов, при чем он ни разу не попался. Все это казалось весьма неправдоподобным. Когда он увидел, что я ему не вполне верю, он мне назвал ваше имя, сказал, что вы вместе сидели в тюрьме, и добавил:

— Не знаю, где теперь товарищ Габор. Я слыхал, будто он в Москве. Если вы его увидите, передайте ему привет от старого «концеписта»... Запомните это... Он-то будет знать, о ком идет речь.

Это я теперь и делаю. Я передаю вам привет старого «концеписта». Эту историю я вам передаю и по другой причине. Старик мне сказал еще следующее:

— Товарищ, у меня все в порядке. Я все сжег. Но у меня еще есть кое-что на сеновале, наверху, но я туда уже не доберусь. Это—маленькая библия...

— Ну, это-ж не опасно,—заметил я.

— Нет, не потому... Библия русская.

— Вы читаете по-русски?

— Да, я был военнопленным и провел пять лет в России. Я прошел неплохую школу, товарищ. Теперь, когда мне все равно, попадусь я или нет, я мог бы, по моему мнению, рассказать много интересных вещей. Но мне трудно много говорить... Библия эта из Самары. Я ее взял из помещичьей библиотеки. Она украшена резьбой по слоновой кости и напечатана мелким шрифтом. Всю библию можно положить в жилетный карман. В этой книжечке лежит записочка, которую я завещаю венгерским товарищам. В конце марта на сеновале уже мало сена, и вы можете туда войти. В левом углу, под поперечной балкой, лежит эта книжечка. Когда я был заперт вместе с тов. Габором, я имел эту записочку в книжечке. Это было завернуто в рубаху в моей котомке. Если бы это у меня нашли, меня бы повесили... Но я им не казался подозрительным, и меня выгнали пинком из полиции.

Старик усмехнулся. Я хотел спросить, что же это за записочка, но тут вошла дочь с тарелкой супа и ее никак нельзя было заставить выйти. Старик начал бессвязно говорить, и я не знаю, заговаривался ли он или он хотел, чтобы дочь не возымела никаких подозрений. Я попрощался, и потом мне передали, что старик на той же неделе умер.

— А что же с библией?—спросил я товарища.

— Да, это я хочу вам рассказать. Может быть, три месяца спустя после смерти старика в деревню явились жандармы и агенты сигуранцы и арестовали дочь старика и «русского», который живет в деревне со времени войны. Его зовут Илья Соловьев, он женился, будучи военнопленным, остался в деревне, и никогда в своей жизни не имел никаких «разрушительных тенденций». Вначале я думал, что появление жандармов связано с моей деятельностью, и я немедленно скрылся. Товарищи мне потом сообщили, что после смерти старика дочь его нашла книжку на сеновале, книжку, написанную иностранным языком. Видно было, однако, что это—библия или молитвенник. Русский, который занимается в деревне столярным делом, чинил стул дочери старика и при этом заметил у нее на окне книжку. Он обрадовался, увидев русскую книгу, и выразил желание ее взять. Он начал ее рассматривать и нашел русскую записку. Прочитав записку, он перекрестился, побледнел, как смерть, и хотел сразу бежать из дома. Дочь старика, однако, его удержала и начала его просить, чтобы он об'яснил ей, в чем дело. Русский вновь перекрестился и перевел ей содержание записки. Там было всего три строчки (я сам видел эту записку у следователя перед моим бегством):

«Дорогой товарищ, само собой разумеется, что я теперь чрезвычайно занят, но если вы явитесь завтра утром в Смольный, я улучу время для того, чтобы поговорить с вами.

Ленин».

Дочь не поняла, почему русский при чтении этой записки перекрестился, она его высмеяла и на завтра рассказала своим соседям о том, как суеверны русские и как Илья крестился, когда читал письмо русского друга ее отца. Она показала при этом записку. И в деревне начали ходить слухи о том, что старик, у которого и без того была репутация чудака, был крестьянским комиссаром из Москвы и другом Ленина. На могиле старика появился красный флажок, воткнутый неизвестно кем. Так обнаружилось это дело. Двое арестованных и «доказательства» были доставлены в Будапешт. Графологам сигуранцы нетрудно было удостоверить подлинность почерка Ленина. Бедный Илья Соловьев был выслан из Румынии, а дочь старика просидела почти полгода в тюрьме. В результате старательных розысков сигуранца раскрыла и всю нашу организацию.

АНДОР ГАБОР.

Культ Ленина в Италии.

Далеко не всякий пролетарий знает в Италии имя Маркса, но каждому из них близко и дорого имя Ленина. Это имя пользуется по всей стране, начиная от снежных вершин Трентино до берегов полутропической Сицилии, широкой популярностью.

Однако, широкие итальянские массы не знакомы ни с жизнью, ни с учением Ленина, и невольно задаешь вопрос: чем же об'ясняется популярность Ленина среди масс? Все дело в том, что имя Ленина связано для итальянского пролетариата не только с идеей, но с фактом, историческое значение которого ясно для самого отсталого рабочего. Ленин является для них воплощением победоносной пролетарской революции. Его имя для итальянского пролетария—символ революционной организации, тактики и силы, короче говоря, всего того, что необходимо, чтобы свергнуть буржуазию и захватить власть.

До того, как кровавая лавина фашизма обрушилась на итальянское пролетарское движение, уничтожив все, что относилось к культурному движению итальянского пролетариата, Ленин и его теоретическое учение не могли пустить корней в Италии. Из огромной массы книг, написанных Лениным в течение его больше чем тридцатилетней деятельности, были переведены и напечатаны лишь три книги, а именно: «Государство и революция», «Детская болезнь левизны в коммунизме» и «Империализм как последний этап капитализма». Но и эти книги, носящие специальный характер, читались исключительно активными представителями революционного авангарда. С тех пор, как железный сапог фашизма давит наш пролетариат, в Италии не только воспрещено печатание и распространение сочинений Ленина, но всякий, у кого будет найдена книга или портрет Ленина, рискует долгосрочным тюремным заключением.

Так как вся коммунистическая печать разгромлена, типографии закрыты и редакторы брошены в тюрьму или убиты, то в настоящее время в Италии печатаются лишь листовки и фабрично-заводские газеты в подпольных типографиях. Нелегальная газета «Унита», выходящая одновременно во многих городах Италии, выпустила в прошлом году специальный номер, посвященный годовщине смерти Ленина. Но любовь рабочих к Ленину выражается наиболее ярко в фабрично-заводских газетах. Из самых далеких фабрик и деревень доносятся голоса любви и преданности к человеку, который отдал всю свою жизнь для освобождения пролетариата, и это освобождение, действительно, осуществил.

Не имея возможности ознаменовать ни публичными собраниями, ни демонстрациями этот день траура мирового пролетариата, итальянские рабочие раздают нелегальные листовки, устраивают тайные собрания и проводят, как это они уже сделали в прошлом году, минуту молчания на месте работы—на фабриках и в мастерских.

Легко понять, что при этих условиях ленинизм не может теоретически цвести на кровавой почве Италии. Но если ленинизм как теоретическое учение еще не утвердился в Италии, то, с другой стороны, он делает гигантские шаги вперед, как практическое орудие в борьбе итальянского пролетариата с белым террором, как орудие подготовки к наступлению на фашизм и капитализм. Итальянский пролетариат инстинктивно усвоил сущность ленинизма.

Имя Ленина стало известно в Италии впервые в 1917 году. Оно осветило тогда все, как метеор. После октябрьской победы оно было на устах у всех. Везде, на стенах всех городов Италии, на многих хижинах можно было читать надписи: «Да здравствует Ленин!», «Да здравствует Н. Ленин!» Это был возглас революционной радости, это был сигнал к сплочению рабочих города и деревни. С криками «Да здравствует Ленин!» крестьяне захватывали имения. С этими возгласами рабочие в августе 1920 г. захватывали фабрики. Но если массы были готовы следовать за Лениным и следовали за ним, то этого не хотели их вожди. Массы потерпели поражение, и наши пролетарские герои умирали с возгласами «Да здравствует Ленин!» под выстрелами фашистских банд. В настоящее время, при белом терроре, имя Ленина является не только символом революционной связи, но и программой восстания против ига, которое больше чем когда-либо порабощает промышленного рабочего и сельского батрака, живущего теперь в условиях средневековья.

Пять лет после смерти гениального вождя создали почти легенды вокруг его имени. Любовь и поклонение к Ленину приняли в Италии характер культа, который должен превратиться в культ его теории, его революционного учения, в культ ленинизма. В следующие пять лет этот культ станет общим достоянием всех итальянских пролетариев.

ЭДМОНДО ПЕЛУЗО.

Дело Ленина живет.

(Декларация зарубежных рабкоров).

Мы, девять человек, приехали в Советский Союз на 4 Всесоюзное совещание рабселькоров из различных стран капиталистического мира: Германии, Франции, Чехо-Словакии, Норвегии и других.

Все мы—рабочие от станка. Рабочие наших предприятий прислали нас в СССР для того, чтобы установить непосредственную, живую связь между угнетенными пролетариями Запада и свободными пролетариями первого в мире рабоче-крестьянского государства.

Трудящиеся Советского Союза дали нам возможность посетить целый ряд промышленных центров, целый ряд независимых республик, входящих в состав Советского Союза.

В дни, когда международный пролетариат оплакивает смерть своего величайшего вождя и учителя Владимира Ильича Ленина, мы считаем своим пролетарским долгом заявить перед всем миром, что кончина вождя не помешала рабочему классу Советского Союза в союзе с крестьянством твердой рукой повести вперед дело строительства социализма в Советском Союзе. Трудно передать удивительные достижения во всех областях народного хозяйства, какие мы видели во время нашей поездки по необ'ятной стране Союза.

За пять лет, истекших со дня смерти Ленина, индустриализация страны сделала громадный шаг вперед. Мы убедились, что рабочие СССР умеют не только восстанавливать старое, не только залечивать следы империалистической и гражданской войны, но они умеют, несмотря на все трудности, строить с огромным размахом новые фабрики и заводы. Мы видели целый ряд строящихся гигантов, которые сделали бы честь любой, самой передовой, капиталистической стране. Достаточно упомянуть о Сельмаштрое (Ростов), о колоссальных работах, проведенных за последние годы Азнефтью в Баку (засыпка бухты), о новых способах бурения, которые еще до сего времени не известны ни в капиталистической Европе, ни в Америке (турбинное бурение по способу инж. Капелюша). Мы видели десятки новых строящихся электрических станций, которые приведут к электрификации всей страны.

Мы возвращаемся к себе на родину полные твердой уверенности в конечном торжестве нашего великого, общего трудящимся всего мира, дела.

Ленин умер, но живет ленинизм!

За делегацию зарубежных рабкоров

Председатель делегации **Фридрих.**

Члены делегации **Дерайт, Каллет, Андерсен, Дану, Филипп.**

По поводу одного доклада В. И. Ленина.

В № 47 «Правды» от 3 мая 1917 г. было напечатано крупным шрифтом следующее:

«НАШИМ ДРУЗЬЯМ»

«15 мая мы должны расплатиться за типографию. Нехватает около 50 тыс. руб. Товарищи, делайте сборы. Время не ждет».

В № 50 другое:

«8 мая, в пять часов дня, в Большом зале Морского корпуса доклад товарища Ленина».

В № 52 «Правды» значится:

«Браво, товарищи-солдаты! В фонд «Правды» и партийной типографии пожертвовано товарищами-солдатами из разных полков медали: серебряных: за усердие—535 шт., георгиевских—37 шт.; бронзовых: юбилейных—41 шт., за усердие—18 шт.; в память коронации Александра III—51 шт.; юбилейных (300-летие дома Романовых)—367 шт. и т. д.».

История указанных выше об'явлений такова:

— Доклад тов. Ленина 8 мая 1917 г., это—его первое открытое выступление в среде пролетарской массы Петербурга о программе и задачах партии. Среди присутствующих партийцев, главным образом рабочих, находилось немало беспартийных. В среде беспартийных много было солдат-фронтовиков.

Интерес к докладу и, главным образом к тов. Ленину был чрезвычайно велик. Ленин, Ленина—тогда склонялось по-всяческому. Ленин не сходил с языка у петербуржцев всех слоев населения. Одни имя Ленина произносили с любовью и гордостью, другие—с величайшей ненавистью, но посмотреть и послушать хотели все.

К пяти часам к Большому залу Морского корпуса (что на Васильевском острове) начала собираться публика. К пяти с половиной часа образовалась очередь в 3—4 тысячи человек, вызывавшая у обывателей необыкновенное любопытство...

Наконец, Большой зал, вмещающий в себя до 6—8 тысяч человек, был битком набит. (На другой день стало известно, что пол в этом зале дал трещины, не выдержав нынешней нагрузки в несколько тысяч человек).

Во время всего доклада, продолжавшегося около 2 часов, тишина в зале была необычайная. Владимир Ильич говорил с большим под'емом и убедительностью. 6—8 тысяч человек слушали 2 часа стоя... «Посмотри на публику,—шептал мне товарищ, старый партиец Митя Павлов,—как вытянулись у всех лица».

— Действительно,—отвечаю ему,—вытянешься, когда тебя, как обухом по голове бьют.

— Да, говорит о большом, мирового значения вопросе, а как просто и понятно,—продолжали шептаться.

...Капитализм достиг высшего развития,—говорил Владимир Ильич.—десяток капиталистов Америки захватят свою волю всей государственной жизни...

Капиталисты Германии, Англии, Франции переросли самих себя. Им нехватает рынка в собственной стране. А потому они вынуждены искать для сбыта фабрикатов рынков на вне... Конкуренция между капиталистами привела к величайшей войне 1914 года. Можно ли надеяться на то, что эта человеческая бойня есть последняя? Ясно, что нет. Победители при дележе добычи постараются не обидеть себя, захватят лучшие куски. А побежденные и обделенные начнут готовиться к реваншу, чтобы, в свою очередь, стать победителями и забрать лучшие куски добычи... и т. д.

...Вот почему наша большевистская партия призывает к решительной борьбе против капиталистического мира, к его ниспровержению (воспроизвожу по памяти. В. К.).

Речь Владимира Ильича кончилась. Об'явлен перерыв. Публика делится между собой впечатлениями от доклада. Около меня стоят два попа. Обращаюсь к одному с вопросом:

— Как вы, отец, смотрите на Ленина и существо его доклада?

— Доклад очень хороший и программа его заманчивая, да едва ли это возможно,—ответил поп.

— Гм...

Перерыв кончился. Ильич снова на трибуне. На трибуну передается множество записок. На записки отвечает Владимир Ильич. Отвечает опять убедительно и подробно. «Да, и в Германии так же, как и у нас в России, скоро, может, очень скоро, будет революция. Германский народ, германский рабочий так же измучен войной, так же голодает, как и у нас. Другого выхода из этого положения там нет»,—отвечает Ильич на одну записку солдата.

Наконец Ильич, усталый, садится. И вот тут происходят потрясающие картины: какой-то солдат, прибывший с фронта, наслушавшийся и начитавшийся разных сплетен о предательстве Ленина немцам, берет слово и начинает говорить: «Я прослушал тов. Ленина и убедился в правоте большевистской партии». Сказав несколько слов, он снимает с себя георгиевский крест, полученный им за храбрость, передает его на трибуну с просьбой принять его на газету «Правда», хотя призыва к этому в этом зале не было. «Вот все бы отдал, да нечего больше—все богатство мое в этом кресте,—говорит он.—Продолжайте ваше дело, а мы будем помогать».

Затем то же делает другой солдат и еще и еще... Небывалый энтузиазм охватил собравшихся. В результате были собраны сотни крестов, медалей, деньги, золотые кольца и пр.

Вот откуда начался массовый приток в «Правду» не только деньгами, но и вещами. Вот откуда появились тысячи крестов и медалей, о которых публиковалось в 52 номере «Правды», т.-е. на третий день после выступления Владимира Ильича.

В тот день большевики заполучили сотни новых друзей из среды «героев» империалистической войны, тысячи рабочих вновь получили подтверждение в правоте идеи большевистской партии.

— Пробил все-таки черепа, достал до мозгов,—смеясь говорил мне тогда мой товарищ.

В фонд «Правды» за две недели после об'явления собрано было больше того, что намечалось «Правдой».

В. КАЮРОВ.

БОРЬБА ФРАНЦУЗСКИХ ГОРНЯКОВ.

ЗАБАСТОВКА В БАССЕЙНЕ ЛУАРЫ ЗАКОНЧИЛАСЬ, А В ДРУГИХ РАЙОНАХ РАСШИРЯЕТСЯ.

(От собственного корреспондента „Правды").

ПАРИЖ, 18 января. В бассейне Гар забастовочное движение продолжается с той же энергией. Бастующие преследуют организованным образом штрейкбрехеров и провокаторов. В рудничных комитетах создается единый фронт снизу, и бастующие уже во многих случаях переходили к непосредственному выступлению. Так, например, вчера была организована демонстрация в Гранкомбе, закончившаяся столкновением между рабочими и жандармами. Жандармы бросились на демонстрантов с обнаженными шашками. Среди рабочих много раненых. Но рабочие дали такой сильный отпор, что жандармам пришлось отступить. В Авейроне к забастовке присоединилась новая тысяча рабочих. На Севере и в департаменте Па-де-Кале назначены на воскресенье демонстрации солидарности.

Горняки бассейна Луары не добились успеха и принуждены возобновить работу. Тем не менее, забастовка стоила угольной компании 60 тыс. франков в день, не считая повреждений на шахтах.

Боевой дух, проявленный бастующими в их борьбе с предпринимателями и властями, позволяет надеяться, что недалек тот день, когда рабочие отомстят за свою неудачу. Причина их поражения заключается, во-первых, в том, что власти и предприниматели развили небывалую энергию в борьбе с бастующими. При этом они пользовались поддержкой вождей реформистских профсоюзов и социалистической партии, в руках которых находится большое количество муниципалитетов и мощная пресса. Вторая причина поражения горняков заключается в том, что в то время как рабочие массы были полны боевого духа и отлично разбирались в ситуации, профсоюзы и некоторые члены партии были не всегда на высоте положения. Некоторые коммунисты проявляли пораженческие тенденции и были против углубления забастовки. Компартия намерена подвергнуть строгой критике свои ошибки и недочеты перед лицом рабочих. Анализируя ход забастовки, она при помощи этой критики усилит свои ряды, устранив все нерешительные элементы, и будет опираться лишь на тех, кто доказал во время забастовки свою боеспособность и понимание положения.

Габриэль Пери.

ДВИЖЕНИЕ ГОРНЯКОВ НА СЕВЕРЕ ФРАНЦИИ.

ПАРИЖ, 18 января. (ТАСС). Сегодня истекает срок ультиматума, пред'явленного предпринимателям горнорабочими бассейна Па-де-Кале (где работает около 150.000 шахтеров). Горнорабочие требуют повышения зарплаты на 5 франков в день для всех категорий, отмены дисциплинарных взысканий и обратного приема уволенных. В случае, если предприниматели не дадут положительного ответа на ультиматум, то созываемые на 20 января районные конференции горнорабочих примут окончательное решение о дальнейших мерах борьбы. Реформисты заранее ведут усиленную агитацию против решительных мер борьбы, призывая рабочих «не следовать лозунгам унитарных профсоюзов», в случае отказа предпринимателей удовлетворить пред'явленные требования.

ОТКРОВЕННЫЕ ПРИЗНАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ.

ПАРИЖ, 18 января. (ТАСС). В бассейне Луары забастовка горнорабочих окончилась. Из числа бастовавших предприниматели уволили около 150 шахтеров. Семь шахтеров предаются суду по обвинению в «нарушении свободы труда» (т.-е. в борьбе против штрейкбрехерства). Подводя итоги забастовки в бассейне Луары, орган промышленных кругов «Журнэ Эндюстриэль» пишет, что основными причинами неудачи забастовки в этом районе являются: во-первых, «последовательный отказ углепромышленников от переговоров с унитарными профсоюзами», а, во-вторых, «разумная тактика реформистов, понимавших, что забастовка направлена прежде всего против влияния на шахтерские массы».

Бастующие рабочие в Этьене приходят на собрание.

АНТИФРАНЦУЗСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В СИРИИ.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ, 18 января. (ТАСС). По сообщению «Миллиет», волнения в Сирии продолжаются. На-днях демонстранты-националисты разгромили редакции трех газет, финансируемых французскими властями, за статьи против сирийского национального движения. Повидимому, французские власти считают положение в Сирии весьма напряженным, так как они укрепляют Дамаск и окрестные районы.

ЗАПРОС КОМФРАНЦИИ ГЕРМАНСКОГО РЕЙХСТАГА О БЕЗРАБОТИЦЕ.

БЕРЛИН, 19 января. (ТАСС). Коммунистическая фракция германского рейхстага внесла запрос о безработице. Запрос отмечает, что число безработных в Германии достигает в настоящее время 3 млн.; между тем третейские инстанции и министр труда установили для ряда важнейших отраслей промышленности рабочий день, значительно превышающий 8 часов. Это имеет место между прочим в текстильной, машиностроительной, судостроительной и железоделательной промышленности, где третейскими решениями установлена даже 60-часовая рабочая неделя. В виду этого компфракция требует, чтобы правительство определенно заявило, какую позицию оно занимает по отношению к законопроекту о соблюдении 8-часового рабочего дня, который был внесен коммунистической фракцией в рейхстаг еще в июне 1928 г.

УСПЕХИ ПРОФСОЮЗНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО МЕНЬШИНСТВА В БЕРЛИНЕ.

БЕРЛИН, 19 января. (ТАСС). При выборах районных комитетов союза неквалифицированных рабочих в Берлине левое революционное меньшинство одержало крупную победу. Пока выяснились результаты выборов в 13 районах; из них—в 7 избраны кандидаты по списку левого меньшинства, а в остальных значительно увеличилось число голосов, поданных за левых. Следует отметить победу левых в районе Вейсензее, где во главе списка реформистов была выставлена кандидатура прежнего председателя районного комитета, члена «ленинбунда». Успехи левых тем более знаменательны, что в последнее время реформисты развивали против них ожесточенную кампанию.

ВРУЧЕНИЕ ТОВ. ЛИТВИНОВУ ОТВЕТА ПОЛЬСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Вчера, 19 января, прибыв в Москву из Варшавы польский посланник г-н Патек. В тот же день, в 18 час. 30 мин., он был принят вр. и. о. наркома тов. Литвиновым, которому и вручил ответ польского правительства на ноту тов. Литвинова от 11 января.

Вместе с г. Патеком в Москву прибыл представитель польского министерства торговли и промышленности г-н Бобровский. (ТАСС).

От редакции. В виду позднего получения редакцией перевода ноты, текст будет опубликован в следующем номере газеты.

ПАМЯТИ ТОВ. МЕЛЬЯ.

В связи с убийством в Мексике тов. Мельи исполком МОПР обратился ко всем трудящимся с воззванием, в котором говорится следующее:

«Пускай этот новый акт международного заговора фашистской клики еще теснее сплотит рабочих и крестьян всего мира.

Пусть ответят они на гибель каждого борца революции мощным притоком новых и новых легионов на борьбу с белым террором и реакцией.

Исполком МОПР от имени миллионов трудящихся, об'единенных под его знаменами, выражает свое братское сочувствие трудящимся Латинской Америки по поводу трагической гибели их боевого товарища и вождя». (МОПР).

К ДЕСЯТИЛЕТИЮ ХОТИНСКОГО ВОССТАНИЯ

(1919 г.—19 января—1929 г.).

Десять лет назад крестьяне северных уездов Бессарабии выгнали из своих сел и городов румынских захватчиков и защищали с оружием в руках отвоеванную свободу в течение двух недель. Повстанцы отступили перед натиском регулярной румынской армии, противопоставившей артиллерию и пулеметы вилам, топорам и «обрезам» восставших крестьян.

Хотинское восстание было первым крупным вооруженным ответом грабителям после оккупации Бессарабии румынскими войсками. Оно разоблачило перед всем миром грабительские цели военной оккупации и выявило возмущение крестьян Бессарабии против насильников.

Расправа румынской военщины над повстанцами была первым актом режима жесточайшего гнета, массовых истязаний, убийств и грабежа, который введен захватчиками в Бессарабии. 11.000 убитых, десятки сожженных с лица земли селений и 50.000 беженцев, перебросившихся на левый берег Днестра,—вот итоги «победы» румынских бояр, явившихся в этот край под покровительством англо-французов «для поддержания порядка и охраны интересов населения и воинских частей».

Значение хотинского восстания выходит далеко за пределы эпизода героической борьбы бессарабского крестьянства с насильниками-румынами, захватившими Бессарабию в 1918 г. Весть о хотинском восстании разнеслась по всей Европе, отражая международный характер этого события, которое навело страх на бессарабскую контрреволюцию и румынскую военщину, которое поставило под вопрос судьбу боярской оккупации и разнесло по всему миру сведения о том, как бессарабское трудовое население отвечает на неслыханный акт грабежа и шантажа румынской боярщины. Эти отклики не приковали внимания трудящихся передовых стран Запада в той мере, в какой было вправе ожидать от них хотинские крестьяне. Лишь потому, что буржуазная печать употребила все меры к тому, чтобы заглушить сведения о восстании своей «информацией» о добровольном присоединении Бессарабии к «матери-Румынии». Эта версия должна была «оправдать» злодеяния насильников и подвести «законное» основание под акт преступного и низкого грабежа трехмиллионного населения распятого края.

Героическое хотинское восстание не является единственной попыткой бессарабских крестьян сбросить ярмо насильников. Оно образует лишь одно из наиболее значительных звеньев в длинной цепи восстаний менее смелых, менее крупных и уже не застигнувших румынских захватчиков врасплох. Цепь героических массовых выступлений крестьян Бессарабии привела уже ко второму крупнейшему восстанию, более организованному и идейно более подготовленному, каковым было татарбунарское восстание 1924 г. Это последнее не было слепым повторением политических ошибок повстанцев 1919 г. Татарбунарцы поняли, что освобождения и облегчения своего бедственного положения они добьются, только вырвав власть из рук как чужих капиталистов и помещиков, так и своих собственных. Татарбунарцы выступили с лозунгом классового раскрепощения — с лозунгом советской власти.

Сведения, идущие ныне из Бессарабии, рисуют ужасающую картину голода и разорения края. Крестьяне питаются листьями акации и массами умирают от голода и эпидемий. Доказано, что **не засуха является причиной голода, а разорение крестьянского хозяйства, явившееся результатом преступного хозяйничанья румынских оккупантов.** Очередное восстание в Бессарабии является вопросом времени. Лишь только первый угар иллюзий, порожденный приходом к власти национально-царанистской партии, рассеется и обман вождей лжекрестьянской партии будет разоблачен, как волна негодования снова подымется с еще большей силой.

Классовая борьба в городах за истекший год углубилась и расширилась. Коммунистическая партия Румынии окрепла. Следующее восстание бессарабского крестьянства не останется изолированным. Оно будет сигналом к восстанию под гегемонией пролетариата всех порабощенных и эксплуатируемых трудящихся Румынии.

АЛЕКСАНДРИ.

НОВЫЙ МАНЕВР ПОЛЬСКОЙ ДИПЛОМАТИИ.

ВАРШАВА, 18 января. (ТАСС). (Замедлена доставкой). «Экспресс Поранны» в большой заметке на первой странице, весьма шумно озаглавленной «Польша — герольд мира в Восточной Европе», приводит сообщение румынской газеты «Адеверул» о предполагаемом созыве по инициативе Польши конференции с участием СССР, Польши, прибалтийских государств и Румынии. «Экспресс Поранны» заявляет, однако, что до сих пор польское правительство с таким предложением не выступало. Далее газета сообщает, что, по сведениям польских политических кругов, между Польшей и ее соседями в последние дни происходил оживленный обмен нотами по вопросу об участии этих государств в восточно-европейском протоколе на основе пакта Келлога. По сведениям газеты, польское правительство получило уже утвердительный ответ от ряда заинтересованных государств. В заключение газета сообщает, что польское правительство в своей ответной ноте, которую повез в Москву польский посланник в СССР Патек, выражает согласие на заключение восточно-европейского протокола на основе пакта Келлога.

ЗАЯВЛЕНИЕ ПАТЕКА.

ВАРШАВА, 18 января. (ТАСС). (Замедлена доставкой). По сообщениям газет, прибывающий завтра в Москву Патек везет с собой польский ответ на советскую ноту. В кругах министерства иностранных дел заявили иностранным журналистам, что после ратификации пакта Келлога сенатом С.-А. С. Ш. положение значительно изменилось, вследствие чего отпадает ряд польских возражений. Далее было указано, что следует ждать подписания Польшей предложенного протокола и присоединения к нему балтийских государств и Румынии. Агентство «Пресс» сообщает: «Можно заранее сказать, что польский ответ на советское предложение будет положительный». Агентство при этом добавляет, что одновременно с подписанием протокола Патек начнет в Москве переговоры о советско-польском торговом договоре.

Перед от'ездом Патек заявил польским журналистам: «Польско-советские отношения развиваются теперь самым благоприятным образом во всех отношениях. Мое пребывание в Варшаве и разговоры, которые я имел в руководящих сферах, убедили меня, что последние шаги советского правительства содействуют укреплению добрососедских отношений между обоими государствами. После получения Народным комиссариатом по иностранным делам ответа Польши я немедленно постараюсь поставить вопросы, которые в одинаковой мере интересуют и советское правительство и Польшу».

СЛУХИ О СОЗЫВЕ БАЛТИЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ.

РЕВЕЛЬ, 19 января. (ТАСС). «Пяэвалехт» сообщает из Риги, что там считают вероятным созыв в скором времени балтийской конференции по вопросу о советском предложении. Далее газета сообщает, что инициативу созыва конференции, по всей вероятности, возьмет на себя латвийский министр иностранных дел.

ГЕРМАНСКАЯ ГАЗЕТА ОБ АНТИСОВЕТСКИХ ПЛАНАХ ПОЛЬШИ.

БЕРЛИН, 18 января. (ТАСС). Бухарестский корреспондент «Таг» сообщает о новой поездке генерала Лерона в Варшаву в связи с приготовлениями, которые ведутся в Польше с величайшей энергией и цель которых — «насильственное разрешение украинского вопроса в польском духе». По словам корреспондента, в Польше организованы кадры для шести украинских дивизий под начальством генералов Безручко, Сальского и Осецы. Наряду с происходящими в Варшаве переговорами и военными приготовлениями «посвященные» обсуждают вопрос, в какой мере Румыния и Чехо-Словакия могут быть привлечены к предполагаемому польскому выступлению, которое ожидается предстоящей весной, при этом указывают, что необходимо устранить недовольство, вызываемое в Румынии польско-венгерскими переговорами. Далее корреспондент сообщает, что в Варшаве придают серьезное значение вопросу о той позиции, которую займет Чехо-Словакия, в частности потому, что существуют намерения одновременно с украинским вопросом разрешить также в «польском духе» и литовский вопрос, что по всей вероятности должно повлечь за собой конфликт с Германией. В осведомленных варшавских кругах, по словам корреспондента, хорошо известно, что близкие к Пилсудскому лица настроены отнюдь не против конфликта с Германией, так как важнейшей целью внешней политики Польши является овладение Восточной Пруссией.

Весьма ответственные варшавские политики считают, что по отношению к этой цели захват Литвы должен играть подчиненную роль и даже, что Литва может скорее играть впоследствии при мирных переговорах роль «предмета компенсации». Печатая это сообщение своего корреспондента, «Таг» отмечает, что задача генерала Лерона заключается в подготовке выступления «восточных вассалов Антанты» против СССР. Газета заявляет также: «Во всяком случае, эти военные приготовления полностью об'ясняют польские маневры по затягиванию ответа на советское предложение о введении в действие пакта Келлога».

* * *

Если даже предположить, что бухарестский корреспондент «Таг» несколько сгустил краски, то и тогда фон нарисованной им картины все же остается достаточно мрачным. Уже не в первый раз и не из одного только источника доходят до нас сведения о приготовлениях Польши к «разрешению украинского вопроса в польском духе». Со времени «знаменитого» выступления польского воеводы Юзефского не прекращается поток информации о более чем подозрительной суете польских военных властей в районах, примыкающих к границам УССР.

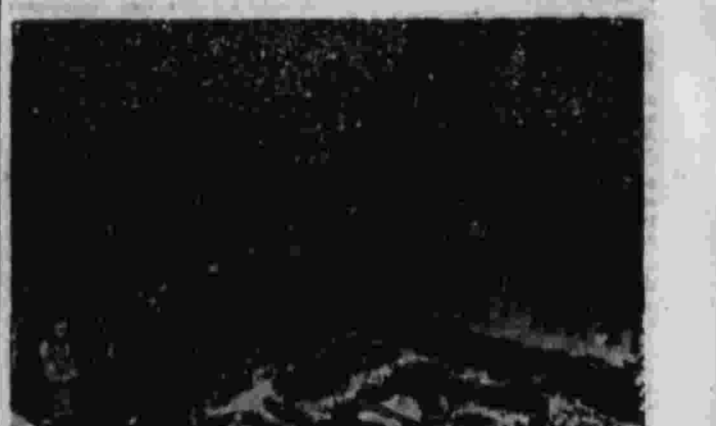
В общих чертах планы польских империалистов хорошо известны. Не является секретом и цель якобы «частных» варшавских визитов французского генерала Лерона. Любопытным представляется лишь совпадение всех этих приготовлений с горячими заверениями г. Залесского о мирных намерениях Польши и о предстоящей ратификации польским правительством пакта Келлога. Конечно, при этих условиях трудно думать, чтобы наше правительство не учло истинного смысла заявлений варшавских дипломатов о готовности Польши заключить с СССР договор о ненападении. Такой договор, принимая во внимание «освободительные» украинские планы Польши, не может иметь другого назначения, как сформирование блока окраинных государств для войны с Советским Союзом.

АНТИСОВЕТСКИЕ ПЛАНЫ В ЧЕХО-СЛОВАКИИ.

ПРАГА, 18 января. (ТАСС). Орган немецкой аграрной партии, входящей в правительственную коалицию, «Дейтче Ландпост» посвящает большую передовицу «положению на Украине», при чем пытается доказать, что «мысль о самостоятельной Украине является не порождением фантазии, а основывается на реальных фактах». Далее, газета старается внушить читателям мысль о «союзе» между Польшей и «самостоятельной Украиной». Как отмечают в политических кругах, газета служит, таким образом, планам генерала Лерона и польских милитаристов.

ПОЛОЖЕНИЕ В АФГАНИСТАНЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ.

ТАШКЕНТ, 18 января. (ТАСС). По сообщению из Кабула, среди повстанцев начались внутренние трения. Племена, живущие к северо-востоку от Кабула, в долине реки Тагао—родине матери Инаятуллы, недовольны отречением последнего. Вооруженные отряды племени вангалов, вызванные на северный фронт еще Аманулой и перешедшие в последних боях на сторону Хабибуллы (Баче-Сакао), 16 января имели в Кабуле вооруженную стычку с кугистанцами. В связи с распространившимися в Кабуле слухами, что шинвари и моманды двинулись к Кабулу, сегодня из Кабула высланы на восток к перевалу Хаки Джебар (40 километров от Кабула) вооруженные отряды кугистанцев, чтобы остановить их продвижение. Остается невыясненным отношение ряда племен севера и юго-востока к коронованию Баче-Сакао. Положение продолжает оставаться неопределенным и сложным.

Демонстрация на кладбище в день 10-летия убийства Розы Люксембург и Карла Либкнехта.

ГОЛОДОВКА ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ В БОЛГАРИИ.

1.200 политзаключенных в Болгарии об'явили голодовку. Они требуют всеобщей амнистии, права возвращения на родину для политэмигрантов и отмены исключительного закона о «защите государства». За последнее время эта борьба, ведущаяся давно под руководством рабочей партии Болгарии, особенно усилилась,—отовсюду к правительству и в парламент поступают протесты тысяч рабочих и крестьян против террора, требования амнистии и отмены исключительного закона, протесты против готовящейся войны с СССР и пр.

Эта борьба нарастает вопреки всем усилиям правительства Ляпчева парализовать ее новыми массовыми преследованиями рабочей партии и независимых профсоюзов. Главные удары реакции направлены против коммунистической партии. Болгарская буржуазия прилагает все силы к уничтожению компартии, организуя массовые убийства ее работников.

Положение правящей коалиции «Сговор» расшатано. Внутри него борются несколько течений, из которых следует отметить два: цанковское и ляпчевское. Первое представляет интересы крупных банков и вообще финансового капитала. Оно опирается на самую реакционную часть буржуазии и большинство фашистских организаций и пользуется поддержкой итальянского фашизма. Второе течение представляет прежде всего крупную торговую и индустриальную буржуазию, стремящуюся создать благоприятные условия для развития торговли и промышленности и расширить в этих целях политическую базу буржуазной власти путем привлечения буржуазных оппозиционных партий. Это течение пользуется поддержкой английского и французского империализма, стремящегося превратить Балканский полуостров, и в частности Болгарию, в свою полуколонию и в базу для готовящегося нападения на СССР.

А между тем отважная борьба против военной опасности и внутренней реакции, руководимая рабочей партией, является препятствием для контрреволюционных замыслов болгарской буржуазии и ее французских и английских покровителей. Этим и об'ясняется новый взрыв белого террора в Болгарии. Болгарская буржуазия охвачена смертельным страхом перед новым под'емом рабочего движения.

Но никакие насилия не остановят борьбы болгарского пролетариата. Голодовка 1.200 политических является одним из предвестников грядущего под'ема революционного движения в Болгарии. Болгарские трудящиеся и их передовые борцы, брошенные буржуазией в тюрьмы, рассчитывают в своей тяжелой борьбе на поддержку международного пролетариата, и нет сомнений, что они ее получат.

Х. КАБАКЧИЕВ.

В понедельник, 21 января, ровно в 7 час. веч., в кино-театре «ФОРУМ» (Садово-Сухаревская) СОСТОИТСЯ

ТОРЖЕСТВЕННО-ТРАУРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

делегатов 8-й Сокольнической райпартконференции и пленума райсовета, посвященное памяти В. И. ЛЕНИНА.

Порядок дня: доклад тов. ЛУНАЧАРСКОГО: «Пять лет без Ленина».

Делегаты конференции и члены совета проходят по своим мандатам.

БЮРО РК ВКП(б). ПРЕЗИДИУМ СОКОЛЬНИЧЕСКОГО РАЙСОВЕТА.

ВСЕМ ХОЗОРГАНАМ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ ДОНБАССА.

[illegible]

ВСНХ СССР, ВЦСПС и ЦК союза горнорабочих считают необходимым, чтобы все хозорганы Донбасса аккуратно выполняли все подсобранно обоснованные решения производственных совещаний и систематически давали отчетность перед рабочими с выполнения предложений.

Донуголь вместе с профсоюзом горняков должны поставить центральной задачей в своей работе добиться в кратчайший срок улучшения основных показателей работы Донугля; роста добычи, повышения производительности труда до норм промфинплана, снижения себестоимости в размерах, установленных правительством, и улучшения качества топлива.

Председатель ВСНХ СССР **В. КУЙБЫШЕВ.**
Секретарь ВЦСПС **А. ДОГАДОВ.**
Председатель ЦК союза горнорабочих **И. ШВАРЦ.**

19 января 1929 г.

ОТДЕЛ МК ВКП(б) по работе в деревне

на 29 января с. г., в 10 ч. утра, в Красном зале МК (Б. Дмитровка, 15-а) созывает ГУБСОВЕЩАНИЕ КОММУНИСТОВ—РАБОТНИКОВ НИЗОВОЙ СЕТИ С.-ХОЗ. КООПЕРАЦИИ, С.-ХОЗ. КРЕДИТНОЙ, МОЛОЧНОЙ, САДОВО-ОГОРОДНОЙ, ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ КООПЕРАЦИИ [illegible] СОВХОЗОВ, КОЛ. ХАЗ. УЗУ и АГРОНОМОВ.

Посылка товарищей на совещание производится [illegible]

ПОРЯДОК ДНЯ СОВЕЩАНИЯ: 1. Задачи партии в деревне и роль [illegible] кооперации. 2. [illegible] 3. О кредитовании сел.-хозяйства [illegible]

[illegible] отделом МК ВКП(б) по работе в деревне [illegible]

ПЕРВЫЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ С'ЕЗД ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЫБНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

открывается в среду, 23 января с. г., в 6 часов вечера, в помещении Делового клуба [illegible]

Мандаты и гостевые билеты можно получить [illegible]

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ ПО СОЗЫВУ С'ЕЗДА.

ПАРТИЙНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО.

НА ПАРТИЙНЫХ КОНФЕРЕНЦИЯХ.

ВЧЕРА ОТКРЫЛИСЬ КРАСНОПРЕСНЕНСКАЯ, ХАМОВНИЧЕСКАЯ И СОКОЛЬНИЧЕСКАЯ РАЙПАРТКОНФЕРЕНЦИИ.—С ДОКЛАДАМИ ЦК ВКП(б) ВЫСТУПИЛИ ТТ. РУДЗУТАК, ЯРОСЛАВСКИЙ И КУЙБЫШЕВ.—КОНФЕРЕНЦИИ ПОСЛАЛИ ПРИВЕТСТВИЯ ЦК ВКП(б), ЦО—«ПРАВДЕ» И КОМИНТЕРНУ.

НАКАЗ КЛАССА АВАНГАРДУ.

(На краснопресненской).

[illegible]

ТЕ, КТО НЕ ДРОГНЕТ ПЕРЕД ТРУДНОСТЯМИ.

(На Хамовнической).

— Наша конференция начинает свою [illegible]

— К пятилетию смерти Ильича мы, беспартийные, послали в партию 250 лучших, самых преданных, самых стойких, которые перед трудностями не дрогнут. А если партия будет переживать тяжелые времена—станем стеной все.

Конференция послала приветствия ЦК, МК, Исполкому Коминтерна, «Правде», «Рабочей Москве», Красной армии и тов. Сталину.

Сегодня с утра—прения по докладу тов. Ярославского.

БОЛЬШЕВИСТСКИЕ РЯДЫ НЕПОКОЛЕБИМЫ.

(Сокольники).

Зал театра «Форум» вместил около 1.000 коммунистов—делегатов и гостей открывшейся вчера в районной конференции.

[illegible]

Давая по рукам агентам троцкистской оппозиции, в то же время разоблачать и гнать из партии таких коммунистов, которые в одном кармане имеют партбилет, а в другом маклачат от контрреволюционных троцкистов.

* * *

Конференция послала приветствие ЦК ВКП(б), тов. Сталину, «Правде», ИККИ и МК.

Сегодня—прения по докладу ЦК ВКП(б).

ОРГАНИЗОВАТЬ ВЕРБОВОЧНУЮ КАМПАНИЮ ПОСЫЛКИ ОТВЕТРАБОТНИКОВ НА ПРОИЗВОДСТВО.

УСИЛИТЬ ВЫДВИЖЕНИЕ РАБОЧИХ НА РУКОВОДЯЩИЕ ПОСТЫ.

ВО ВСЕМ РК, УК И ЯЧЕЙКАМ ВКП(б) МОСКОВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ.

Ноябрьский пленум ЦК партии предложил партийным организациям, как один из важнейших методов укрепления партийного руководства и связи с массами, проведение практики выездов «на места для практического руководства низовыми органами, переходом с руководящих постов на длительную работу на производство и в низовых органах и усилением выдвижения новых кадров рабочих [illegible]

Недопустимы в развитие решения пленума ЦК посылки на предприятие, на производство, лиц, дискредитировавших себя как члены партии.

Московский Комитет постановил послать в ближайшее время к станку значительную группу ответственных работников.

РК и УК и ячейки должны обсудить этот вопрос [illegible]

При этом РК (УЮ) должны осуществлять руководство этими мероприятиями, рассматривая каждый конкретный случай с точки зрения политической и хозяйственной целесообразности.

Московский Комитет призывает членов партии обеспечить успешное проведение этого важнейшего мероприятия партии.

Секретарь МК ВКП(б) **К. БАУМАН.**

ЛЕНИНСКИЕ ДНИ В МОСКВЕ.

У БАУМАНЦЕВ.

Вчера происходили первые районные собрания памяти Ленина.

Восьмая бауманская партконференция вместе с беспартийными рабочими-бауманцами собралась вчера в клубе им. Кухмистерова почтить память Ленина.

Собрание открыл секретарь райкома т. Цифринович.

— В эти дни,—сказал он,—нужно проверить, насколько хорошо проводили мы заветы Ленина после его смерти. Гиганты индустрии, как Днепрострой и Волховстрой, десятки тысяч новых машин и тракторов, новых школ, клубов, являются были доказам того, что посеял Ленин. Эта огромная работа широчайших масс трудящихся нашего Союза—лучший памятник великому вождю пролетариата.

Стоя делегаты выслушивают траурный марш.

О пяти годах без Ленина, годах больших трудностей и больших побед на хозяйственном и культурном фронте, говорит т. Корманова.

[illegible]

В Ленинграде на «Красном Путиловце» подано около 130 заявлений, на «Красном Треугольнике»—200, на ф-ке им. Халтурина—112, «Красном Гвоздильщике»—40, «Красном Выборжце»—30, на заводе им. Карла Маркса—60, «Работнице»—41, Металлическом—20 и т. д. Значительная часть заявлений поступает от рабочих с большим производственным стажем.

ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСК, 19 января. (Роста). Сегодня прибыла для участия в траурных ленинских днях делегация костромских ткачей и металлистов—всего 43 человека. В Кострому в свою очередь выехала делегация 42 ивановских рабочих.

В губернии после смерти Ильича пущены 34 фабрики. Армия текстильщиков выросла в два с половиной раза, выпуск мануфактуры увеличился за 5 лет в четыре раза.

КАЗАНЬ, 19 января. (Роста). [illegible]

МАССОВОЕ ВСТУПЛЕНИЕ РАБОЧИХ В ПАРТИЮ.

В связи с пятой годовщиной смерти Ленина усилился приток заявлений от рабочих о вступлении в партию. [illegible]

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ АССИГНОВАНИЕ НА ПРОВЕДЕНИЕ ВЕСЕННЕЙ ПОСЕВНОЙ КАМПАНИИ.

(В Совете Народных Комиссаров Союза ССР).

[illegible]

ХРОНИКА.

— Наркомтруд СССР утвердил 2-недельный дополнительный отпуск для всех рабочих каменноугольной промышленности, занятых на подземных работах в Артемовском, Луганском, Сталинском и Шахтинском округах. Дополнительные отпуска будут предоставляться рабочим, независимо от характера выполняемой ими работы, начиная с января этого года.

— Контрактация хлеба для рабочих районов. [illegible]

— ЦК металлистов предложил союзным организациям обсудить вопрос о переводе частных и концессионных предприятий на 7-часовой рабочий день и подготовиться к пред'явлению конкретных требований по этому поводу предпринимателям.

[illegible]

Поправки.

[illegible]

ПО СОЮЗНЫМ РЕСПУБЛИКАМ.

ДЕЛО ОБ ИЗДЕВАТЕЛЬСТВАХ НАД РАБОТНИЦЕЙ БАРНОЙ.

РЕЧИ ПРОКУРОРА И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБВИНИТЕЛЕЙ.

МИНСК, 19 января. (ТАСС). Прокурор Верховного суда тов. Михайлов в своей обвинительной речи [illegible]

ПРИГОВОР.

МИНСК, 19 января. (Наш корр.). [illegible]

КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОЕ ГНЕЗДО НА ДОБРУШСКОЙ ФАБРИКЕ.

ПАРТИЙНЫЕ И ПРОФСОЮЗНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ НА ПОВОДУ У ЧЕРНОСОТЕНЦЕВ.

МИНСК, 19 января. (Наш корр.). [illegible]

СОСТЯЗАНИЯ МЕЖДУ СЕЛАМИ.

КТО БОЛЬШЕ СДАСТ ХЛЕБА?

КИЕВ, 17 января. (Наш корр.). В некоторых районах Киевщины для снижения хлебозаготовок проводится интересный опыт. [illegible]

ВСЕКАРЕЛЬСКИЙ С'ЕЗД СОВЕТОВ.

ПЕТРОЗАВОДСК, 19 января. (Роста). [illegible]

ОТОВСЮДУ.

[illegible]

СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ.

Радиопередача.

[illegible]

Разные.

[illegible]

ИЗВЕЩЕНИЯ.

[illegible] февраля 1929 года назначается очередной пленум Московского Комитета ВКП(б) со следующим порядком дня:

1. Вопросы губпартконференции.
2. [illegible]

Секретарь МК ВКП(б) **К. БАУМАН.**

[illegible]

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ

БЕЗБОЖНИК У СТАНКА № 1

В НОМЕРЕ СТАТЬИ:

ЦЕНА 20 КОП.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1929 г.

на год (24 номера)—8 р., на 6 мес. (12 номеров)—3 руб., на 3 мес.—1 руб. 50 коп., на 1 мес. (2 номера)—50 коп.

БЕСПЛАТНО

Подписка принимается Изд-вом „МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ"—МОСКВА, Кузнецкий Мост, 7, его отделениями и уполномоченными, а также везде, где «Известия» и «Правда», всюду почт., контор. и киосках контраг. печати.

ПЕРВЫЙ № ДВУХНЕДЕЛЬНОГО ЖУРНАЛА

„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ"

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ.

В ПЕРВОМ НОМЕРЕ НАПЕЧАТАНО:

ОТ РЕДАКЦИИ.

Э. БАГРИЦКИЙ—... В. МАЯКОВСКИЙ—... Н. КОЛОСОВ и В. ГЕРАСИМОВА—... Ю. ЛАРИН—... Н. КАРЕВ—... Т. КОСТРОВ—... В. ЛОМИНАДЗЕ—... А. ГАЙСТЕР—... ХРОНИКА, БИБЛИОГРАФИЯ.

Цена № — 60 коп. Требуйте везде.

Оставьте считанные дни! Сегодня же подпишитесь на двухнедельный журнал „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ"

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: на 1 г.—10 р. 80 к., 6 м.—5 р. 60 к., 3 м.—2 р. 80 к., 1 м.—1 руб.

ГОСИЗДАТ РСФСР

Вышла и на днях поступит в продажу

НОВАЯ КНИГА

С. КРЫЛОВ и А. ЗЫКОВ

О ПРАВОЙ ОПАСНОСТИ

Стр. 184. Ц. 60 к.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ В ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ГОСИЗДАТА—Москва, Центр, Богоявленский пер., 4, тел. 2-85-31 и во все магазины и отделения Госиздата РСФСР.

Институт ЛЕНИНА при ЦК ВКП(б) и ГОСИЗДАТ РСФСР

ВЫХОДЯТ ИЗ ПЕЧАТИ И В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ ПОСТУПЯТ В ПРОДАЖУ

ЛЕНИНСКИЙ СБОРНИК IX

ЛЕНИНИАНА

ТОМ IV

Библиографический обзор русской литературы за 1927 год

СОСТАВЛЕН БИБЛИОТЕКОЙ ИНСТИТУТА ЛЕНИНА

КАТАЛОГ ИЗДАНИЙ ИНСТИТУТА ЛЕНИНА

Ежемесячн. литерат.-художественный и общественно-политический журнал

ОКТЯБРЬ

В 1929 году выходит в РЕОРГАНИЗОВАННОМ ВИДЕ.

В ЖУРНАЛЕ ОТДЕЛЫ

ВВОДЯТСЯ НОВЫЕ ОТДЕЛЫ

В ЖУРНАЛЕ ПРИМЕТ УЧАСТИЕ РЯД ВИДНЕЙШИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

На год—12 руб., на 6 мес.—7 руб., на 3 мес.—4 руб.

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ

РАСПРОДАЖА

Даниэль Дефо РОБИНЗОН КРУЗО

ФОТО ВЫШЕЛ № 2 Цена номера 30 коп. ФОТО

РЕШЕБНИКИ

1. ГЕОМЕТРИЯ и ТРИГОНОМЕТРИЯ. 2. АЛГЕБРА

ИЗУЧАЙТЕ САМИ „ПОЛЕЗНЫЕ ПРОИЗВОДСТВА"

РУЧНОЙ ТРУД САМОУЧИТЕЛЬ РЕМЕСЛ КРОЙКИ и ШИТЬЯ

СЛОВАРЬ-СПРАВОЧНИК „ПРОМЕТЕЙ", Москва, центр, Никольская, 21.

Издательство КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

Москва, 19, Волхонка, 14, тел. 5-71-38.

СЕКЦИЯ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА и ЯЗЫКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Редакционная коллегия: П. П. ЛЕБЕДЕВ-ПОЛЯНСКИЙ, А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ, И. М. НУСИНОВ, В. Ф. ПЕРЕВЕРЗЕВ, Н. А. СКРЫПНИК.

Ответственный редактор В. М. ФРИЧЕ. Ответственный секретарь О. М. БЕСКИН.

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ ТОМ I

(от А до Бывалов)

Стр. 678+XVIII. Иллюстраций в тексте 60 и на отдельных листах 9.

25 января РАССЫЛАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМ

ПРИЕМ ПОДПИСКИ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Условия подписки:—5 р. за том. Задаток—5 р.

ПРОСПЕКТЫ ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕСПЛАТНО.

ПОДПИСКУ и ДЕНЕЖНЫЕ ПЕРЕВОДЫ ПРОСИМ АДРЕСОВАТЬ: Москва, 19, Волхонка, 14. Издательству КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ.

ОТДЕЛ ЗРЕЛИЩ.

1-й ГОСУДАРСТВЕН. ТЕАТР ОПЕРЫ и БАЛЕТА — САДКО, муз. Римского-Корсакова. КРАСНЫЙ МАК, муз. Глиэра. 22/I—СПЕКТАКЛЯ НЕТ.

2-й ГОСУДАРСТВЕН. ТЕАТР ОПЕРЫ и БАЛЕТА — 20/I — ПИКОВАЯ ДАМА, муз. Чайковского. 22/I—СПЕКТАКЛЯ НЕТ.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МОСКОВСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТР. ... СИНЯЯ ПТИЦА ... ДНИ ТУРБИНЫХ ... ГОРЯЧЕЕ СЕРДЦЕ ... БЕЗУМНЫЙ ДЕНЬ, ИЛИ ЖЕНИТЬБА ФИГАРО ...

МАЛАЯ СЦЕНА М. Х. Т. (Тверская, 22). ... КВАДРАТУРА КРУГА ... БИТВА ЖИЗНИ ... СЕСТРЫ ЖЕРАР ... НА ДНЕ ... У ВРАТ ЦАРСТВА.

ГОСУДАРСТВ. ТЕАТР ОПЕРЫ И БАЛЕТА. (Б. Дмитровка, 6).

ГОСУДАРСТВЕН. МОСКОВСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕН. ТЕАТР 2-й — Смерть Иоанна Грозного. НИТЬКИНО ЦАРСТВО.

КАМЕРНЫЙ ТЕАТР — ДЕНЬ и НОЧЬ. БАГРОВЫЙ ОСТРОВ.

ГОСУД. ТЕАТР им. ВС. МЕЙЕРХОЛЬДА — Д. Е. ВТОРНИК — РЫЧИ КИТАЙ.

Государственный ЕВРЕЙСКИЙ ТЕАТР — СЕГОДНЯ, 20, и СРЕДУ, 23, ЧЕЛОВЕК ВОЗДУХА. Открыта продажа 4-го абонемента на 1928/29 г.

Государственный МУЗЫКАЛЬНЫЙ ТЕАТР — ПЕРИКОЛА.

ГОСУДАРСТВЕН. ОПЕРНЫЙ ТЕАТР имени К. С. СТАНИСЛАВСКОГО — ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН.

ТЕАТР РЕВОЛЮЦИИ, Ул. Герцена, 19. — СЕГОДНЯ, 20/I — ГОП-ЛЯ, МЫ ЖИВЕМ.

Московский театр САТИРЫ — ЛИРА НАПРОКАТ.

Театр МГСПС, Каретный ряд, 3. — РЕЛЬСЫ ГУДЯТ.

1-й РАБОЧИЙ ТЕАТР ПРОЛЕТКУЛЬТА — МАЛИНОВОЕ ВАРЕНЬЕ.

1-й Государственный ЦИРК

ГОСЦИРК МЮЗИК ХОЛЛ — 30 GIRLS ... „ЯПОНИЯ" „ЕВРОПА" ... ДАНТЕ

К—И—Н—О.

1-й художественный СОВКИНО — ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ПОСТАНОВКИ БРАК на ПАРИ. Начало с 12 ч. дня. МАЛАЯ ДМИТРОВКА.

Театр-кино КОЛОСС, ул. Герцена, 13. — СЕГОДНЯ ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ПОСТАНОВКИ МОНТИ БЕНКС в новой комедии НАСТОЯЩИЙ ДЖЕНТЛЬМЕН

ЭРМИТАЖ — ТВЕРСКАЯ, 46 — УРАН

СЕГОДНЯ КРУПНЕЙШИЙ БОЕВИК сезона 1929 г. по роману ЭПТОНА СИНКЛЕР сценарий И. БАБЕЛЯ ДЖИММИ ХИГГИНС. Режиссер Г. ТАСИН. В гл. ролях: А. БУЧМА, Ю. СОЛНЦЕВА. Оператор Н. БЕЛЬСКИЙ. Производство ВУФКУ.

Театр-кино АРС, Тверская, 61. — СЕГОДНЯ, КИНО-РЕВЮ СТЕКЛЯННЫЙ ГЛАЗ

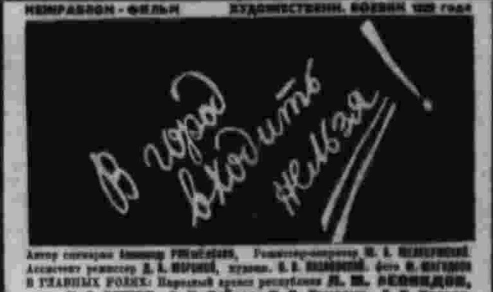
ГОРН — ТАНЬКА-ТРАКТИРЩИЦА

УНИОН — КИНО-РЕВЮ СТЕКЛЯННЫЙ ГЛАЗ

АРТЕС — Лесные люди—Уд.

ФОРУМ — СЕГОДНЯ ТЕАТР ЗАКРЫТ.

МЕЖРАБПОМ-ФИЛЬМ ХУДОЖЕСТВЕНН. БОЕВИК 1929 года

ПРЕМЬЕРА 23 ЯНВАРЯ В ТЕАТРАХ КОЛОСС, АРС.

1-й СОВКИНО ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, АРБАТСКАЯ ПЛОЩАДЬ.

22-го января Похороны ЛЕНИНА.

САМЫЙ ВЕСЕЛЫЙ ФИЛЬМ В СЕЗОНЕ. Производство и выпуск СОВКИНО.

ПЕРЕПОЛОХ

(Ошибка „енерала" Стрехи).

По рассказу В. ВАЖЕТЬЕВА.

С 23-го ЯНВАРЯ В КИНО-ТЕАТРАХ: 1-й СОВКИНО • УРАН • ГОРН

ВРАЧЕБНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ПОЛИКЛИНИКА Медицинской Общест ЦЕКУБУ.

ПОЛИКЛИНИКА 2-го МОСК ГОСУД УНИВЕРСИТЕТА

ПОЛИКЛИНИКА 1-го МОСК. ГОСУД. УНИВЕРСИТЕТА

ЧАСТНАЯ МЯСНИЦКАЯ ЛЕЧЕБНИЦА

СЕЛИВЕРСТОВСКАЯ ЛЕЧЕБНИЦА

СИФИЛИС, МОЧЕПОЛОВЫЕ и НЕРВНЫЕ — Д-ра РАБИНОВИЧА.

ПОЛОВЫЕ НЕРВНЫЕ

Д-р Л. Г. ВОЛЬПЯН

К ЛИКВИДАЦИИ АГРОНЕГРАМОТНОСТИ

для совхг., парт., и кооперативного актива

РЕКОМЕНДАТЕЛЬНЫЙ СПИСОК КНИГ для курсов и кружков

Необходимое пособие для преподавателей и слушателей.

Составлен Книгосоюзом и согласован с Отд. Коопер. Просвещения Союза Союзов С.-Х. Кооперации. Цена 10 коп.

Заказы адресовать: КНИГОСОЮЗ, Москва, Центр, Манежная, 17.

КРАСНЫЕ УГОЛКИ

УДЕШЕВЛЕННЫЕ КНИГИ

ЦЕНТРАЛЬНЫЕ ЗАОЧНЫЕ КУРСЫ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧ. НАУК им. А. И. РЫКОВА

(МОСКВА, Ильинка, дом № 9, ЦЗФК).

УСЛОВИЯ ПРИЕМА (проспекты) ВЫСЫЛАЮТСЯ ПО ПЕРВОМУ ТРЕБОВАНИЮ БЕСПЛАТНО.

САМОУЧИТЕЛЬ ДЛЯ ГИТАРЫ, МАНДОЛИНЫ и БАЛАЛАЙКИ

История ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

ТОРГОВЫЕ КУРСЫ

РЕШЕНИЕ ГЕОМЕТРИЧЕСКИХ ЗАДАЧ.

РЕФОРМАТСКИЙ, С. Н.

ГЛАВПРОФОБР.—ЗАОЧНАЯ ПОДГОТОВКА ТЕХНИКОВ и РАБОЧИХ

ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ РСФСР. Бюро заочного обучения.

ИНСТИТУТ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ ... ДЛЯ ИНЖЕНЕРОВ И ТЕХНИКОВ.

НА ПИШУЩЕЙ МАШИНЕ

КЛАССИКИ.

ШПЕЛЛЕР-МИХАЙЛОВ

И. С. СОЛОКИНА.

ЧЕРЧЕНИЕ ЗАОЧНАЯ ПОДГОТОВКА НА ДОМУ ЧЕРТЕЖНИКА КОНСТРУКТОРА

Главный руководитель — инж. А. М. ИЕРУСАЛИМСКИЙ

ЛЕГКО и СКОРО

„СТАНДАРТ ДВИГАТЕЛЬ"

АВТОМОБИЛЬ ВСЕМ

НАСТОЯЩАЯ РЕЛЬЕФНАЯ КРАСКА „PASTINELLA".

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ Алексея В. РОЗМЫСЛОВА

НИККЕЛЬ

СКАЖИТЕ ВСЕМ

ОП. УЧ-ЦА

ПОКУПАЮ ПОРОДИСТЫХ КРОЛИКОВ.

ПРИСТАЛ ПОНТЕР.

ГОСУДАРСТВЕННОМУ ИЗДАТЕЛЬСКОМУ ПРЕДПРИЯТИЮ

ПОДВИЖНЫЕ ДИАГРАММЫ Проф. В. В. СТЕПАНОВА

ДИАГРАММНЫЙ МАТЕРИАЛ — ДИАГРАММНЫЕ ТЕТРАДИ — И. Р. БЕЛОПОЛЬСКОГО.

Коон. Т-во „ПЕЧАТНИ ЗНАНИЙ"

Типография газеты «Правда», Москва, Тверская, 48.